

63.5 (24ay)
П-61

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

ГРОЗНЫЙ — 1986

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллч. пред. выдач

5/II - 41 -

3 ТМО Т. 1 млн. 3. 3986—83

273687

68.3(2)37
19

ЧЕЧЕНО-ИНГУШСКИЙ ОРДЕНА «ЗНАК ПОЧЕТА»
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, СОЦИОЛОГИИ И ФИЛОЛОГИИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ ЧИАССР

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА
НАРОДОВ
ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

154587

Шалинская центральная
районная БИБЛИОТЕКА
Инвентарный № 243687

БИБЛИОТЕКА № 1
Шалинского р-на ЧИАССР
пос. Аргун
Инв. №

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ЦГБ г. ГРОЗНОГО
364251 г. Грозный, пр. Победы 22

ГРОЗНЫЙ — 1984

Печатается по постановлению Ученого Совета
Чечено-Ингушского ордена «Знак Почета» института истории,
социологии и филологии при Совете Министров ЧИАССР
(Темплан 1984)

Редколлегия: В. Б. Виноградов, М. Б. Мужухоев,
(отв. редакторы);
З. А. Мадаева, Х. М. Мамаев, А. Г. Попов.

Рецензенты:

С. Ц. Умаров, М. Х. Багаев, Л. Б. Заседателева, Е. Н. Данилова,
В. П. Кобычев, М. К. Джигоев, С. Л. Дударев

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА НАРОДОВ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Редактор Н. Т. Бенкевич
Тех. редактор В. В. Шепелева
Корректоры: Н. П. Арустамова, А. В. Евтушенкова

Сдано в набор 8.06. 1984 г. Подписано к печати 15.11. 1984 г. СФ03451.
Формат 60х84 1/16. Объем 8 п. л. Тираж 600. Заказ № 6487. Цена 1 р. 40 к.

Типография имени И. Н. Заболотного Управления по делам издательств, поли-
графии и книжной торговли Совета Министров Чечено-Ингушской АССР,
364021, Грозный, ул. Интернациональная, 12/33

Темплан 1984 г.

Чечено-Ингушский институт истории, социологии и филологии (ЧИИИСФ)
1984

ПРЕДИСЛОВИЕ

После длительного перерыва (см.: «Археолого-этнографиче-
ский сборник», т. IV, Грозный, 1976), заполненного выпусками уз-
коспециальных археологических (библиографию см. в сб.: «Новые
археологические материалы по средневековой истории Чечено-Ин-
гушетии», Грозный, 1983, с. 3) и этнографических (библиографию
см. в сб.: «Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингу-
шетии», Грозный, 1983, с. 3) изданий, коллектив сектора архео-
логии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социо-
логии и филологии счел целесообразным подготовить единый те-
матический сборник. Он посвящен научно-актуальной проблема-
тике, все еще слабо изученной и находящейся в равной мере в
сфере прямых интересов всех членов сектора. В создании нынеш-
него сборника приняли участие специалисты из Московского госу-
дарственного университета имени М. В. Ломоносова, а также неко-
торые представители краеведческого актива, который постепенно
складывается вокруг сектора археологии и этнографии ЧИИИСФ.

Разумеется, предлагаемая вниманию читателей подборка ис-
следований не претендует на освещение всех сторон истории посе-
лений и жилищ на территории нашего края. Однако статьи, пред-
ставленные в ней, проливают дополнительный свет на ряд вопро-
сов эволюции жилищно-бытовых комплексов многонационального
населения Чечено-Ингушетии, вводят в научный оборот новые
источники, поднимают дискуссионные проблемы, намечают неко-
торые оригинальные пути их толкования. Акцент на материалы
дореволюционного периода объясняется прежде всего тем, что без
достаточного знания типов традиционных поселений и жилищ не-
возможно верно понять и оценить ход их последующего развития,
а главное — характер прогрессивных инноваций, определяющих
нынешний облик селений, станций и городов Чечено-Ингушской
АССР.

Сборник открывает статья Л. Б. Заседателевой и Т. Г. Мунчае-
вой. Она посвящена появлению, сложению и развитию типов посе-
лений и жилищ у восточнославянского (старожильческого казачь-
его и переселенческого украинского) населения берегов Терека и

его притоков на протяжении XVI — начала XX века. Статья построена на большом и разнообразном материале. Ей свойственна проблемность изложения, концентрация внимания на перспективных и еще не получивших должного раскрытия вопросах. Особую ценность представляют суждения авторов о сложении так называемых «гибридных» культур в зоне активных этнических контактов, как то и было в бассейне Терека, где восточнославянские поселенцы жили в теснейших контактах и взаимодействии с горцами, в том числе и вайнахами (чеченцами и ингушами).

Для характеристики типов поселений и жилищ, их интерьера, обстановки, утвари у народов Чечено-Ингушетии ранее совершенно не использовался такой ценный и своеобразный вид источников, как изобразительное искусство. Основываясь на изучении живописного наследия ряда российских и зарубежных художников XIX в., побывавших в нашем крае, В. Б. Виноградовым в статье впервые предлагается этнографический комментарий к изображениям чеченских и ингушских высокогорных и равнинных поселений, казачьих станиц, их архитектуры, внутреннего вида жилищ.

Ценность публикации Р. А. Даутовой состоит в том, что она впервые вводит в научный оборот сведения о замечательных архитектурно-бытовых объектах ранее не изученного в должной мере ущелья реки Фортанги (урочище «Эги-Чож») — исторического центра карабулаков-орстхойцев. Описания и иллюстрации дают достаточное представление о памятниках и позволяют искать их объективное место в позднесредневековой культуре Чечено-Ингушетии.

В. Н. Калинин высказывает на страницах сборника свои соображения о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым перекрытием в Чечено-Ингушетии. Опираясь на личные полевые наблюдения и критическую проработку мнений предшественников, автор предлагает некоторые новые (главным образом архитектурные) критерии для решения поставленных им вопросов. Статья В. Н. Калинина остро полемична и, как сознает сам автор, не завершает разработку дискуссионных сторон истории вайнахского зодчества как части горнокавказской панорамы. Редколлегия публикует ее в порядке обсуждения и привлечения широкого внимания к архитектурным доводам и деталям, без учета которых изучение башенного зодчества кавказских народов практически невозможно.

Некоторые проблемы изучения поселений и жилищ народов Северного Кавказа поднимает в своей заметке З. А. Мадаева. Отправной точкой для суждений автора стала ценная монография В. П. Кобычева, изданная в Москве в 1982 году. З. А. Мадаева не только убедительно раскрывает большое научное значение этого

труда, но и намечает отдельные направления последующих работ в русле тематики нынешнего сборника.

Проблеме локализации аланского города Дедакова (Тютякова) сейчас посвящена большая историография. В своей статье Х. М. Мамаев на основе источниковедческо-историографического анализа уточняет ряд существенных положений темы, в частности сведения турецкого путешественника XVII в. Челеби о городе Ирак-и-Даднан, и вслед за некоторыми другими исследователями аргументированно отождествляет летописный Дедаков с городищем Верхний Джулат (Татартуп).

Статья М. Б. Мужухоева посвящена исследованию позднесредневекового зодчества Центрального Кавказа. Автор впервые предпринимает попытку очертить ареал распространения в целом жилищно-оборонительных построек, склеповых погребальных и культовых (склепообразные и столпообразные святилища) памятников и включает в него высокогорья Чечено-Ингушетии, Восточной Грузии и Осетии. Автор также разбирает вопросы датировки, предположительно указывает на известные в горной зоне так называемые циклопические сооружения как возможные жилища, лежащие в основу средневекового каменного зодчества.

Публикация И. К. Радченко содержит описание поселений и жилищ гребенских казаков — небольшой по численности этнографической группы русского населения, издавна проживающей на территории Чечено-Ингушетии. Указываются места ранних поселений и их нынешнее месторасположение, характеризуются архитектура и интерьер жилищ (описание современного жилища на примере станицы Старогладовской). Автор акцентирует внимание читателей на примерах взаимного обогащения культур народов в современных многонациональных гребенских станицах Чечено-Ингушетии.

Завершает сборник статья З. И. Хасбулатовой о жилище и семье сельского населения Чечено-Ингушетии в XIX—XX вв. Автор путем привлечения полевых и других видов источников тщательно разбирает динамику и трансформацию традиционных форм жилищ и его отдельных элементов, анализирует размеры семьи, половозрастную и социально-профессиональную структуры, распространенность сложных семей. З. И. Хасбулатова также убедительно показывает имущественную дифференциацию чеченцев и ингушей, что нашло свое отражение и в жилище.

Таково содержание тематического сборника о поселениях и жилище народов Чечено-Ингушетии в прошлом и настоящем.

Редакционная коллегия и авторский коллектив выражают свою признательность рецензентам, рекомендовавшим в печать публикуемые статьи: доцентам, кандидатам исторических наук М. Х. Багаеву (Чечено-Ингушский государственный университет имени

Л. Н. Толстого), Л. Б. Заседателевой (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова), кандидатам исторических наук Е. Н. Даниловой (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова), В. П. Кобычеву (Институт этнографии АН СССР), М. К. Джигоеву (Юго-Осетинский научно-исследовательский институт), С. Л. Дудареву (Чечено-Ингушский государственный университет имени Л. Н. Толстого), а также рецензенту Ученого Совета ЧИИИСФ кандидату исторических наук С. Ц. Умарову, взявшему на себя труд рассмотреть содержание сборника в целом.

Редакционная коллегия.

Л. Б. ЗАСЕДАТЕЛЕВА, Т. Г. МУНЧАЕВА

**РАЗВИТИЕ ТИПОВ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ
РУССКОГО И УКРАИНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
ПРИТЕРЕЧНЫХ РАЙОНОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
(С середины XVI по начало XX в.)**

Данная статья посвящена сложению и развитию типов поселений и жилищ русского старожильческого и украинского населения Притеречных районов Северного Кавказа, начиная с XVI в. Используя архивные, письменные и полевые материалы, авторы прослеживают историю возникновения первых поселений — казачьих (гребенских и терско-низовских) «городков» и «государевых крепостей», со временем эволюционировавших в станицы, селения и города края (вплоть до начала XX в.). Помимо социальных и имущественных, а также этнических различий в характере жилищ (типы, конструкция, материал и т. п.), в статье рассматриваются различные виды жилищ русского и украинского — в том числе и иногороднего — населения края, начиная от первых примитивных землянок и полуземлянок и летних куреней на начальном этапе расселения в крае и кончая зданиями типично городской архитектуры в конце исследуемого периода. В статье, кроме того, прослеживаются культурные взаимосвязи и взаимовлияния восточнославянского и местного горского населения, в том числе и заимствования в области материальной культуры контактировавших групп (в частности, в сфере домостроительства и архитектуры) пришлого и коренного населения Притеречных районов Северного Кавказа.

...В этнографической науке, как это хорошо известно, ныне принято считать, что одним из важнейших этноопределяющих признаков того или иного народа служит «тот слой культуры... который выполняет этнические функции, т. е. прежде всего его традиционно-бытовая культура», причем «одним из примеров ее многообразия у народов мира может служить традиционное жилье»¹, долгое время сохраняющее древние этнические традиции, но, кроме того, на разных этапах истории включающее многие инновации и заимствования — особенно обширные в зоне этнического контакта, — приводящие к закономерным изменениям первоначальных форм, усовершенствованиям строительных приемов, конструкций, плановых композиций и прочим селективным явлениям.

Поселения и жилища, как материальное выражение социальной жизни населения любого региона, прочно связаны не только с физико-географическими или природными условиями края, этническими традициями, но и с хозяйственным освоением территории или доминирующим типом хозяйства, с характером и направлением миграций, с общественными, семейными, религиозными и прочими традициями. При этом особенно сложные явления происходят в контактных зонах тех или иных миграционных театров при переселениях разноэтнических групп и сложении там «маргинальных», или «гибридных», типов культур, в той или иной степени сохранивших старые традиции и включившие хронологические инновации, а также иноэтнические заимствования.

Нет необходимости доказывать: имеют значение и сам характер миграции — одноразовой, «ползучей» (перманентной), «импульсной», т. е. имеющей временные разрывы в ее осуществлении, этапы расселения, мощность миграционных потоков в различные периоды и т. д.² Кроме того, картину усложняет наличие многих и разных исходных точек при миграции населения на том или ином этапе освоения нового края, характер последующих связей мигрантов с метрополией, активная или пассивная роль местной этнической традиции, стойкость «материнских» форм культуры, их взаимодействие с местной (или местными) культурой (культурами) на различных этапах освоения нового края, адаптация переселенцев к новым физико-географическим условиям и доминирующему в крае культурно-хозяйственному типу (или типам) и многое другое. Все это необходимо учитывать, исследуя материальную культуру русского и украинского населения Притеречных районов в XVI—XX вв., и в первую очередь, такой ее важнейший элемент, как поселения и жилища.

В связи с известными этапами исторического и социально-экономического развития России и сопредельных юго-восточных территорий (в первую очередь районов Северного Кавказа), историю появления восточнославянского населения на Тереке и расселения его в Притеречных районах в «новое время»³ принято условно делить на три больших периода. Первый — с середины XVI в. по 70-е годы XVIII в.; второй — с 70—80-х годов XVIII в. по 60-е годы XIX в. и третий — с 60-х годов XIX в. по начало XX в., вплоть до 1917 года⁴.

Однако в силу сложного воздействия определенных исторических и социально-экономических факторов развития как самой метрополии, так и ее юго-восточных окраин, их тесного переплетения и взаимодействия в зоне юго-восточного «миграционного театра», включавшего в себя и районы Северного Кавказа, в этих больших периодах имеется и ряд специфически хронологических (региональных) этапов в истории появления русского и украин-

ского населения на Тереке и освоения ими Притеречных районов в указанное время.

Эта проблема весьма актуальна, вызывает большой интерес и находит свое освещение в целом ряде новейших работ Е. Н. Кушевой, Л. Б. Заседателевой, В. Б. Виноградова, Т. С. Магомедовой и других⁵.

Как известно из источников, на начальном этапе ядро русского старожильческого населения терско-сунженских районов Северного Кавказа сложилось из беглых «сходцев» из селений и городов Руси того времени, отдельных групп и ватажек рязанских, донских и волжских казаков, прочих «гулящих» людей, а также выходцев из среды местных горских народов, составивших т. н. субстратную основу позднейшего гребенского и терского (низовского) казачества.

В течение второго, а частично уже и первого (особенно в его конце) периодов терское казачество постепенно было включено в состав приграничных вооруженных сил Русского государства, и в крае оформились гребенское, терско-низовское, астраханское и терско-семеёвское казачьи войска (т. н. полки). Продолжалось дальнейшее расселение всего терского казачества, появление новых «городков» (позднейших станиц) по Тереку и Сунже, хозяйственное освоение Притеречных районов⁶.

С конца XVIII в. и на всем протяжении первой половины XIX в. (т. е. во втором и третьем периодах заселения Терека и Сунжи — особенно после отмены крепостного права, окончания «Кавказской войны», принятия ряда государственных «переселенческих законов» и местных указов аналогичного характера) начинается новая массовая миграция русского и украинского населения, в том числе и многогородного, на Северный Кавказ, достигнувшая своего апогея в 90-е годы XIX в. Таким образом, третий период в истории формирования терского казачества, когда заканчивалось его сложение и окончательное формирование (при наличии уже сложившегося старожильческого «ядра!»), в целом совпал по времени с резким ростом имущественной дифференциации в среде русского и украинского казачьего и многогородного населения и распадом терской казачьей общины — куреня⁷.

Образно говоря, время с середины XVI по конец XVIII в., согласно историческим условиям и терминологии официальных документов, можно смело именовать «периодом городков» в истории восточнославянского населения Притеречных районов, как назывались в то время старожильческие (русские в своей основе) казачьи поселения. Начиная с конца XVIII в. и все последующее время, т. е. второй и третий периоды в истории сложения русского и украинского населения Притеречных районов, согласно историческим условиям и сложившейся к тому моменту терминологии в именовании

нии поселений в официальных документах, можно назвать «периподом станиц и селений» (имеются в виду иногородческие селения и хутора)⁸.

За время длительного проживания на Северном Кавказе восточнославянские (а первоначально — русское, старожильческое население края сблизились в экономическом, культурно-хозяйственном и этнически-бытовом отношениях с местным коренным населением, что сказалось на всем внешнем облике казаков, а затем и иногородних, на их взаимосвязях и взаимовлияниях, на всем укладе их жизни, в том числе и на материальной и духовной культуре. Не могло это не отразиться и на типах и формах поселений и жилищ, их устройстве, конструкции, планировке, материале построек, именовании отдельных частей жилища и т. д.

Немногочисленные источники и данные фольклора по ранней истории терско-гребенского казачества, а также сравнительные материалы по донскому, запорожскому и яицкому казачеству XVI—XVII вв. позволяют нам говорить, что подвижные казачьи ватажники (у Даля «станица» — толпа, гурьба, ватага людей; их стан, табор, становище общества, братства, ватаги и т. п.⁹) прибывали на Северный Кавказ по ранее проторенным водным путям по Волге, Каспию и Тереку с Сунжей¹⁰. При этом, как это было в обычае казаков и диктовалось историческими условиями и всем образом жизни, они старались использовать сам рельеф местности — естественно укрепленные в стратегическом отношении районы, особенно на малых реках и «проточиках»: острова, яры, то есть крутые и высокие берега, пересеченные оврагами и защищенные болотами, отмелями, камышовыми зарослями и т. п.

О характере ранних поселений казаков в других окранных районах Руси свидетельствуют некоторые источники. По словам австрийского посла С. Герберштейна, при царе Василии III количество «беглых рабов» (т. е. холопов), скрывавшихся не только на Дону, но и в районах р. Вятки, откуда они выходили на Волгу, все более и более увеличивалось: «Страна болотиста и бесплодна и служит неким неприкосновенным прибежищем для беглых рабов, изобилует медом, зверями, рыбами и белками»¹¹. Видимо, «неприкосновенность» эта объяснялась и умением «беглых», если требовалось, постоять за себя с оружием в руках, а также неспособностью правительства справиться с ними...

Сохранилось несколько «нот протеста» ногайского мурзы Юсуфа, относящихся к середине XVI в., в которых он жалуется малолетнему Ивану IV на самочинные действия «казаков-севрюков, которые на Дону стоят». Русское правительство на это отвечало, что «те разбойники живут на Дону без нашего ведома, а от нас бегают. И мы наперед сего посылали неодинова, чтобы их пере-

имати, и наши люди добыти их не могут»¹². Показательно, как отмечали источники середины XVI в., что казаками становились не только беглые русские, но и выходцы из среды многих местных народов — «казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни», — и это надолго станет специфической «этнической» приметой всего казачества: и в Запорожье, и на Дону, и на Яике, и на Тереке¹³...

Так, например, в 1549—1551 гг. все тот же Юсуф, снова жалуюсь на самочинные действия казаков, пишет: «Холопы твои, нехто Сары-Азмаи, словет на Дону, в трех и в четырех местах городков поделали... и людей стерегут, да разбивают, а иных до смерти быют... твои люди, Сары Сазманом зовут, разбойник твой...»¹⁴ Если попытаться перевести с татарского или ногайского имя Сары Сазман, оно скорее будет похоже на прозвище — «желто-болотный» или «желто-камышовый», живущий в стране болот, что, видимо, свидетельствует о кличке по месту обитания, образу жительства (вспомним ряд казачьих городков и станиц — Камышин, Камышлов, Камышенский и т. п.)¹⁵.

Спустя время купец Ф. Котов, ранее других посетивший (в 1623—1624 гг.) город Терки, сообщал: «А тот Терек река пала из гор гребеней. А в гребенях живут казаки острошкави»¹⁶. Аналогичное представление о месте расселения гребенцов мы находим и в документах начала XVIII в.: «Вверх по реке Терке в гребенях, то есть высоких горах, кои протяглись в Персию и к Черному морю, имеются гребенских казаков городки по вершинам речек, впадающих в Терек реку»¹⁷. А один из первых историков казачества А. Ригельман писал в 1735 г. о донских и гребенских казаках, основываясь на устных преданиях и называя в том числе ряд мест, первоначально занятых беглыми («воровскими») казаками. Среди них фигурирует «ушелье Татар-Тупово» (Эльхотовы ворота), что находится на границе Малой и Большой Кабарды...¹⁸

Подобные традиции в расселении, нашедшие свое отражение в типах и формах первых казачьих поселений — первоначально укрепленных лагерей-станов или становищ, а затем и постоянных «острожков» или «городков» — существовали у различных групп восточнославянского казачества, русского и украинского, еще до появления первых казачьих ватажек на Северном Кавказе¹⁹. Вооруженные отряды-станицы казаков, как это следует из источников и фольклорных данных, ставили свои станы-убежища в самых неприступных местах. При этом казаки зимы проводили в «зимниках», где сооружались большие куренные землянки, или «курени»²⁰, а летом (во время «гульбы за зверем» либо рыбной ловли, а также на «дневке» в походе) жили в «летниках», в шалашах из жердей, покрытых снаружи (и устланных изнутри) звериными шкурами, камышом, травой и листьями. Казаки легко покидали свои временные становища (станы, станицы) и так просто возво-

дили новые после того, как противник, по словам документов тех лет, «сбивал с куреней» вольных ватажников...

Не позднее середины XVI в. появились и более стационарные поселения, именовавшиеся «городками». Одни из них, в зависимости от конкретных условий жизни (близость «дикой степи», наличие рабочих рук, природный фактор и т. п.), огораживались двухрядным деревянным тыном с земляным заполнением, другие — плетнем из краснотала с плетневыми же башнями, третьи — имели валы и рвы с двухрядным плетнем поверху, промежутки между которыми также засыпался и утрамбовывался землею. Часто для маскировки, чтобы вражеский глаз «не играл», и валы укрепления засаживались колючим «непролазным» кустарником — терновником или шиповником²⁰.

В архивных документах XVIII в. мы встречаем описание подобных укреплений-городков и у гребенских казаков. Например, «крепость состоит из главного земляного вала и бруствера, опоясанных рвом, и имеет военные пристройки. Укрепление же — суть обыкновенные и незначительные полевые окопы, построенные на роту или две сообразно важности пункта или местоположения, внутри укрепления имеются жилые... землянки»²¹. Подобные крепости-городки в конце XVIII в. на Дону и на Тереке переросли в казачьи станицы, о чем свидетельствуют многочисленные архивные документы...²³.

Таковыми «городками» могли быть, например, некоторые городища, открытые археологами на Северном Кавказе и датируемые поздним средневековьем (например, «Трехстенный городок» близ Кизляра или городище Джиби-Гала в Чечено-Ингушетии)²⁴. Наконец, в архивных документах, начиная с 20—30-х гг., упоминается о «городках» гребенских и терских казаков, о которых позднее писал Ф. Котов. Так, в 1627 г. названы без наименования на Тереке «городки» вольных «воровских» казаков, т. е. не подчинявшихся власти правительства; в 1637 г. на р. Быстрой в Гребенях — казачий «городок» Ондreja Можары; в 1644 г. — на р. Сунже, против Холопья городища (Алхан-Кала), «городки» гребенских казаков на р. Черной, Белой, Гремячей, Тепло, впадающих в Сунжу и Терек; в 1650 г., начиная от урочища Моздок, вниз по Тереку располагались Ищерский, Наурский, Червленый, Оский, Яковлев и другие «городки» левобережья Терека и т. д.²⁵.

Примечательно отношение донских и терско-гребенских казаков к своим «городкам». Поскольку их возведение не требовало больших затрат труда и материалов, донцы, например, на угрозу крымского хана расправиться с ними и «пограбить» их отвечали: «Наши городки некорыстны, оплетены плетнями и обвешаны тернами, а надобно их доставить твердо головами, а стада у нас конских и животных мало: даром вам в дальний путь забиваться»²⁶.

По воспоминаниям современников и по фольклорным данным, преклонных лет казаки-гребенцы поучали молодежь, ссылаясь на опыт дедов и прадедов: «Пришли куда надо. — строй землянки, да так, чтобы не играл на них глаз вражеский. При нашествии сильного врага — оставлять их без сожаления. Пускай себе жгут городки наши, мы в неделю выстроим новые, и скорее враги устанут жечь, чем мы возобновлять их»²⁷...

Как известно по источникам и более поздним материалам, внутреннее устройство казачьих «городков» было следующим: за тыновой или плетневой оградой, дополняемой валами и рвами, плотно лепились друг к другу приземистые домишки-мазанки, но чаще всего простые неказистые землянки или полуземлянки — еще без дворов (базов) и хозяйственных построек. В центре селения обычно ставилась одна большая «становая изба» (или зимовая изба, как на промыслах, развoločная, согласно В. Далю), «становое строение» (т. е. лагерное, для «военного стану» по В. Далю) на несколько «односумств» (групп по 10—20 человек с единым имуществом), называвшееся еще и «курением». Как правило, здесь жили холостые казаки и собирались мужчины обсуждать текущие и неотложные дела. Перед таким «курением» на площади-майдане обычно созывался знаменитый казачий круг, на котором избирался куренной или походный атаман и другие должностные лица, казаки судили-рядили о предстоящем походе, выходе на охоту («гульбу за зверем»), карали виновных, наказывали нерадивых, брали жен и разводились, выходя с ними на середину круга, и т. д.

Анализируя археологические и этнографические материалы по жилищу этого раннего периода в истории терско-гребенского казачества, можно прийти к выводу: ранние жилища русских и украинцев в Притеречных районах Северного Кавказа представляли собой небольшие однокамерные землянки или полуземлянки без окон, с открытыми очагами в виде ямки, выложенной камнями на земляном или глинобитном основании, с земляными же или глинобитными лавками вдоль стен, иногда укрепленными плетнями, обмазанными глиной и кизяком. Светло-дымовое отверстие наверху на случай непогоды закрывалось обычно куском дерна или «квачом» — пучком сена и тряпья. Подобные временные или сезонные жилища встречались у русских и украинцев, казаков и многогородных, даже в конце XIX в. на отдаленных от станиц землях («коши», «буруны», «клуни» и т. п.), на хуторах. Подобные строения В. В. Мавродин считал одним из наиболее архаичных типов жилища южной или юго-восточной группы восточных славян²⁸.

Иной были планировка и устройство жилищ в рубленых деревянных «государевых» городках-крепостях на Северном Кавказе в XVI—XVII вв. — таких, как, например, несколько раз отстраивавшийся и сносившийся Сунженский городок, занимавший промежу-

точное положение между «городками» гребенских казаков и Терками. Укрепленный рвами, деревянными башнями и стенами, он служил казакам убежищем во время войны, как это произошло в 1651 году, когда крепость около полумесяца выдерживала осаду 20-тысячного войска «кызылбашских ратных людей» (т. е. иранцев) и дагестанских владетелей²⁹.

Еще более сильной крепостью являлся город Терки, основанный в 1855 г. в устье р. Терек, самое раннее описание которого оставил нам Ф. Котов³⁰. К концу XVI в. с переселением в Терки групп кабардинцев, вайнахов, кумыков и других в нем возникли Черкесская, Окоцкая, Татарская, Кумыкская, Ногайская и Ново-крещенская слободы в Заречье, что оказало заметное влияние на облик города, придав ему неповторимое «кавказское» своеобразие. Судя по официальным документам, в Терках в основном возводились типично русские рубленые избы с чердаками, сенями и амбарами³¹.

Судя по документам с описанием построек, они могли быть как вытянутыми в плане и состоящими из одного-двух жилых помещений, соединенных сенями (прямая связь), так и объединенными в единый хозяйственный комплекс с открытым или замкнутым двором и дополнительными жилыми строениями в середине. Подобный тип связи и планировки дворов и домов, в которых жили терчане, был широко распространен во многих центральных и юго-восточных районах страны³². Наконец, известное влияние на планировку терских жилищ в более позднее время оказали и приемы домостроительства донского казачества, принесенные на Терек, а позднее на Кубань, вместе с переселявшимися, начиная с 20—30-х гг. XVIII в., группами донских казаков и иногородних³³.

О постройках донских казаков писал А. Ригельман: «Первоначально жительство их было не отмечено подобно низовым запорожским казакам, потому что избы казачьи и доныне называются также курениями и построением подобны оным»³⁴. Таким образом, как мы видим, уже на Дону происходило слияние русских и украинских строительных традиций, затем проникших и в Притеречные районы Северного Кавказа. Донской историк В. Сухоруков, описывая столицу Донского казачьего войска г. Черкасск, отмечал, что «в образе устройства жилищ казачьих в первой половине XVII столетия не представляется ничего отличного от первобытного их состояния. И город Черкасск состоял из землянок, среди которых находилась часовня... В конце второй половины XVII столетия Черкасск принял иной вид: войсковые атаманы, старшины и зажиточные казаки завели в нем хорошие деревянные дома»³⁵, что отражало собой развитие процессов имущественной дифференциации не только на Дону, но и на Тереке в исследуемое время.

Архитектор С. И. Куликов, исследуя казачьи жилища, показал, как постепенно шло его развитие от землянки с глинобитными по-

лами, состоявшей из одной теплой комнаты (избы) и холодных сеней (чулана), до многокомнатных домов³⁶. Аналогичные процессы происходили и в Притеречных районах, куда с Дона направлялся достаточно заметный миграционный поток казачьего и иногороднего населения, поскольку Дон долгое время оставался «транзитным центром» для переселявшегося на Северный Кавказ русского и украинского населения³⁷.

Как мы уже говорили во вводной части статьи, в Притеречных районах процесс становления и развития жилища определялся заметным влиянием местного населения, поэтому горское влияние сказывалось здесь и на постройках русских и украинцев. Оно проявлялось в самом характере жилищ, их внешнем виде, технике строительства, местных материалах — например, в сооружении плоскострельных жилищ, возводившихся в Притеречных районах в XVII—XVIII вв. из турлука, самана, глины и камня (в XIX в. эти строительные материалы и приемы использовались при сооружении домов у беднейшей части казачества и иногородних, а также при возведении хозяйственных построек у зажиточной части стабильного населения)³⁸. Строились такие жилища чаще всего без фундамента, а для их покрытия использовались жерди, камыш, солома (в меньшей степени — дрань).

В архивном документе начала XIX в. «О передаче строений казакам 38 Донского казачьего полка», пришедшего для поселения на военно-оборонительную линию, дается описание местных жилищ того времени в районах Моздока и далее на запад: «Дом турлушный длиною шесть сажень и шириною два с половиною сажень, разделенный на две половины, с сенями и чуланом, с досчатым потолком и без пола, с навесом, крыт камышом»³⁹ и т. д., построенный, видимо, еще в конце XVIII в. В то же время, надо полагать, у терских казаков уже встречались большие по размеру «круглые» дома, рассчитанные на большесемейные казачьи коллективы. В украинском жилище Притеречных районов в XVIII в. сильнее прослеживались традиции южных степных районов Украины, хотя во внешних особенностях архитектуры и технике построек сказывались и южнорусские и местные кавказские влияния⁴⁰.

В дополнение к старым гребенским станицам с их русским старожильческим населением на Тереке при линейных крепостях еще в середине — второй половине XVIII в. возникают новые казачьи поселения — станицы: Каргалинская, Бороздинская, Дубовская, Мекенская, Ищерская, Калиновская, Галюгаевская и другие. Многие из станиц создавались путем отселения части жителей ранее возникших станиц (например, гребенских) на места их хуторов, где имелись запасы неиспользованных и пригодных к обработке земель.

ОТДЕЛ ОБСЛУЖИВАНИЯ
ИГБ г. ГРОЗНОГО
г. Грозный, пр. Победы 22

В первой половине XIX в. к вышеназванным добавились новые станицы, а именно: Александровская, Приближная, Котляревская и другие. Приведем для примера показательную историю образования станицы Котляревской, возникшей вначале как военное поселение, и наподобие других станиц, укрепленных пунктов и постов, созданных для «бережения» Военно-Грузинской дороги, перенесенной в 1817—1820 гг. на левый берег Терека⁴¹. Возникла она на месте бывшего Погорелодубского поста, где на левом берегу Терека решено было разместить семей 100 «женатых нижних чинов, прослуживших в войсках Отдельного Кавказского корпуса более 15-ти лет», и для них решено было построить соответственно 100 домов⁴². Возникшая в 1840 г. станица, однако, к 1842 г. имела всего 41 дом, деревянную церковь в честь Петра Афонского (к 1849 г.) и один питейный дом, причем последний был отдан на откуп со взносом в казну по 715 рублей ассигнациями ежегодно⁴³.

Не менее значительными были размеры поселений государственных крестьян в Притеречных районах, нередко переселявшихся на Северный Кавказ вместе с казаками в одно и то же время. Так, в 70—80-е гг. XVIII в. сюда было переведено около 4 тыс. экономических крестьян-однодворцев, преимущественно Курского, Воронежского и Тамбовского наместничества⁴⁴. В документах встречаются описания их селений на Северном Кавказе: «Здесьние селения состоят из деревянных тонкостенных и часто плетневых изб, наподобие малороссийских хат, обмазанные глиной, покрытые камышом и соломой. К ним примыкают обыкновенные низкие хлева и сарайчики, едва помещающие несколько голов необходимого для хозяйства скота. Грязный двор обнесен кое-как плетнем. Церковь, иногда дом начальника разнообразят вид...» и т. д.⁴⁵.

Примечательно, что, согласно давней русской «общинной» традиции, при образовании станиц и селений переселенцы из одной губернии селились, как «земляки», все вместе, образуя «сотни», «улицы» и «концы». В первое время они даже жили на ближайшем расстоянии друг от друга, что нашло свое отражение в названии ряда «концов» станиц: Курский, Полтавский, Воронежский и др.⁴⁶ Однако к середине XIX в. эта «земляческая» традиция стала забываться, а грань между жителями внутри станиц или иногородних селений стираться...

В середине — второй половине XIX в. т. н. «предгорные» станицы Притеречных районов насчитывали по 30—80 дворов, а «линейные», располагавшиеся по Тереку на укрепленной военной линии, — по 150—300 дворов (причем там совместно проживало как русское, так и украинское население — концентрация последнего повышалась с востока на запад, к кубанским районам)⁴⁷. В это время у русского и украинского казачьего и иногороднего населения Те-

река встречались следующие типы населенных пунктов: старые казачьи станицы, хутора, слободы, крестьянские селения.

Разумеется, разнообразие типов поселений русского и украинского населения Притеречных районов зависело от многих обстоятельств — исторических условий их образования, хозяйственного уклада жителей, природных факторов местности, правового положения (например, от принадлежности к казачьему или неказачьему сословию, конфессиональной принадлежности — старообрядцы, православные, сектанты и т. д.).

Примечательно, что с окончанием военных действий на Кавказе во многом изменился и внешний облик старых казачьих станиц. В первую очередь исчезли укрепления вокруг станиц (рвы, палисады, валы и др.), сменилась их планировка, появились новые типы построек⁴⁸. Теперь уже за санитарным состоянием станиц более внимательно следило войсковое начальство, а из станичного бюджета выделялись определенные суммы на благоустройство селений казаков. Наглядное представление о том, как выглядела, например, типичная старожильская гребенская станица, дают сообщения путешественников.

Так, в гребенских станицах во второй половине XIX в. избы стали бревенчатыми, рублеными, дубового дерева, с высокой острокопечной крышей и с непременно «копьем» и окнами, украшенными резьбой. В этом отношении дома зажиточных станичников в гребенских станицах напоминали собой во многом донские казачьи постройки конца XVIII — начала XIX в. (на Дону во второй половине XIX в. на карнизах, фронтонах, стойках крыльца, балкончика, балясника и других деталях появился резной орнамент очень сложного геометрического рисунка⁴⁹).

Однако в гребенских жилищах, в отличие от донских, можно было встретить и другие варианты, заимствованные у местного горского населения, — например, на одном и том же дворе мирно соседствовали с русскими бревенчатыми избами чеченские сакли с их характерными архитектурными особенностями. Еще более поражала несведущего человека, путешествовавшего по Тереку, домашняя обстановка гребенца в его дубовой великорусской избе. Первая комната напоминала собой скорее чеченскую, нежели жилище русского казака: на стенах развешаны кинжалы, шашки, пистолеты, ружья и разное другое оружие. На полу стояли пестрые сундуки, на них возвышались перины, ковры и коврики азиатской работы и т. п.

Примечательно, что и жилище донского казака, особенно зажиточного, в изюмках Дона отличалось такими же особенностями. Так, у черкасского атамана Фрола Миняева, к примеру, был один из лучших домов в Черкасске, построенный на самом удобном месте. Именитых гостей хозяин принимал в горнице, устланной

персидским ковром; в горнице вдоль стен с одной стороны были лавки, с другой — стулья с шелковыми подушками, штыми золотом. На стенах были развешаны ружья, сабли, пояса с серебряными пряжками, пороховницы, украшенные серебром, сафьяновые мешочки для пуль и богато отделанная конская сбруя (описание XVII — начала XVIII в.)⁵⁰. Разумеется, голутвенный рядовой казак и мечтать не мог о таком жилище; он обитал в гораздо более скромном доме, подчас просто в землянке...

Во второй половине — конце XIX в. размеры поселений на Тереке были различны. Наибольшими по числу жителей считались старые казачьи станицы плоскостных районов, что приводило к частым отселениям избыточного числа жителей на хутора и выселки. Впрочем, и плоскостные станицы отличались одна от другой, что зависело от самых различных причин местного характера (например, от времени образования станицы, состава ее жителей, наличия станичного земельного «юрта» и др.).

В 1889 г. в станице Котляревской было 150 дворов и 1009 человек, в Александровской — 212 дворов и 998 человек, Пришибской — 232 двора и 1472 человека жителей⁵¹. Встречались и большие станицы, как, например, Прохладная, имевшая в 1911 г. 1057 казачьих и 107 иногородних домов при общем числе ее жителей в 15.735 человек (ныне — город Прохладный)⁵². Соседняя с нею станица Котляревская по числу проживавших в ней иногородних («наброда», как презрительно именовали их казаки) в 1911 г. насчитывала всего лишь 40 дворов при общем числе ее жителей в 1102 человека⁵³.

В то же время в конце XIX — начале XX в. в Притеречных районах Северного Кавказа образовались и новые русские и украинские крестьянские (иногородческие) селения, создаваемые переселенцами из различных районов страны: например, Романовка, Владимирка, Ново-Ивановское, Ново-Полтавское, Комаровское и др. По словам исследователей и свидетельствам документов, они образовывались «в результате покупки земель крестьянами» у казачьих обществ⁵⁴. Согласно данным Г. X. Мамбетова, в 1910 г. из 135 населенных пунктов Кабарды (в том числе 79 поселков и хуторов) — 74 были русскими⁵⁵.

С конца XIX в. в Притеречных районах отмечается значительный прирост хуторов: так, в 1888 г. был основан хутор Гребенюка при станице Пришибской, в 1890 г. — Поповский хутор и хутор Карнач при станице Пришибской, в 1895 г. — хутор Девяткина при ст. Солдатской и т. д.⁵⁶ Документы того времени дают нам описание одного из хуторов, о котором сообщается: «Хутор — место вне сселения, без всяких хозяйственных построек. Скот содержится в «загородях», сверху ничем не прикрытых. Хлеб здесь обычно складывают в стога, прямо под открытым небом»⁵⁷. Как правило, ху-

тора образовывались в степи, поближе к воде, и их основывали либо скотоводы (тавричане, ногайцы, чеченцы), либо иногородние, которым разрешалось станичным правлением селиться рядом с казаками, — особенно ремесленникам-мастеровым, торговцам и др.

Как правило, в это время в центре селения находились одна — две площади, на которых располагалась церковь, хлебные магазины на случай неурожая (с запасами станичного зерна), торговые строения и др. Многие станицы в административном отношении и по планировке уже делились на кварталы, внутри которых казакам нарезались утвержденные пай (планы) под дом и приусадебный участок. Этот процесс происходил одновременно с утверждением новых социально-экономических отношений и введением повсеместно уравнилельно-переделного землепользования. Однако от предшествующего времени в станицах сохранялись и старые «концы» и улицы, носившие названия по географическому, социальному, этническому, религиозному и прочим признакам. Более свободно, без особой уставной планировки, согласно своим обычаям и сложившимся традициям, устраивались крестьянские селения иногородних в исследуемое время.

В конце XIX — начале XX в. жилища русского и украинского населения Притеречных районов отличались большим многообразием форм, хотя строительный материал и конструктивные особенности жилых построек во многом оставались прежними. В плоскостных районах, где давно уже ощущалась острая нехватка строевого леса⁵⁸, наиболее распространенными были турлучные, саманные (литые, вальковые) жилища. Зато в предгорных и горных районах, все еще богатых лесами, чаще встречались срубные жилища. Так, например, в станице Ардонской в конце XIX в. из 401 дома 341 был срубным, в Змейской — из 177 домов 176 были срубными и т. д.⁵⁹

Турлучные дома обмазывались глиной и белились, а возводились, как правило, без фундамента или же на каменных и деревянных стояках под углами жилого строения. В западной части Притеречного района чаще встречалась четырехскатная крыша, а на востоке — двухскатная и плоская крыши. Основным их покрытием являлись камыш, солома, чекан, а у зажиточных казаков и иногородних — дрань и черепица (редко железо). Срубные дома казаков и иногородних возводились на каменном или деревянном фундаменте. Столь же различной была планировка домов, однако доминировали продолговатые в плане постройки, состоящие из одного или двух жилых помещений, разделенных сенями. Кроме того встречались «круглые» дощечные дома, состоявшие из нескольких комнат⁶⁰. Подобный тип дома, как известно, сложился на Дону в XVIII в. Он произошел от деления первой комнаты на две — прихожую и стряпню (кухню), плюс уже имевшуюся горницу, отде-

ленную от первой комнаты (прихожки) печью. В результате возник трехкомнатный курень, или «круглый» дом, получивший самое широкое распространение среди донских казаков, — особенно на Среднем и Нижнем Дону, откуда он «мигрировал» на Терек и Сунжу...⁶¹

По-прежнему в жилищах казачьего населения Притеречных районов (а частично и у «старого» иногородческого населения), помимо традиционных социально-экономических различий, прослеживались и горские влияния — например, в убранстве жилья, как об этом говорилось выше, в планировке большого, «чеченского», двора с его хозяйственными постройками (например, имелся небольшой домик-мазанка, именовавшийся у казаков «чеченская» или просто «горская» сакля, и др.)⁶².

С развитием капиталистических отношений в крае в конце XIX и особенно в начале XX в. в жилище русского и украинского казачьего и иногороднего населения произошли заметные изменения. Более интенсивно этот процесс прослеживался в населенных пунктах, располагавшихся вблизи городов и путей сообщений (особенно поблизости от железных дорог).

Таким образом, подводя итог, можно сказать, что главную роль в развитии всего жилищного комплекса у русского и украинского населения Притеречных районов Северного Кавказа в исследуемое время сыграли социально-экономические условия. Развитие этого фактора, базисно влиявшего на эволюцию жилища, подкреплялось действием и других факторов, а именно — этническим (характером мигрировавших групп восточнославянского населения), спецификой и своеобразием военизированного быта части русского и украинского населения (казачества), природными условиями края, культурно-историческими связями и взаимовлияниями с местным горским населением края. Оставаясь в своей базисной основе восточнославянским, оно обнаруживает известные различия, выходящие за пределы действия собственно географического фактора и направленности хозяйства. Эти особенности функционально не столь существенны и представляют определенные этнические строительные традиции переселявшихся на Терек групп русского и украинского населения⁶³.

На наш взгляд, одним из малорасследованных вопросов сложения поселений в Притеречных районах, эволюции типов жилищ и хозяйственных построек у русского и украинского населения на протяжении XVI—XX вв. является изучение и анализ природно-географической терминологии, связанной с жилищем, специальных домостроительных, хозяйственных и прочих терминов, вошедших в бытовую лексику одной из старейших групп русского старожильческого населения (гребенцов), их влияния на последующие группы восточнославянского населения и т. п. Дальнейшая работа в

этом направлении поможет исследователям на основе полученных данных, вкупе с остальными источниками, очертить круг первоначальных и последующих этнических контактов переселенцев с тем или иным коренным населением края, а также поставить проблему сложения так называемых «гибридных культур» в контактных зонах Северного Кавказа. Работа в этом направлении продолжается, обещая интересные научные перспективы не только в изучении русского и украинского населения Северного Кавказа, но и в общем кавказоведении.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Этнография. Под ред. Ю. В. Бромлея и Г. Е. Маркова. М., 1982, с. 9.
- 2 Покшишевский В. В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951, с. 17; Заседателя Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.). Историко-этнографические очерки. М., 1974, 178—179.
- 3 Имеется в виду «новое время» не с точки зрения периодизации истории России, а с позиции вторичных контактов восточнославянского населения с народами Северного Кавказа; первые контакты и появление восточных славян в указанном регионе восходят еще к домонгольскому времени (см.: Заседателя Л. Б. Указ. соч., с. 118—177; Бузуртаков М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навеки вместе. Грозный, 1980, с. 19—28 (там и библиография).
- 4 Заседателя Л. Б. К истории формирования терского казачества. — «Вестник Московского ун-та», 1969, № 3, с. 53—65; Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 182—226.
- 5 Библ. см.: Магомедова Т. С. Расселение гребенских казаков в XVI—XVIII вв. — Тезисы конференции «Археология и краеведение — вузу и школе». Грозный, 1981, с. 14—16.
- 6 Заседателя Л. Б. Эволюция общины и общины у терских казаков в XVI—XIX вв. (от «вольной» заимки к частной собственности). СЭ, № 1, 1969, с. 25—36; Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 26—27.
- 7 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень. Р/Д, с. 26—27.
- 8 БСЭ (2-е изд.), т. 40, с. 477, там же см. литературу; БСЭ (3-е изд.). т. 24. Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Указ. соч., с. 26, 3, 5.
- 9 Даль Вл. Толковый словарь живого великорусского языка, т. IV, М., 1980, с. 313.
- 10 Заседателя Л. Б. К истории формирования..., с. 53—55.
- 11 Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб, 1908, с. 134—1903.
- 12 «Историческое описание земли Войска Донского». Новочеркасск, с. 3 (док. № 9), с. 8 (док. № 3).
- 13 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 32—43.
- 14 «Исторические записки», с. 8 (док. № 3).
- 15 Татищев В. Н. Избранные произведения. Под редакцией Валка С. Н. Л., 1979, с. 312; Кирillow И. К. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 233, 322, 407.
- 16 Хожделение купца Федота Котова в Персию. М., 1958, с. 22, 102.
- 17 Кирилов И. К. Указ., соч., с. 233.
- 18 Ригельман А. История или повествование о донских казаках. М., 1846, с. 139.
- 19 Небольсин П. Уральцы. СПб., 1855, с. 110; Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России. М.—Л., 1934, с. 183; Голобуцкий В. А. Запорожское казачество. Киев, 1957, с. 44, 52, 66—68, 109—110; Ля-

пушкин И. И. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства. — МИА, № 152. Л., 1968, с. 12—127 и сл.

20 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 90; Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Указ. соч., с. 5.

21 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень, с. 4.

22 ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, ед. хр. 52, л. 27—28.

23 ЦГВИА СССР, ф. 38, оп. 7, д. 82, л. 6—7.

24 Крупинов Е. И. Городище «Трехстенный городок». — СЭ, 1935, № 2; Магомадова Т. С. Городище Джиби-Гала. — «III Крупновские чтения» — тезисы. Грозный, с. 22—23 и др.

25 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX в. М., 1974, с. 194; Виноградов В. Б., Магомадова Т. С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека. — История СССР, 1975, № 6, с. 164—166.

26 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Указ. соч., с. 4.

27 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 365.

28 Мавродии В. В. Образование древнерусского государства. Л. 1945, с. 117.

29 ЦГАДА, ф. Кумыцкие и Тарковские дела: 1953 г., л. 277—279.

30 Хождение купца Федота Котова..., с. 33.

31 ЦГАДА, ф. Кабардинские дела, 1645 г., л. 28—31; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв., т. 1. М., 1957, с. 253—254.

32 Шенников А. А. О понятии «этнографический комплекс». — Доклады отделений и комиссий ГО СССР, вып. 3. Л., 1967, с. 43—46; его же. Крестьянские усадьбы Среднего Поволжья и Прикамья с XVI до начала XX в. — Этнография народов Восточной Европы. Л., 1977, с. 24—31; Кабардино-русские отношения, т. 1, с. 192—197.

33 Савельев Е. П. История Дона и донского казачества, ч. III. Новочеркасск, 1918, с. 221; Проппштейн А. П. Земля Донская в XVIII в. Р/Д, 1961, с. 325; Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 409—410.

34 Цит. по книге: Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень, с. 26.

35 Там же, с. 27.

36 Там же, с. 28—29.

37 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 178.

38 Очерки истории Адыген, т. 1. Майкоп, 1957, с. 228—230; История Кабардино-Балкарской АССР, т. 1. М., 1967, с. 246.

39 ЦГА КБАССР, ф. 16, оп. 1, ед. хр. 74, л. 2—5.

40 Кубанские станицы. Этнические и культурно-бытовые процессы на Кубани. М., с. 121.

41 Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах и биографиях. Тифлис, 1889, т. 5, вып. 1, с. 85.

42 ЦГВИА СССР, ф. 38, оп. 7, д. 82, л. 193.

43 Там же, л. 197—198; ЦГА КБАССР, ф. 55, оп. 1, ед. хр. 3, л. 3.

44 Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа..., с. 196.

45 ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, ед. хр. 52, л. 31.

46 Полевые материалы ТЭЭ. МГУ, 1978—1982 гг.

47 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 217—225.

48 Полевые материалы ТЭЭ, МГУ, 1962.

49 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень, с. 30—31.

50 Там же, с. 28—29.

51 ЦГА СОАССР, ф. 20; оп. 1, д. 1106, л. 20, 21 об.

52 Караулов М. А. Терское казачество в прошлом и настоящем. Владикавказ, 1912, с. 370—372.

53 Материалы музея ст. Котляревской Майского района КБАССР.

54 ЦГВИА СССР, ф. 416, оп. 1, ед. хр. 33 (карта); Гаджиев В. Роль России в истории Дагестана. М., 1965, с. 280; Терский календарь на 1901 г., с. 8—20.

55 Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971, с. 71.

56 Терский календарь на 1901 г., с. 201.

57 ЦГВИА СССР, ф. 414, оп. 1, ед. хр. 52, л. 31.

58 Денискин В. И. Развитие земледелия у терских казаков и изменение природных условий (к постановке проблемы). — «Археолого-этнографический сборник», т. IV. Грозный, 1976, с. 270—275.

59 ЦГА СОАССР, ф. 23, оп. 1, д. 18, л. 1, д. 18, л. 452; д. 92, л. 3—12; ф. 20, оп. 1, д. 91, л. 12 и др.

60 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень, с. 29—31; Кубанские станицы, с. 108—110; Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 411—413; Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки. Л., 1978, с. 69.

61 Новак Л. А., Фрадкина Н. Г. Казачий курень, с. 29.

62 Калоев Б. А. К истории русско-чеченских экономических и культурных связей. — СЭ, № 1, 1961, с. 47 и др.

63 Заседателя Л. Б. Терские казаки, с. 417—418.

В. Б. ВИНОГРАДОВ

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В ЖИВОПИСИ XIX ВЕКА (Этнографический комментарий)

Памяти
искусствоведа Шабаньянца
Николая Шабановича
посвящается

Замысел этой статьи сложился далеко не сразу и подготавливался многими обстоятельствами, в том числе и несколькими особенно памятными.

Еще в 1957—1958 годах, будучи студентом, я впервые столкнулся с мало известными живописными свидетельствами XIX века о Чечено-Ингушетии при подборе мной ныне покойным отцом — литературоведом Б. С. Виноградовым — иллюстраций для подготовленных к печати книг о пребывании русских писателей в нашем крае¹. Среди них было несколько акварельных изображений аулов и станиц, военных крепостей, горских и казачьих жилищ, их внутреннего убранства.

Затем, во второй половине 70-х годов, мне довелось консультировать кандидата искусствоведения Николая Шабановича Шабаньянца — безвременно ушедшего из жизни энтузиаста изучения биографии и творчества первого художника из чеченцев П. З. За-

харова. Неумолимый краевед собирал тогда материал для задуманной (но так и не завершенной) книги «Чечено-Ингушетия в произведениях художников середины — второй половины XIX века». На полотнах и рисунках, выявленных Н. Ш. Шабаньянцем, мое внимание более всего привлекли разнообразные воспроизведения условий мирного, повседневного быта населения, в том числе передача кистью и карандашом внешнего вида поселений тех времен, известного по этнографическим описаниям, а отчасти и по собственным впечатлениям, накопленным в ходе полевых изысканий на территории нашей республики.

Еще не представляя себе конкретной цели, я с благодарностью принял тогда от искусствоведа фотокопии ряда картин, до поры до времени лежавшие на полке книжных шкафов без употребления.

Но вот, в самом конце 1982 года, вышла в свет чрезвычайно содержательная и ценная, прекрасно иллюстрированная монография видного московского этнографа-кавказоведа В. П. Кобычева «Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.»². Пристально изучая этот интереснейший, фундаментальный труд, вобравший в себя, казалось бы, все, что содержит информацию по исследуемой проблеме, я испытал сперва неосознанное, а затем все более определенное чувство нехватки в книге такого достоверного и хронологически точного источника, как произведения живописи XIX века. А ведь именно они запечатлели многие общие и специфические черты народной архитектуры и планировки населенных пунктов Северного Кавказа, которые бережно и скрупулезно выявляет и анализирует автор.

В. П. Кобычев, как и некоторые его коллеги-кавказоведы³, отчасти привлёк образцы фотофиксации конца XIX—начала XX века отдельных объектов, и это — достойно похвалы. Однако недостаточное внимание к живописному материалу предшествующей поры, на мой взгляд, приходится считать упушением этнографа, следствием излишней увлеченности традиционными, привычными источниками, а также и отсутствием в отечественной литературе соответствующих каталогов и проспектов.

Тогда-то и обратился я к мобилизации и усиленному рассмотрению доступных мне изобразительных сюжетов в живописи XIX века, отразивших личное, непосредственное знакомство современников с поселениями и жилищами того времени у полиэтнического населения Чечено-Ингушетии. Предлагаемый этнографический комментарий не претендует на полноту и всесторонность. Его прямая цель — привлечь внимание специалистов к проблеме использования живописного наследия как этнографо-исторического источника, весьма важного, по моему убеждению, в конкретных условиях изучения дореволюционного прошлого народов нашего края.

Известно довольно большое число разнообразных пейзажных зарисовок и полотен, выполненных в равнинной зоне Чечено-Ингушетии. Едва ли не обязательным элементом их композиций было изображение на заднем плане Кавказских гор в виде мощной гряды темных лесистых вершин, над которыми порою проглядывают могучие и красивые снежники. Эта «двойственность» природных условий края, сочетающего обширные плоскостные районы и зону высокогорий, наложила явственный отпечаток на сам характер формирования местных горских поселений.

Большие полигенные (а порой и со смешанным этническим составом) чеченские и ингушские селения середины XIX века на равнине хорошо описаны в этнографической литературе⁴. Но подлинно наглядное представление дают о них произведения живописи.

На полотне 1869 года, принадлежащем кисти прославленного мариниста И. К. Айвазовского, изображена отдаленная цепь Кавказских гор с их вечно белоснежными вершинами, а на первом плане — российский путевой пост, состоящий из дозорной деревянной вышки и глинобитной избу, покрытой соломой. Он контролирует дорогу к крепости Грозной от долины Суижи, на правом берегу которой широко и привольно раскинулся чеченский аул. Его название составляет подпись к картине («Алхан-Юрт»)⁵.

Селение дано на среднем плане, без детализации. Но взметнувшиеся ввысь пирамидальные тополя среди садов и аккуратных светлых строений создают вид обычного равнинного чеченского селения, давно и прочно обосновавшегося тут. Кстати сказать, се-

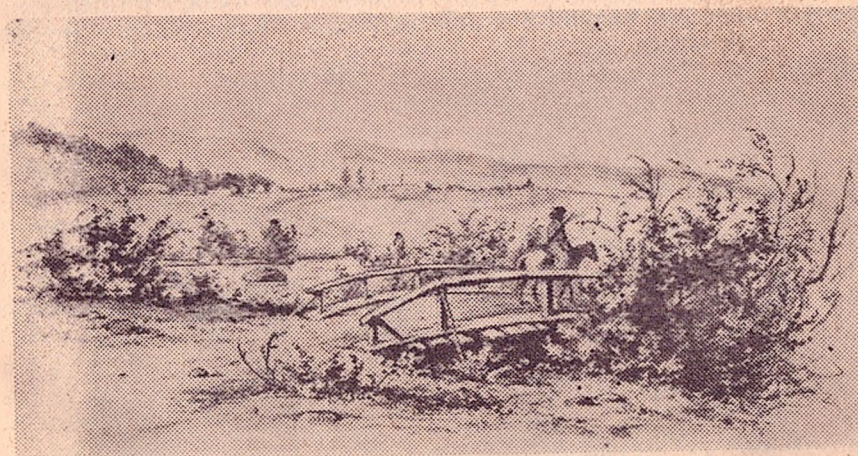

Рис. 1. Неизвестный художник. «Аул Атаги банз укрепления Воздвиженское по р. Аргун». Акварель (1848 г.)

ление Алхан-Юрт, судя по письменным источникам, уже в 1832 году насчитывало 60 дворов и 375 жителей (Д. А. Милютин).

Нечто близкое представлено на акварели (рис. 1) неизвестного художника в альбоме 1848 года, хранящемся в Русском музее в Ленинграде⁶. Запись в сопроводительной тетради гласит, что рисунок изображает аул Атаги на реке Аргун близ укрепления Воздвиженское. На переднем плане речушка, или искусственный канал (арык) и деревянный мостик со всадником на нем (горец с ружьем за плечами). А дальше, на фоне Черных гор — просторно лежащий крупный и густо населенный аул. Художник обозначил в его общей панораме десятки побеленных строений с двускатной и плоской кровлей, пирамидальные тополя, сады, стога сена — зримые атрибуты спокойной трудовой жизни.

Это вполне соответствует известным нам описаниям «Большой Атаги» первой половины XIX века. Согласно им протяженность селения была около двух верст и в нем насчитывалось 300 дворов, размещенных «на двух каналах, проведенных из Аргуна» (П. Сахно-Устимович).

Имеются и зарисовки, сделанные прямо в чеченских селениях. Они чаще всего фиксируют облик отдельных усадеб и содержат немало достоверной этнографической информации.

В том же альбоме неизвестного художника интересны, например, два соседних рисунка. На них изображен аул Чах-Гири, что располагался близ входа в Аргунское ущелье, неподалеку от Воздвиженской. Первая акварель (рис. 2) передает вид семейного двора, окруженного плетнем, турлучной саклей с плоско-наклонной крышей, хозяйственной постройкой такого же типа, стогами сена, крытым навесом, ведущим в зимнее жилье — землянку с трубой.

Рис. 2. Неизвестный художник. «Чеченский аул» (Чах-Гири). Акварель (1848 г.)

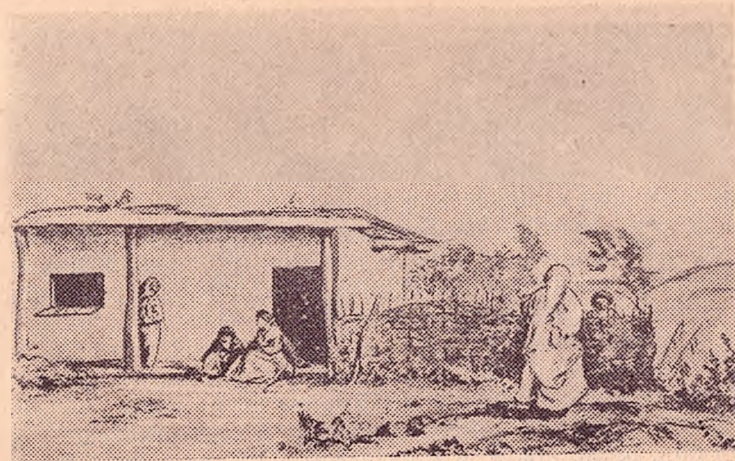

Рис. 3. Неизвестный художник. «Чеченская сакля» (в ауле Чах-Гири). Акварель (1848 г.)

Тут же — люди, занятые своими повседневными занятиями, и домашний скот⁷.

Другой рисунок (рис. 3) изображает фасад чеченской сакли в том же ауле⁸. Каркас небольшого, низкого строения составляют деревянные столбы. Стены и плоская крыша обмазаны глиной. Перед фасадной стеной с прямоугольными дверью и окном — крытая веранда с деревянным полом, поддерживаемая тремя столбами. Трубы над саклей нет — дым очага выходил через дверь и окно, снабженное откидным ставнем. Участок, прилегающий к сакле сбоку, огражден густым плетнем в половину человеческого роста. И вновь на рисунке люди, занятые обычными делами.

Большую ценность представляют акварели художника А. П. Дьяконова, созданные в 40-х годах XIX века и также хранящиеся в Русском музее. На одной из них — чистый и просторный двор в мирном чеченском ауле (предположительно — Старом Юрте)⁹. Общая композиция, детализация элементов усадьбы близки вышеописанным. Однако ряд примет выдает существенно большую зажиточность или стабильность и налаженность быта владельцев двора. Вместительный и довольно высокий дом с верандой сложен из бревен. Его двускатная крыша с земляным перекрытием снабжена двумя дымовыводящими трубами (вероятно, турлучными). Так же оформлена и стоящая по соседству времянка, ниже которой по склону проглядывает плоская крыша еще одного (хозяйственного?) строения. Плетень, ограждающий огород, сделан добротно и щедро. Во дворе — две арбы.

Достаточно сопоставить все эти рисунки с данными В. П. Кобычева о характере оформления усадьбы у равнинных чеченцев и

их соседей, чтобы оценить высокую степень их этнографической информативности, а также наблюдательности и доброжелательности по отношению к горцам самих художников. Последнее тем существенней, что большинство названных и нижеследующих картин, акварелей, рисунков сделано в годы военных действий в Чечено-Ингушетии, известных под весьма условным и малосодержательным термином «Кавказская война»¹⁰.

Между тем, долголетние тяжкие испытания, навязанные населению края феодально-великодержавной политикой царизма и необузданными экспансионистскими действиями горской общинно-феодальной верхушки, одобренные изрядной долей религиозной демагогии и происками внешних врагов уже реально сложившегося русско-кавказского государственного единства (в том числе и русско-вайнахского)¹¹, временно омрачили и усложнили некоторые стороны местной экономической и политической жизни. Привели они, в частности, и к известным специалистам фактам перестройки горского сельского быта, умело приспособляемого к вынужденному быстрому (в ущерб комфортабельности) возобновлению аулов, лежащих в зоне военных действий.

Один из либерально мыслящих офицеров царской армии писал об этом так: «Отныне чеченцы будут селиться в глубине еле проходимых лесов, устраиваться кое-как, отвыкая от прочного крова и оседлой жизни и ограничивая свои потребности до последнего предела. Они ничего не станут терять в случае уничтожения своих жилищ и приобретут сноровку быстро возобновлять эти бивачные постройки на прежних и других местах. Те же леса легко укроют бежавшие от опасности семейства, спасут скот и тот ничтожный домашний скраб, которым при рекомендуемом образе жизни обзаведется чеченское население. Таким образом... возникнет бесчисленное множество таборов одиночавших, бдительных, всегда готовых сражаться или бежать, и малочувствительных к разорениям горцев...» (А. Климан).

Это отразилось и в части рисунков, о которых шла речь (например, в чах-гиринских зарисовках). Та же черта действительности воплотилась, на мой взгляд, и в изображениях так называемых «биваков» в равнинной Чечне.

Безымянный художник 1848 года запечатлел «Бивак на Аргуне»¹². Это временный, на скорую руку созданный лагерь людей, потерявших свой надежный кров. Он состоит из самых разнообразных шалашевидных и юртообразных укрытий, между которыми ходит скот, взрослые горцы, детвора. На первом плане некое подобие шатра на каркасной основе, покрытой набегающими друг на друга кошмами. Туманная дымка стирает очертания недалеких гор. Весь рисунок оставляет ощущение грусти и сочувствия жертвам военных превратностей.

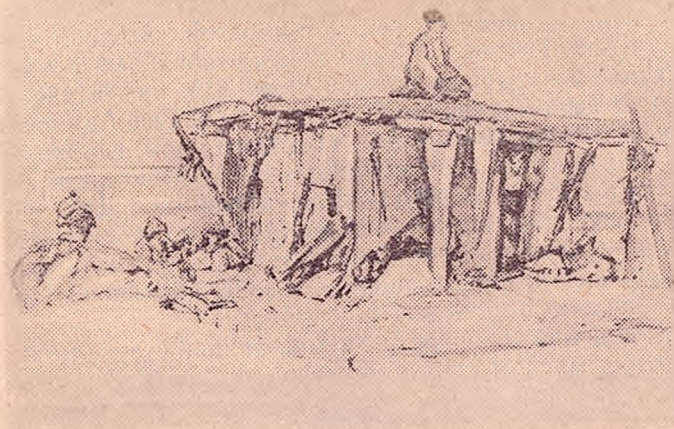

Рис. 4. Теодор Горшельт. «Чеченский бивак». Карандаш (1858 г.)

Выразителем и карандашный рисунок (рис. 4) знаменитого в кавказской теме живописца Федора (Теодора) Горшельта, принимавшего личное участие в событиях на Северо-Восточном Кавказе в 1858—1863 годах¹³. Его название — «Чеченский бивак». На ровной, открытой со всех сторон местности (лишь далеко сзади слабо угадываются контуры каких-то строений), на скорую руку сколочено неказистое на вид деревянное сооружение — подобие сакли с плоской крышей, узенькой верандой, дверью и окнами-щелями. У стен постройки разбросаны бурка и кошмы, нерастороченные ружья, сабля в ножнах, походный котелок. Справа от «сакли» отдыхает горец рядом со взнузданной лошастью. А на крыше сидит, внимательно глядя вдаль, другой. Это — военный дозор, охраняющий путь к родным горам. Постройка же — тип временного, наскоро сколоченного пристанища, натуральные образцы которого, конечно, не дошли до современных исследователей.

В живописном наследии Ф. Горшельта имеются и другие интересные сюжеты, уводящие уже, однако, в высокогорную зону. Художник побывал в глубине многих ущелий Чечни. Его впечатления отчасти отразились в воспроизведении облика местных поселений и жилищ.

Серия рисунков изображает взятие селения Ведено ранней весной 1859 года. Ф. Горшельт обращает внимание на укрепления защитников аула, а мирные жилища фиксирует как бы мимоходом. Однако в его альбоме, хранящемся в Ленинградском музее Академии художеств СССР, есть детализированно выполненный рисунок

с авторской подписью: «Дом, в котором жили княжны Орбеллани и Чавчавадзе в плену у Шамиля». Он передает длинную, приземистую и снабженную верандой саклю с плоской земляной крышей и турлунной трубой. Рядом — более комфортабельный бревенчатый дом со входом и четырьмя большими окнами на фасаде (крыша не успела). В своем дневнике Ф. Горшельт записал в первых числах апреля 1859 года: «В Ведени... Нарисовал дом, где жила в плену княжна Чавчавадзе. Жилище Шамиля обнесено палисадами не ради русских, а ради его собственных подданных». Действительно, на рисунке резиденция имама обнесена стеной из заостренных сверху высоких и толстых бревен. Следовательно, она была укреплена на манер цитадели, призванной защитить правящую знать от всплесков социального протеста.

С известной долей условности с темой данной статьи может быть связана картина маслом «На сторожевом посту»¹⁴. Она снова изображает своеобразный бивак, только теперь — высоко в горах. Группа горцев бдительно несет военный дозор на гребне одного из хребтов. На заднем плане — еще один такой же дозор. Оба они имеют своим краткосрочным укрытием от непогоды и солнца легкие подобию шалашей, состоящие из составленных и связанных сверху палок, на которые наброшены бурки и кошмы. Такие летучие, мгновенно сворачиваемые сторожевые посты стерегли подступы к горным чеченским аулам.

Экзотический внешний вид последних был также запечатлен Ф. Горшельтом. Его рисунок «Чеченский аул» (рис. 5) вводит нас в довольно крупное поселение скученной террасообразной планировки, свойственной многим районам кавказского высокогорья.

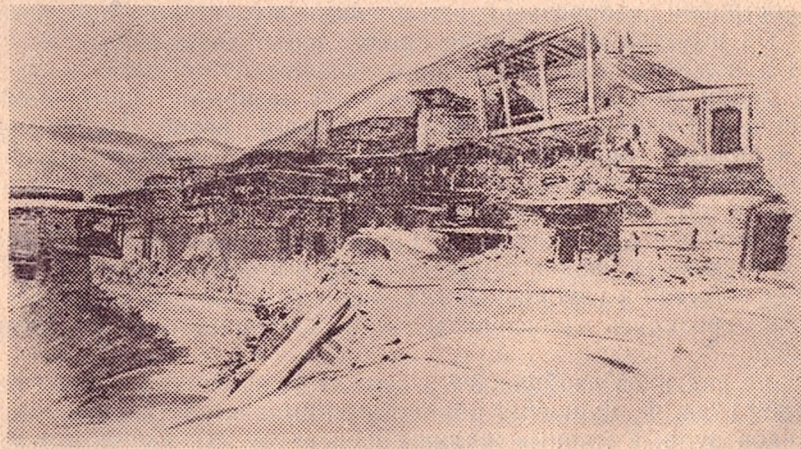

Рис. 5. Теодор Горшельт. «Чеченский аул». Карандаш (1859 г.)

Среди построек преобладают плотно прилепившиеся друг к другу плоскокровельные сакли, сложенные из камня и снабженные верандами, выходящими на основную аульскую «улицу». Однако среди них возвышаются и так называемые полубоевые башни с деревянными надстройками и пристройками в верхней части, а на дальней оконечности селения явственно проглядывают две боевые башни с невысоким пирамидальным венчанием.

Другой рисунок (без названия) передает облик части горного аула, состоящего из близко расположенных, но не слившихся воедино «жилищных гнезд», возможно, фамильных поселков (рис. 6)¹⁵. Первое возникло на месте скопления группы полуразру-

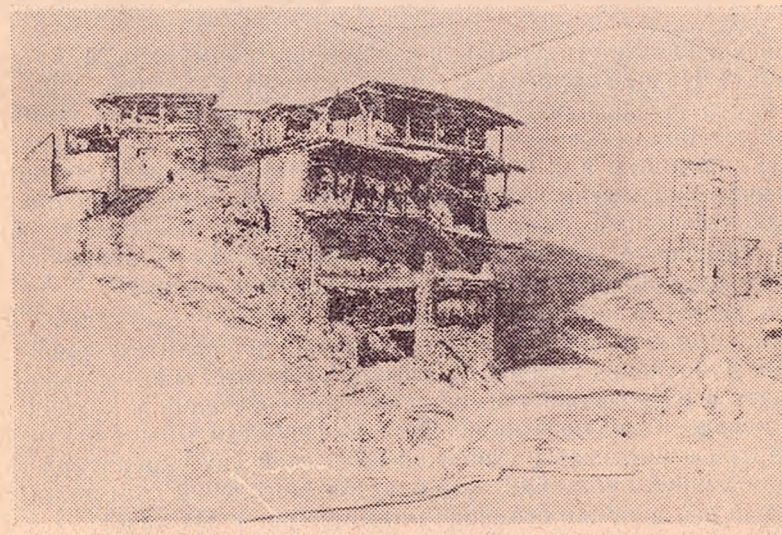

Рис. 6. Теодор Горшельт. Рисунок без названия. Карандаш (1859 г.)

шенных каменных жилых башен, руины которых (путем достройки) превращены в каскад деревянных, обмазанных глиной саклей с верандами и плоскими крышами с земляной засыпкой. Несколько в стороне слабо прорисовано второе скопление построек: заброшенная плоскокровельная «боевая» каменная башня в 5 этажей со входом на второй этаж, бойницами во все стороны и остатками махикулы над входным проемом и примыкающие к ней развалины сложенных из камня, но плохо детализированных построек.

Точное местонахождение аулов и архитектурно-бытовых памятников, задержавших внимание Ф. Горшельта, неизвестно. Но сами особенности изображенных строений, их планировки и выразительных архитектурных примет указывают скорее всего на Аргун-

ское ущелье, жилые комплексы которого и оборонительные башни отвечают отраженным на рисунке признакам.

Среди известных мне живописных материалов есть и такие, которые поддаются более уверенной идентификации с реально существующими высокогорными чеченскими аулами.

Так, на рисунке из альбома офицера Тенгинского полка Д. М. Гаевского изображено взятие российскими войсками большого террасного поселения, расположенного над дорогой, ведущей в глубь ущелья и состоящего из плоскокровельных саклей, мечети с михрабом, боевой башни¹⁶. По ряду ландшафтных, планировочных и архитектурных признаков можно предполагать, что здесь воспроизведен эпизод истории аула Кезеной и его замка Алдам-Гези¹⁷.

Следует упомянуть и один из карандашных рисунков М. Ю. Лермонтова¹⁸. На нем — переплетенье каменных хребтов, а на плоском плато — контуры маленького горского селения. В нем проглядывают башенные постройки, сакли с плоской и двускатной крышей, землянки или погреба. В лермонтоведческой литературе уже высказана мысль, что этот рисунок и соседствующий с ним в тетради пейзажный набросок — свидетельства посещения классиком российской литературы Аргунского ущелья и, возможно, аула Шулкаг, куда сопровождали его чеченские кунаки¹⁹.

Как видим, в живописи середины XIX века представлены многие основные черты народной планировки и архитектурной застройки вайнахских селений. Но фонд известных мне изображений включает в себя также и воспроизведение поселений и жилищ русского населения нашего края. Особым сюжетом может стать анализ картин и рисунков российских крепостей (их укреплений, фортов, внутренней застройки, форштадтов, поселений отставных солдат и т. п.)²⁰, а также стационарных придорожных казачьих и войсковых сторожевых постов²¹.

Однако ограничимся пока изображениями поселений и жилищ гребенских казаков. Серия таковых обнаруживается, например, в альбоме неизвестного художника 1848 года и связана со станцией Червленной²².

Сперва в тетради дан вид станции издали, боковым планом. На фоне мягких очертаний невысокого (Брагунского?) хребта и подковы густого пойменного леса виднеются островерхие крыши станции, обнесенной высоким и густым тыном.

Затем идет рисунок въезда в станцию: ворота в плетне, сторожевая вышка рядом с ними, а глубже — тесно стоящие жилые постройки. Бросается в глаза как будто бы преднамеренно подчеркнутый контраст: приземистая крытая соломой турлучная хижина с подслеповатыми окнами и возвышающийся над ней высокий дом под крутой соломенной крышей с парадным деревянным крыльцом,

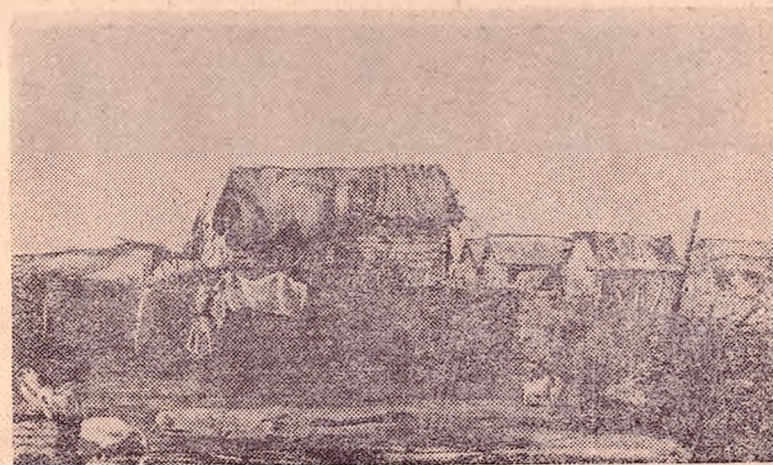

Рис. 7. Неизвестный художник. «Двор в станции Червленной». Акварель (1848 г.)

мелкозастекленными просторными окнами, емкой чердачной частью с подобием мансарды и трубой на коньке²³.

Оба эти рисунка, сделанные очевидцем, точно отражают облик гребенской станции, многократно описанной в этнографической и художественной литературе середины XIX века²⁴.

Далее безымянный живописец рисует «Двор в станции Червленной» (рис. 7). Двор этот обнесен плетнем, на котором казачка вывешивает одеяло для просушки. Он удивительно пуст (только свинья, петух и гуси оживляют его). Дальше за переулком и сбоку — улицы — стоят бревенчатые избы, покрытые соломой. Лучшее всего проработана ближайшая изба. Явственно видна ее двухкамерная планировка. Довольно крутая двускатная крыша наполовину покрыта соломой «внатруску», наполовину — правильно уложенными по гребню «волоотовыми» (то есть комлями вверх) снопами. Впечатление такое, будто автор (как и в случае с чагиринскими рисунками) стремится «заложить» в свою акварель как можно больше этнографо-строительной информации.

Следующий лист альбома вводит зрителя уже внутрь небогатой казачьей хаты, демонстрируя ее скромные интерьер, обстановку, утварь (рис. 8). Бросается в глаза выбеленная «русская печь» — сохранившийся атрибут традиционной культуры переселенцев из России. У двери деревянный посудный шкаф. В углу за ним — оружие и весы-безмен. По бокам помещения — лавка и лежанка, застеленные тканями.

С этим фактически точным рисунком полезно сопоставить другой, сделанный анонимным автором в начале XIX века для изданного в Париже двухтомного альбома «Народы России» (1812—

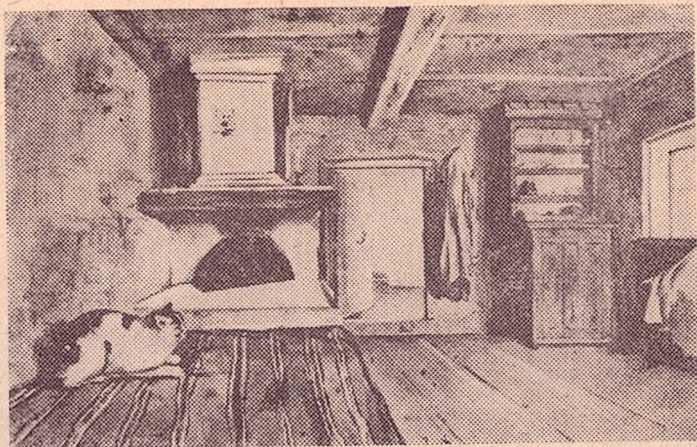

Рис. 8. Нензвестный художник. «Внутренний вид хаты станицы Червленной». Акварель (1848 г.)

1813 годы). На нем в манере некоторой стилизации изображены гребенские казаки в главной обшитой досками комнате своей хаты²⁵. Та же простая обстановка, оружие и икона на стене. Но больше «горских» элементов в утвари и убранстве: пестрые постельные принадлежности, аккуратно сложенные «горкой» на лежанке, верхняя меховая одежда, вывешенная над ними, металлические тазик и кувшин для умывания. Костюм мужчины — русский, тогда как женщина обряжена на горский манер. Художник верно подметил реальный процесс сближения материальной культуры гребенских казаков и их соседей-кавказцев²⁶.

Таковы сводка и краткий обзор доступных мне сегодня живописных изображений поселений и жилищ Чечено-Ингушетии первой половины — середины XIX века. Предложенный комментарий (при всей его беглости и избирательности взгляда) достаточно убеждает, что образцы изобразительного искусства являются своеобразным и ценным видом источников для характеристики самых различных сторон материальной и духовной культуры населения нашего края в дореволюционный период. Их специальное и углубленное изучение вполне назрело и нуждается в скорейшей реализации.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Виноградов Б. С. Русские писатели в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1958; Русские писатели в нашем крае. Сборник статей. Отв. редактор Б. С. Виноградов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1958, с. 127—131.

² Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

³ См., например: Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1974; Волкова Н. Г., Джава-

хилишвили Г. Н. Бытовая культура Грузии XIX—XX веков: традиции и инновации. М.: Наука, 1982. Ценным исключением является статья Н. Г. Волковой «Изобразительные материалы как источник изучения культуры народов Кавказа» в сборнике «Хозяйство и материальная культура народов Кавказа», М., Наука, с. 19.

⁴ Кобычев В. П. Указ. соч., с. 36.

⁵ Картина хранится ныне в Чечено-Ингушском музее изобразительных искусств имени П. З. Захарова.

⁶ Архив музея, № 5305—24.

⁷ Воспроизведение см.: Русские писатели в нашем крае, рис. 10 (между с. 92—93).

⁸ Воспроизведение см.: там же, рис. 11 (между с. 100—101).

⁹ Воспроизведение см.: Виноградов Б. С. Русские писатели..., с. 66.

¹⁰ Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навсегда с Россией. Грозный, 1982; Блиев М. М. Кавказская война: социальные истоки, сущность. — «История СССР», 1983, 2, с. 54—75.

¹¹ Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Навек вместе. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1980; Байбулатов Н. К., Блиев М. М., Бузуртанов М. О., Виноградов В. Б., Гаджиев В. Г. Вхождение Чечено-Ингушетии в состав России. — «История СССР», 1980, 5, с. 48—63; Великий Октябрь и передовая Россия в исторических судьбах народов Северного Кавказа. Отв. ред. акад. А. Л. Нарочницкий. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982; Вели единства. Сборник статей, посвященных 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. Отв. ред. В. Б. Виноградов. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1982; Виноградов В. Б., Умаров С. Ц. Вместе — к великой цели. Грозный, 1983.

¹² Архив музея, № 5305-25.

¹³ См.: Теодор Горшельт. Письма и записки. — «Пчела», СПб, 1877, т. 3, № 25, с. 390—392; № 26, с. 406—407; № 27, с. 422—423.

¹⁴ Фонды Государственного Эрмитажа (г. Ленинград), № Р-7002.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Воспроизведение см.: Иванова Т. Лермонтов на Кавказе. М.: Детская литература, 1975, с. 149.

¹⁷ Сравните: Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М.: Наука, 1965, с. 101; Виноградов В. Б., Петренко В. А. Хой и Кезеной. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1969, с. 3.

¹⁸ Воспроизведение см.: Лермонтовская энциклопедия. Гл. ред. В. А. Мануйлов. М.: Сов. энциклопедия, 1981, вклейка между с. 240—241.

¹⁹ Виноградов В. Б., Виноградов В. Б. По лермонтовским местам Чечено-Ингушетии. Грозный, 1975, с. 11—12; они же. Этюды о Лермонтове. — Сб. М. Ю. Лермонтов в Чечено-Ингушетии. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1981, с. 19—20.

²⁰ Воспроизведение рисунков крепостей Грозной, Воздвиженской, Герзель-Аул и других см.: Виноградов В. Б. Русские писатели..., с. 31, 33, 50, 56; Русские писатели в нашем крае, рис. 1—6. Представлены они и в альбоме неизвестного художника 1848 года (Архив музея, № 5306-36, 50).

²¹ Их рисовали А. П. Дьяконов, Т. Горшельт, И. К. Айвазовский и многие другие.

²² Архив музея, № 5305-44-47.

²³ Воспроизведение см.: Виноградов В. Б. Русские писатели..., с. 71.

²⁴ Подборку см.: Заседателева Л. Б. Терские казаки. М.: МГУ, 1974.

²⁵ Воспроизведение см.: Волкова Н. Г. Этнический состав..., с. 195.

²⁶ Гриценко Н. П. Быт и нравы кавказских горцев и терских казаков. Их взаимное влияние друг на друга. — Археолого-этнографический сборник, 3. Грозный: Чеч.-Инг. кн. изд-во, 1969, с. 146—159.

Шалинского р-на ЧИАССР
пос. Аргун
Ив. № 275687

БАШЕННЫЕ КОМПЛЕКСЫ УРОЧИЩА «ЭГИ-ЧОЖ»

Монументальные памятники средневековой архитектуры горной Чечено-Ингушетии с давних пор привлекают внимание исследователей. Значительная их часть уже подверглась фиксации и изучению. Однако продолжающиеся полевые изыскания приносят сведения о новых интересных сооружениях эпохи позднего средневековья, в ряде случаев заметно уточняющих бытующие представления о специфике «башенной» культуры вайнахов и проливающих свет на некоторые неясные стороны их социально-экономической жизни.

схема
расположения
поселения
«Эги-Чох»

Целью данной статьи является введение в научный оборот материалов, полученных в результате предварительного обследования в 1978 году башенных комплексов урочища «Эги-Чож», расположенного в верховьях реки Фортанги, неподалеку от сел. Даттых Сунженского района Чечено-Ингушской АССР².

В 1967—1969 гг. С. Ц. Умаров плодотворно изучал в этом районе Чеча-ахкинские склеповый могильник и башенное поселение³. Однако бытовая архитектура верховьев р. Фортанги оставалась исследованной заметно хуже погребальной.

Археологическому изучению Эгичожские памятники ранее не подвергались⁴. Вероятно, в некоторой степени это объясняется наличием

схема
расположения
поселения
„Эги-40ж“

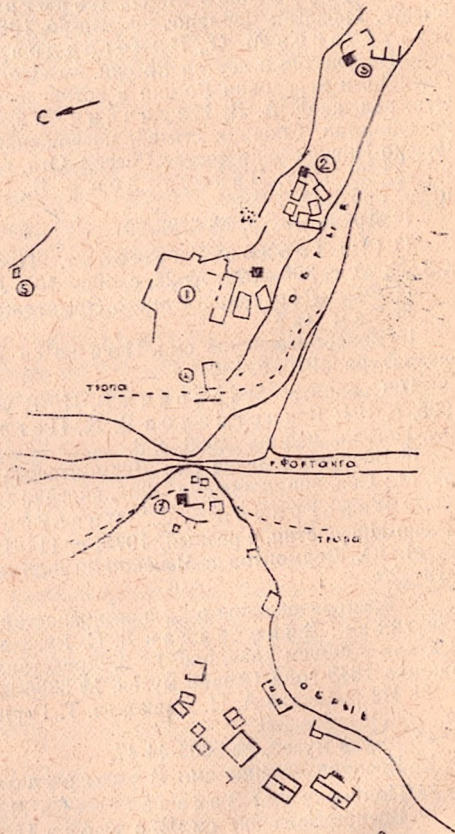

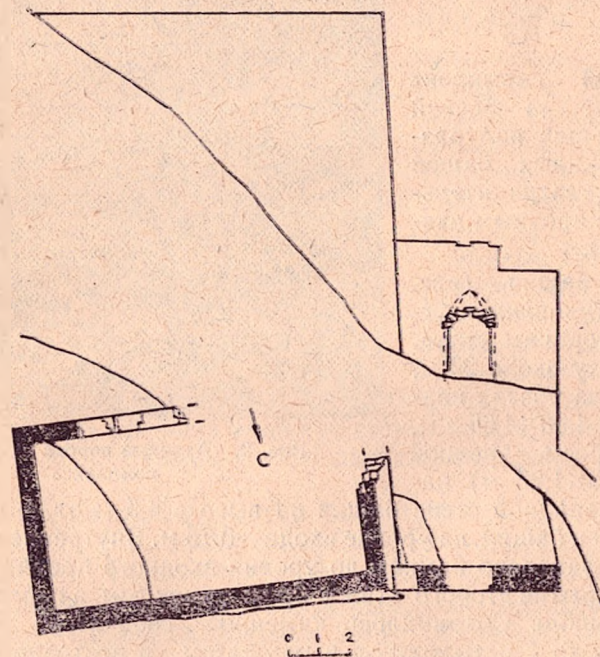
Рис. 1. Схема расположения поселения «Эги-чож»

густого лесного покрова, в летнее время полностью скрывающего от глаз даже высокие боевые башни, а также иными препятствиями, встающими перед исследователями этого участка долины р. Фортанги⁵.

Эгичожские башенные постройки расположены в самом узком месте ущелья на гребнях скалистых ответвлений горных хребтов по обе стороны р. Фортанги (рис. 1). Выбор именно этого места, по-видимому, был не случайным, поскольку позволял полностью перекрывать проход по ущелью. Четыре башенных комплекса находились на правом берегу р. Фортанги и два — на левом. некогда они составляли единое Эгичожское поселение.

Правобережная часть Эгичожского поселения

Правобережная часть Эгичожского поселения представлена тремя комплексами замкового типа (все они имеют боевые башни и заградительные стены) и одним сторожевым комплексом.

Сторожевой комплекс

Рис. 2. Сторожевой комплекс правобережной части Эгичожского поселения

Путь к замкам лежит через сторожевой комплекс, состоящий из каменной заградительной стены (высота — 4,5 м, толщина — 0,7 м), арочных ворот (2,0×1,6 м) и возвышающейся над ними мощной башни (размеры основания — 11,0×6,0 м), (рис. 2). Перекрытие ворот выполнено в технике ложного свода (рис. 3, 4), башня ныне полуразрушена, высота уцелевшей части — около 12 м). Тропа от ворот сторожевого комплекса спускается к роднику, оставляя значительно выше по склону все другие постройки поселения. Любопытно, что единой тропы, связывающей между собой замковые комплексы, обнаружить не удалось.

Замковый комплекс № 1 состоит из боевой башни, четырех полуразрушенных жилых башен и каменной заградительной стены с арочным входом (рис. 5).

Боевая башня (рис. 5,5), ориентированная углами по сторонам света, имела высоту около 20 м. В плане она почти квадратная — 4,90×4,65 м, входной проем арочной формы (0,65×1,25 м) находился в западной стене башни на высоте 4,5 м от ее основания. Толщина стен башни на уровне входа — 0,75 м. Внутреннее пространство башни завалено камнем до уровня входного проема. По-видимому, перекрытие второго этажа было каменным, а основание башни — забутовано. Сохранилось каменное сводчатое перекрытие третьего этажа с четырехугольным лазом в восточной стороне. Располагавшееся над ним помещение (четвертый этаж) с четырех сторон имело прямоугольные машикули на двух консолях со скошенными углами. Машикули почти полностью разрушены. Кровля башни не сохранилась.

С северной стороны к боевой башне примыкала небольшая ка-

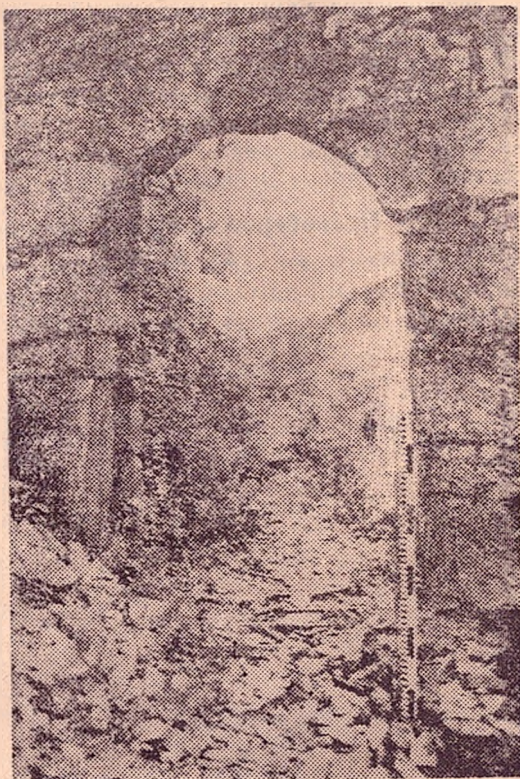

Рис. 3. Арочные ворота сторожевого комплекса

Рис. 4. Ворота сторожевого комплекса со стороны замка

Размеры основания башни № 2 — 6,20×6,50 м, толщина северной стены — 0,75 м. В северной и южной стенах башня имеет 2 входных проема (рис. 6,7). Северный вход расположен выше южного на 3,20 м.

Длина стен башни № 3: северной — 4,90 м, западной — 6,50 м, южной — 8,75 м. Толщина стен: северной — 0,60 м, западной и южной — 0,85 м. Вход в башню № 3 с северной стороны.

Жилая башня № 4 сохранилась частично (рис. 5,4). Длина северной стены — 6,3 м, западной — 2,0 м. В северной стене 2 входных проема на разных уровнях.

Все жилые башни, имея между собой узкие проходы, расположены радиально по отношению к боевой. В восточной части комплекса зафиксированы остатки каменной кладки от каких-то сооружений. Здесь отмечены монолиты (фундамент?) значительных размеров (0,65×0,90×0,80 м), (рис. 8.).

менная стена длиной в 1,2 м, (толщина стены — 0,7 м), достигавшая высоты более 4 м, т. е. уровня входного проема башни.

Жилые башни этого комплекса находятся на незначительном расстоянии друг от друга (не более 2 м). Ближе всех к входным (замковым) воротам расположена постройка № 1 (жилая башня?). Это сооружение довольно значительных размеров (16,90×4,95 м), без какого-либо видимого внутреннего деления, сохранившееся на высоту около 2 м. В остатках южной стены прослеживается 2 входных проема. Толщина стен: северной — 0,55 м, южной — 0,65 м (рис. 5,1).

Жилые башни № 2 и 3 примыкают восточными стенами к скале и имеют форму неправильных прямоугольников (рис. 5,2,3).

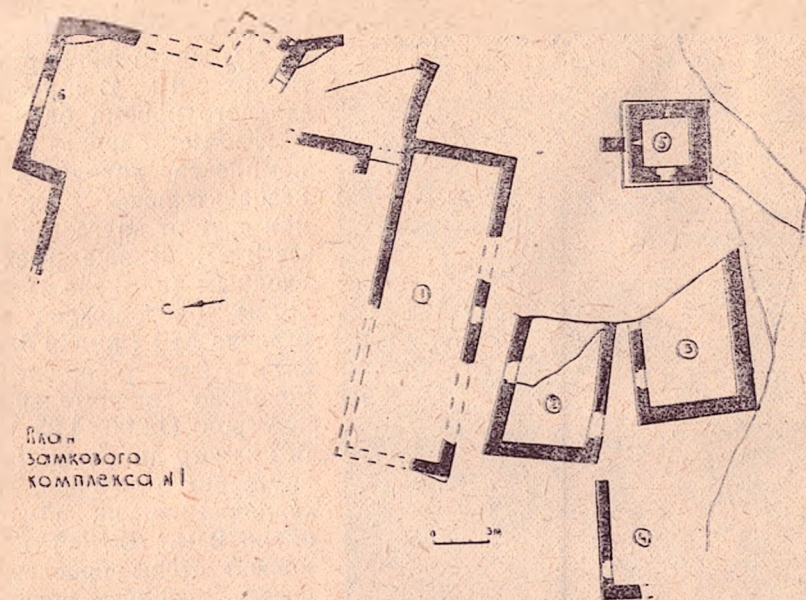

Рис. 5. План замкового комплекса № 1: 1 — жилая постройка (башня?) № 1; 2 — жилая башня № 2; 3 — жилая башня № 3; 4 — остатки жилой башни № 4; 5 — боевая башня; 6 — заградительная стена

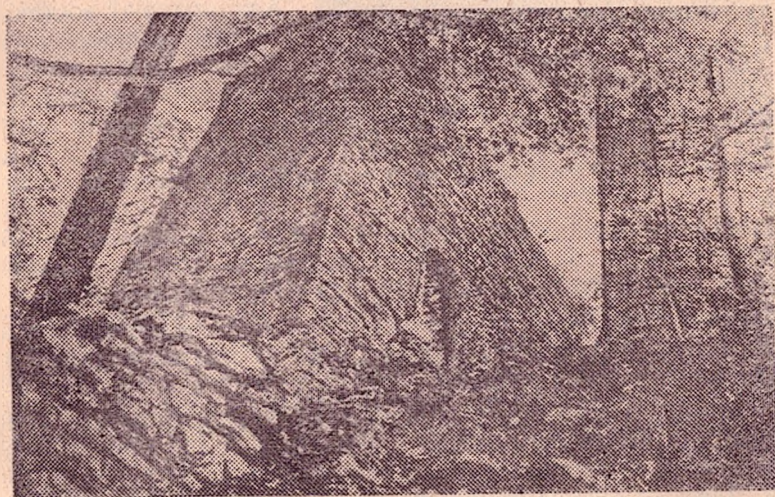

Рис. 6. Южный вход в жилую башню № 2

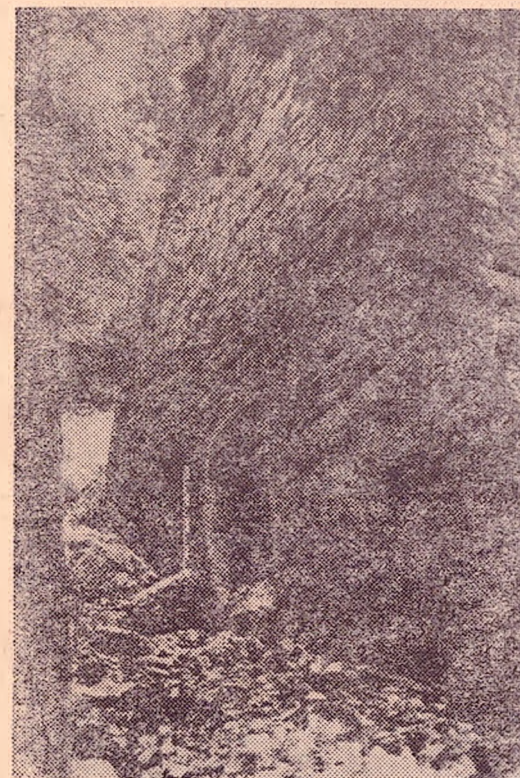

Рис. 7. Северный вход в жилую башню № 2

на всю внутреннюю ширину (2,15 м) камеры (рис. 10в; 11). Двускатная ступенчатая кровля (рис. 12) сохранилась в длину на 2 м. Сохранившаяся ее часть и сужающиеся вверх стены сооружения позволяют предполагать наличие сводчатой формы потолка и аркообразного входа (рис. 10).

Здание имеет довольно высокую цокольную часть (1,0 м) и фундамент (0,60 м).

Стены камеры сложены из тщательно отесанных крупных каменных блоков с использованием связующего раствора (глина вперемешку с известью). Высота стен сооружения снаружи: фасадной (западной) — 3,4 м, тыльной (восточной) стены, примыкающей к скале, — 0,7 м, всего сооружения вместе с кровлей (по длинной оси) — 4,55 м. Толщина стен — 0,50 м. В северной стене с наружной стороны постройки зафиксирован лаз прямоугольной формы (0,60×0,70 м), ведущий в глубокую (до 2,5 м) нишу (рис. 10, 1а).

Подступы к замковому комплексу № 1 с северной и северо-восточной сторон прикрыты каменной заградительной стеной, идущей ломаной линией на протяжении 17,45 м. Высота стены около 4 м. Расположенные в середине стены ворота имеют форму арки (рис. 9).

В 30 м к северу от входа в замковый комплекс № 1 на крутом скальном склоне высится домообразная постройка, внешне напоминающая широко известные в Чечено-Ингушетии так называемые склепы с поминательной камерой (рис. 10).

Четырехугольное в плане сооружение (3,15×6,05 м) ориентировано по линии 3-В (с небольшим отклонением). Фасадная (западная) сторона открыта

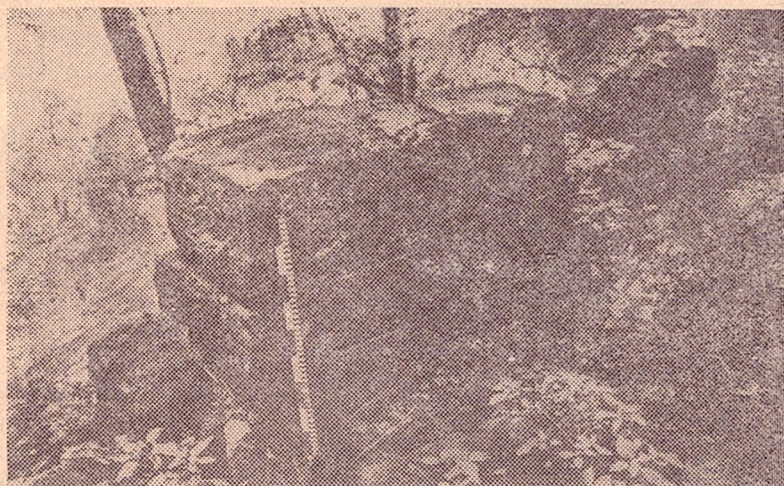

Рис. 8. Каменные монолиты от разрушенной постройки

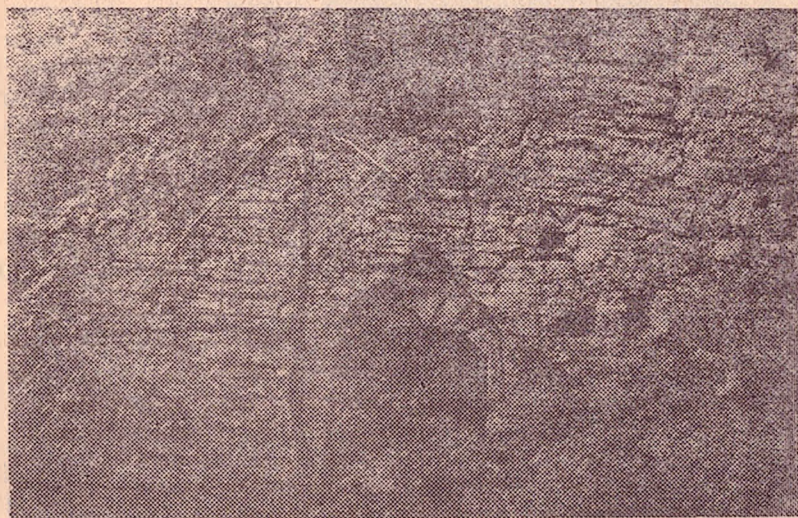

Рис. 9. Заградительная («крепостная») стена с воротами замкового комплекса № 1 (с внутренней стороны)

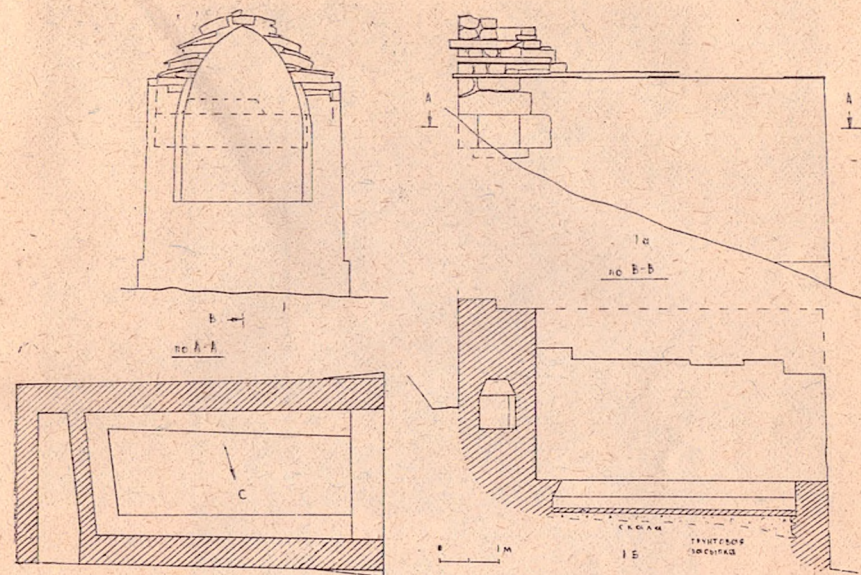

Рис. 10. План культовой постройки Эгичожского поселения

Ниша идет вдоль всей восточной стены (рис. 10, 1в). В потолке ниши на расстоянии 0,60 м от лаза сделана выемка вверх на 0,25 м. Создается впечатление, что сделано это для того, чтобы было удобно там сидеть. Все остальное пространство над нишей заложено глухой каменной кладкой, так что толщина этой (восточной) стены достигает 1,25 м. Расчистка ниши находок не дала. Тщательное обследование потолка и стен ниши также не принесло каких-либо результатов.

Обвалившаяся кровля заполнила внутреннее пространство камеры на высоту 1,25 м. Выборка каменных блоков и обломков сланцевых плит позволила обнаружить вдоль всех четырех стен скамьи шириной 0,30—0,50 м и высотой 0,45 м, сложенные из камня (рис. 13). Идущее вдоль фасадной стены сиденье является одновременно и порошком. На одной из каменных плит, положенных плашмя на порошок, отмечено круглое (чашечное) углубление диаметром 10 см.

Расчистка камеры позволила определить внутренние размеры постройки: четыре стороны камеры на уровне скамей — 4,65; 2,0; 4,9; 2,15 м; эти же стороны по полу (без учета ширины скамей) 3,8; 1,4; 4,0; 1,3; высота до кровли — 3,1 м. Поскольку сооружения подобного типа довольно часто имеют подземные камеры, был обследо-

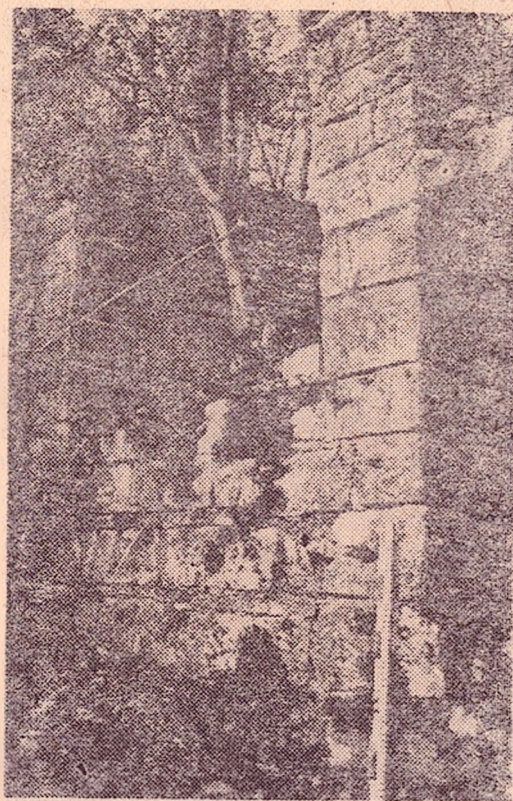

Рис. 11. Фасадная сторона Эгичожской культовой постройки

дован пол. Под верхним слоем массивных сланцевых плит шла сплошная забутовка из грунта, гальки, сланца. Толщина забутовки различна по всей длине камеры. Если у фасадной (западной) стены она достигала толщины 35 см, то у противоположной (восточной) она составляла слой в 8—10 см (рис. 14; 15). По-видимому, сделано это было с целью выровнять пол камеры, так как постройка возведена на очень крутом скальном склоне (рис. 1; 2).

Отсутствие захоронений и зафиксированные размеры камеры позволяют высказать предположение об общественном (с некоторой культовой нагрузкой) характере исследованного здания.

В 50 м к юго-востоку от замкового комплекса № 1 расположен замковый комплекс № 2. В комплекс входят одна боевая и пять жилых башен, а также каменные заградительные стены, составляющие все вместе компактную застройку, подчиненную единому замыслу обороны (рис. 16, Б).

Рис. 12. Восточная сторона Эгичожской культовой постройки с остатками двускатно-ступенчатой кровли

Боевая башня, ориентированная углами по сторонам света, расположена в восточной части комплекса. Вход в башню находится на высоте 3 м (рис. 18). В стенах со всех сторон на разных уровнях расположены узкие бойницы и смотровые щели. В верхней части башни, на северо-восточной и юго-восточной ее стенах видны консоли машикулей. Кровля башни и межэтажные перекрытия не сохранились. Северо-западная сторона башни соединяется каменной стеной с жилой башней № 1. Башня эта является самой большой среди жилых башен комплекса № 2. Она имеет в северо-восточной стене большой входной арочный проем (1,75×1,35 м), заложенный впоследствии насухо каменной кладкой (рис. 17). Он вел на второй этаж. Вход на первый этаж находился с внутренней стороны комплекса, в юго-западной стене башни.

Боевая и 2 жилых (№ 1, 2) башни составляют северо-восточную линию обороны комплекса. В западную оборонительную систему входит жилая башня № 3 и заградительные каменные стены, соединяющие башни № 3 и 2 и прикрывающие пространство между ними (рис. 16 Б-2, Б-3), а также стена, доходящая до обрыва. Юго-восточная часть комплекса защищена боевой и жилой (№ 5) башнями, соединенными между собой каменной выпуклой стеной с двумя бойницами (рис. 18).

Особо следует выделить жилую башню № 3 с закругленным юго-восточным углом (рис. 19). Она, как и башня № 5, имела входные проемы, ведущие на каждый этаж.

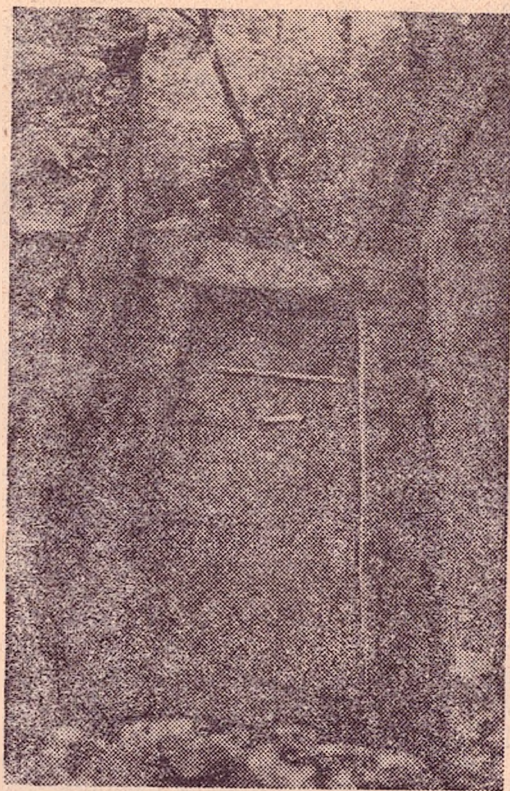

Рис. 13. Каменные сиденья внутри
Эгичожской культовой постройки

Замковый комплекс № 3 значительно уступает по размерам вышеописанным комплексам и сохранился хуже (рис. 16А). Он расположен в 60 м юго-восточнее комплекса № 2. Его основу составляет боевая башня, к которой примыкают две сильно разрушенные постройки (жилые башни?). Одна из построек соединяется с боевой башней закругленной стеной (рис. 16А).

Вход в боевую башню, квадратную в плане, находился на высоте около 3 м. Одна из жилых башен имела двухкамерный план с отдельными входами.

От комплекса № 3 вверх по хребту вела малоприметная тропа, выходящая к небольшой, почти полностью разрушенной постройке (рис. 1,6). Единственный сохранившийся угол ее имеет высоту 2,70 м. Кладка сооружения состоит из крупных каменных блоков. Связующий раствор не фиксируется.

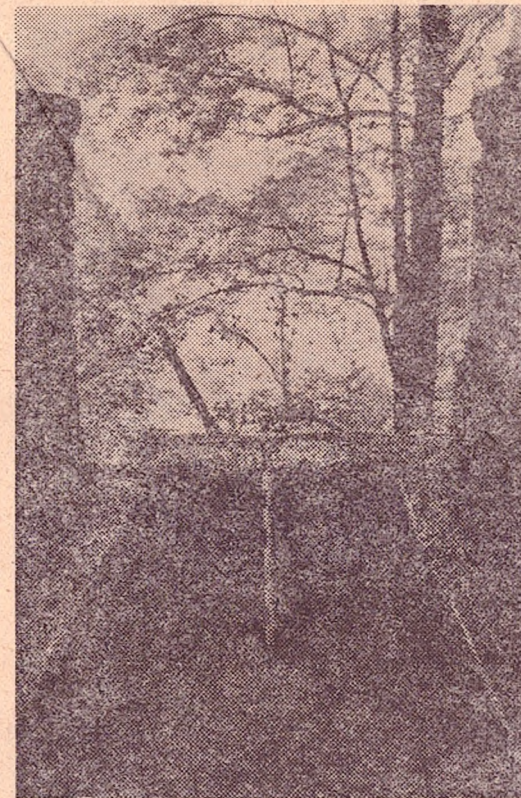

Рис. 14. Западная (внутренняя) часть
Эгичожской культовой постройки после
расчистки пола

Учитывая месторасположение постройки, ее небольшие размеры и значительную удаленность от жилых комплексов, можно предполагать культовый характер сооружения.

Левобережная часть Эгичожского башенного поселения

В отличие от правобережной части Эгичожского поселения ее левобережная часть носит единый характер. Она в основе своей состоит из множества жилых башен и хозяйственных построек (рис. 1). Тропу к поселку преграждает высокая (около 20 м) боевая башня с входом на высоте около 2 м (рис. 20). В верхней части башни сохранились со всех четырех сторон консоли машикулей. Ориентирована башня углами по сторонам света. Перекрытие не сохранилось.

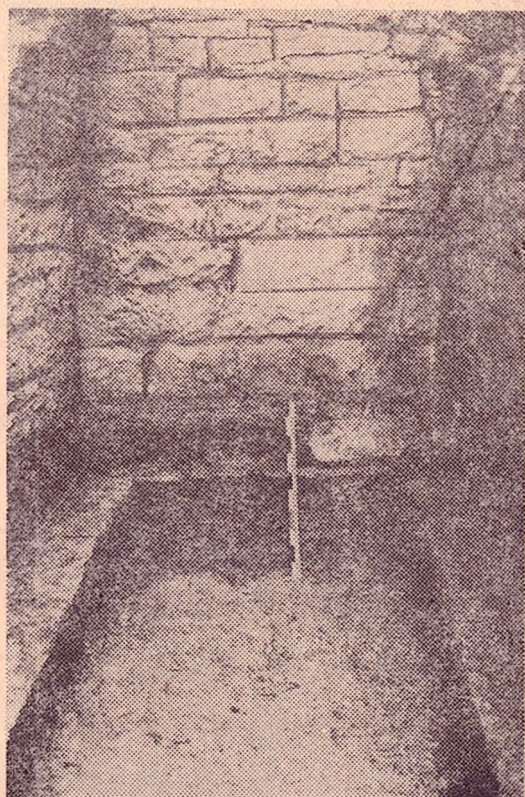

Рис. 15. Восточная (внутренняя) часть
Эгичожской культовой постройки
после расчистки

Вокруг башни фиксируются полуразрушенные постройки (2 жилых башен и несколько хозяйственных сооружений). К одной из жилых башен примыкала каменная стена с нишей, в которой были найдены кости мелких животных (рис. 21). Несколько в стороне от описанных построек находилась отдельно стоящая жилая башня. Вход в нее располагался со стороны обрыва и был оформлен тремя каменными монолитами. Снаружи к нему можно было попасть лишь при помощи специального деревянного настила, проходящего вдоль одной из стен, о чем позволяют судить «гнезда» для балок. Такой же настил, по-видимому, проходил и на уровне третьего этажа (наподобие галерей или балконов вдоль всей стены).

Несколько выше тропы располагалось основное ядро левобережной части поселения. Здесь особо выделяется одна из жилых

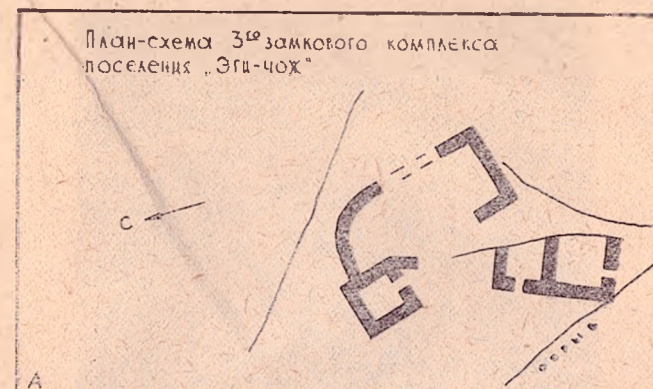

Рис. 16. План-схемы замковых комплексов
№ 2 и 3

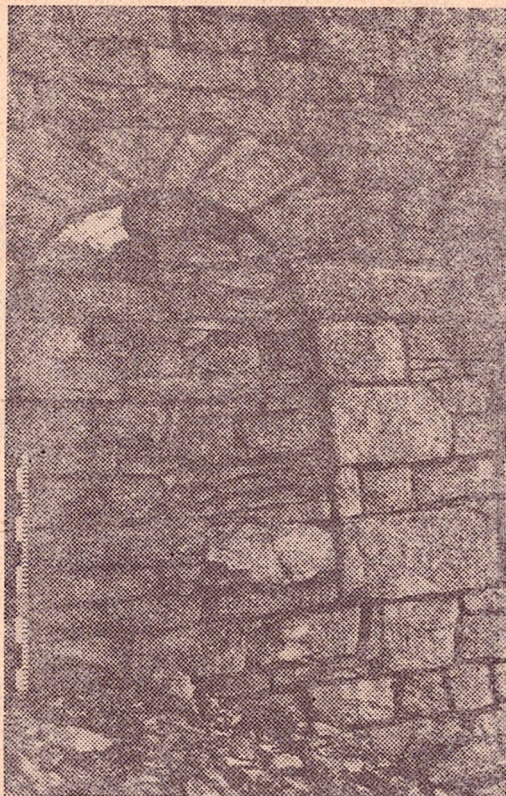

Рис. 17. Заложенный входной проем жилой башни № 2 на 2-ом замковом комплексе

башен с входом на высоте около 4 м и верхним этажом, открытым с двух сторон (лоджия ?).

Представляет интерес и большая жилая башня с каменной лестницей, ведущей снаружи на 1-й и 2-й этажи (рис. 22). Нижнее помещение башни вдвое меньше верхнего, поскольку его основная часть занята выходами скальных пород. Неровности скального основания второго этажа выровнены каменной кладкой (рис. 23).

Интересно отметить, что некоторые жилые башни имеют внутри по два опорных столба. Часть башен расположена настолько близко друг к другу, что углы их заходят во внутреннюю часть соседних помещений. Входные проемы большинства построек оформлены аркой. С наружной стороны одной из башен отмечены два каменных бруска, торчащих из стены.

Рис. 18. Юго-восточная часть оборонительной системы замкового комплекса № 2

Таковы результаты предварительного изучения башенных комплексов урочища «Эги-чож». Своеобразие их архитектурно-планировочных особенностей очевидно (обилие стен, попытки кругло-планового решения и т. д.) и требует специального углубленного исследования. Предварительно можно отметить также четкое отделение комплексов с боевыми башнями от основной части поселка, причиной которого могли служить явления социально-экономического порядка⁸. Что касается хронологии обследованных объектов, то ввиду отсутствия четко датирующих фактов (достоверность датировки башен по архитектурным признакам сейчас является предметом полемики)⁹ ее можно предварительно определить в рамках XV—XVIII вв. Во всяком случае, наличие узких бойниц в боевых башнях и заградительных стенах правобережных комплексов урочища свидетельствует о достаточно широком распространении ог-

Рис. 19. Юго-восточная стена жилой башни № 3

нестрельного оружия среди их обитателей, что не позволяет определить дату возведения этих сооружений со специальными бойницами временем ранее XVI в.¹⁰ В этой связи следует указать, что письменные источники конца XVI — начала XVII в. четко указывают на довольно широкое использование в этот период огнестрельного оружия даже горными вайнахами¹¹. А плоскостные вайнахи, в частности обитатели Юго-Восточной Чечни, можно полагать, имели возможность познакомиться с огнестрельным оружием через жителей русских поселений на Тереке и Сунже уже в последней трети XVI века. В этом смысле тезис некоторых исследователей о довольно позднем распространении такого оружия в Чечено-Ингушетии нуждается в известных коррективах. Это важный вопрос, поскольку с ним связаны проблемы датировки оборонительных сооружений, и он требует специального рассмотрения. В его решении свое место должны занять как территориально-хронологические (данное явление имеет свою динамику), так и социально-экономические (это оружие на первом этапе было более доступно верхам) аспекты. Косвенным аргументом для вышеуказанной датировки могут служить и выявленные здесь поздние типы надземных склеповых усыпальниц¹², среди которых отмечены и т. н. башенно-пирамидальные (рис. 24). Уточнить время существования Эгичожского башенного поселения позволят лишь раскопки как на территории самого поселения, так и на склеповом могильнике. Однако уже сегодня башенные постройки по р. Фортанге можно уверенно сопо-

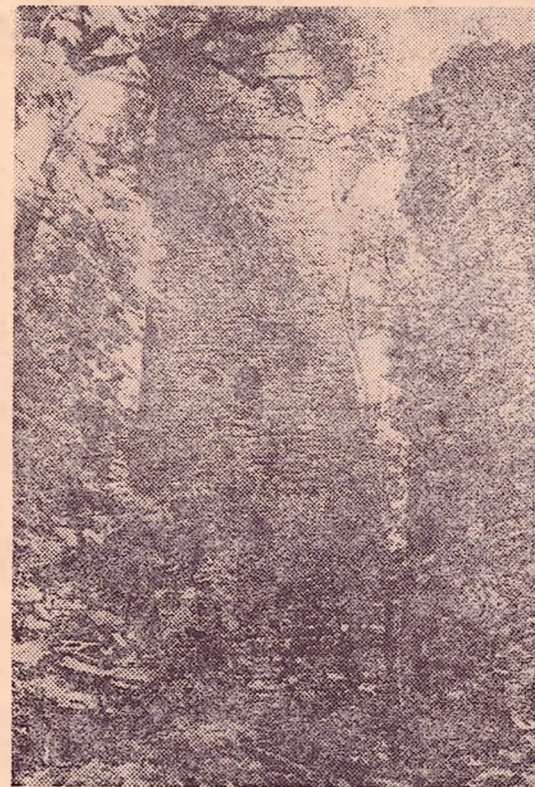

Рис. 20. Боевая башня в левобережной части Эгичожского поселения

ставлять с теми карабулакскими поселками, которые видел Л. Штедер в 1781 году¹⁴.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Историографическую справку см.: Чахкиев Д. Ю. Состояние изученности военного дела позднесредневековых вайнахов. — Сб.: Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1981, с. 42—44.

² В задачи отряда не входило стационарное обследование (раскопки, съемка инструментальных планов) Эгичожских башенных комплексов. Мы искали здесь погребальные памятники, обнаружить которые в тот год нам так и не удалось. Но, учитывая архитектурную незаурядность и археологическую неизученность увиденных нами башенных сооружений «Эги-чожа», было решено дать хотя бы их визуальное описание с приложением схем, отдельных планов и фотоматериала. Все чертежные и фотоработы выполнены художником-архитектором В. Н. Калининским. Пользуясь случаем, выражаю глубокую благодарность всему составу

Рис. 21. Каменная стена с нишей

отряда, принимавшему участие в работах на «Эги-чоже»: В. Н. Калинин, С. Н. Савенко, Б. М. Хашегульгов, В. Г. Авдненко, Г. Р. Смирновой.

³ Умаров С. Ц. Средисековая материальная культура горной Чечни (XIII—XVII вв.). Дис. ... канд. ист. наук, Грозный, 1970. От урочища «Эги-чож» до Цеча-ахкинского поселения вверх по р. Фортанге — около 4 км, до сел. Датых (в обратном направлении) — около 2 км.

⁴ Мы не располагаем какими-либо данными на этот счет. Исключение составляет опубликованный в Кавказском этнографическом сборнике фотоснимок Г. Гегечкори 1966 года «верхней части входа в укрепление Эги-чож (ЭгчИож)» — см.: КЭС, т. II, Тбилиси, 1968, с. 143, рис. 1, подпись к рисунку см. на с. 266. Благодарю И. М. Саидова и А. С. Сулейманова за информацию об Эгичожских памятниках.

⁵ Слабые осыпи крутых склонов, частые переправы через бурные потоки р. Фортаги, безлюдье, отсутствие проторенных троп.

⁶ Обмеры наружные.

⁷ Саидов И. М. Об использовании одного из видов языческих сооружений в общественном быту вайнахов. — Сб.: Этнография и вопросы религиозных

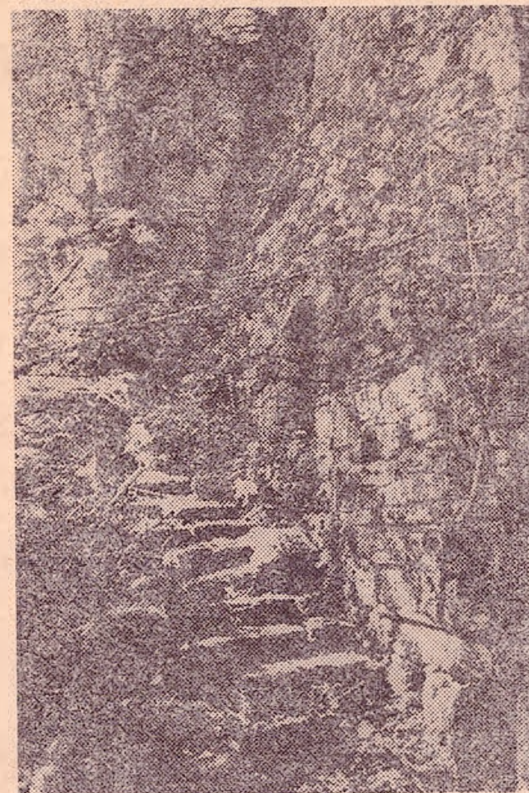

Рис. 22. Каменная лестница, ведущая ко входу жилой башни в левобережной части Эгичожского поселения

воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 45—52.

⁸ См., например: Скитский Б. Н. К вопросу о феодальных отношениях в истории ингушского народа. — Известия ЧИНИИЯЛ, т. 1, вып. 1, Грозный, 1959, с. 168; Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. — КЭС, т. II, Тбилиси, 1968, с. 116; Умаров С. Ц. К политической и социально-экономической истории Чечни XVI—XVII веков. — АЭС, IV, Грозный, 1976, с. 201—202; его же. Указ. канд. дис., с. 102—106.

⁹ См., например: Марковин В. И. Памятники зодчества в горной Чечне. — Сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 260—263.

¹⁰ См.: Чахкиев Д. Ю. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. — Сб.: Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983, с. 64—65.

¹¹ См., например, подобную точку зрения: Коккиев Г. А. Склеповые сооружения Северной Осетии. Владикавказ, 1928, с. 55; Предисловие Е. И. Крупнова к 23 тому; МИА СССР, Е.—Л., с. 11. Семенов Л. П. Из истории работы му-

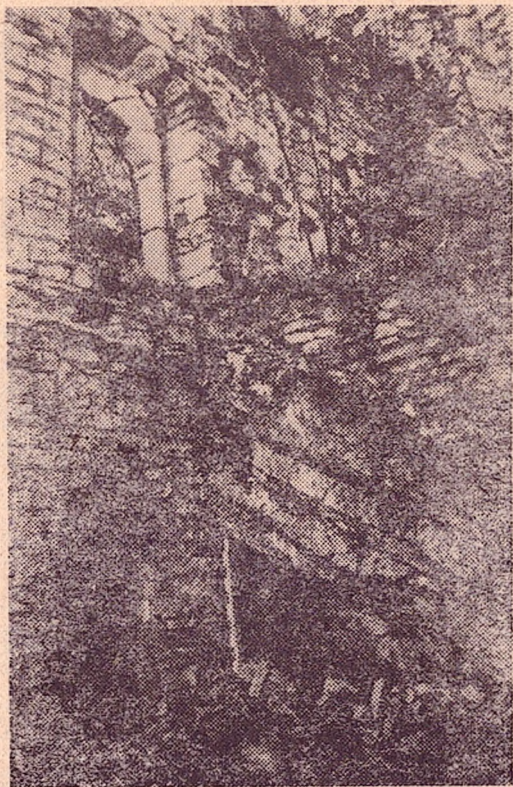

Рис. 23. Жилая башня внутри

зия краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952, с. 19, 20; Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1967, с. 5; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 75—77; Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа. — В сб.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 167; Чахкиев Д. Ю. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. — В сб.: Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава ЧИГУ. Грозный, 1983, с. 64—65; Виноградов В. Б., Чахкиев Д. Ю. Некоторые традиции военного искусства вайнахов в средневековье. СЭ, 1, 1984, с. 107.

¹² Белокур С. А. Сношения России с Кавказом. Вып. 1 (1578—1613 гг.). М., 1888, с. 222, 474; Полневиков М. Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений (1615—1640 гг.). Тбилиси, 1937, с. 254.

¹³ Склеповые усыпальницы были обнаружены здесь инженером В. М. Блудовым в 1981 году. Мы благодарим В. М. Блудова за сообщенную информацию и передачу фотоснимков.

¹⁴ См., например: Виноградов В. Б. Глазами очевидцев. — Сб.: Вехи единства. Грозный, 1982, с. 114—115.

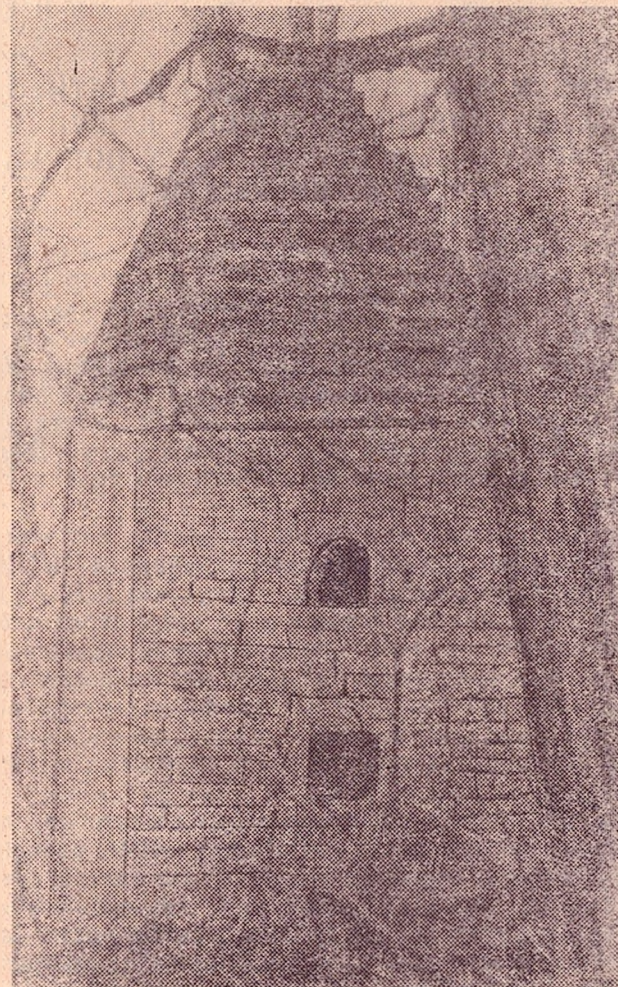

Рис. 24. Надземный склеп

К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ И ДАТИРОВКЕ СОХРАНИВШИХСЯ БОЕВЫХ БАШЕН С ПИРАМИДАЛЬНЫМ СТУПЕНЧАТЫМ ПОКРЫТИЕМ В ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Статья посвящена изучению вайнахских боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием. Вопросы, затронутые в ней, рассматривались и другими авторами, которые, однако, почти не касались в своих исследованиях такой темы, как выявление конструктивных особенностей интересующих нас башен. Последние должны рассматриваться как неотъемлемая часть вайнахской народной архитектуры, где различные по функциональности памятники обладали рядом аналогичных деталей конструкций и декора. Это позволяет проводить между ними широкие параллели и сравнительные характеристики.

В основу статьи легли материалы, собранные автором во время его участия в полевых археологических изысканиях ЧИИИСФ, проводившихся под руководством М. Б. Мужухоева и Р. А. Даутовой. Выводы, к которым пришел автор в результате своих наблюдений, не всегда совпадают с мнением предшественников. Однако учитывая то, что горская архитектура изучена еще недостаточно, а также актуальность рассматриваемых вопросов, автор предлагает вниманию читателей данную статью в качестве попытки новой интерпретации некоторых деталей у части известных архитектурных сооружений.

Среди многочисленных памятников вайнахского народного зодчества определенный интерес представляют боевые башни. Выразительность их силуэта, преобладающего во многих позднесредневековых поселениях, придает последним своеобразный рисунок (рис. 1). Концентрируя вокруг себя остальные постройки, башня (или башни) выступает как бы композиционным центром. Боевые башни в зависимости от их местоположения относительно селения и назначения назывались «оборонительными», «дозорными» или «сторожевыми» и служили целям пассивной обороны. В то же время они несли в себе и некоторое смысловое содержание, выступая как символ единства и тшеславия рода¹. Постройка башен иногда осуществлялась и в честь памятных событий, о чем свидетельствует возведение чеченцами башни Хан-Кала при выходе из ущелья в честь победы над войском крымского хана Каплан-Гереев в XVIII в.²

Вершиной вайнахского зодчества по праву считаются боевые башни с пирамидальным ступенчатым покрытием. Они вобрали в себя все достижения средневековой архитектуры. Здесь и искусст-

Рис. 1. Сел. Таргим. Ингушетия

во кладки, и безупречность стрельчатых ложных арок и сводов. Наиболее значительным успехом местных мастеров было умение возводить сложное покрытие этих башен (рис. 2), которое характеризуется постепенным напуском камней, начиная от верха кладки стены. Внутри выводился ложный сомкнутый свод, не дающий распора. Снаружи напуск камней отмечен ступеньками. Каждая последующая ступенька выкладывалась на сланцевых плитах, выступающих ребрами из общей кладки и играющих роль ливнеотвода. Последняя ступенька наверху также перекрывалась сланцевой плитой, удерживаемой на покрытии специальным каменным монолитом конусообразной формы высотой до 0,6 м. У вайнахских народов он именуется «дзлогал» (инг.) и «цурко» (чеч.)³. В исследовательской литературе он с известной долей условности часто называется «замковым»⁴. Без упомянутого камня башня считалась незаконченной. Завершал же строительство сам мастер. Л. П. Семенов писал: «...на машикуле ставили лестницу, привязанную веревками, прикрепленными к столбу, поставленному на время в верхнем этаже. Веревки пропускали сквозь отверстия, сделанные между уступами кровли. Мастер привязывал себя ремнем к этой лестнице, поднимался на купол башни и заканчивал работу. За установку камня давали лошадь или быка»⁵.

В формировании у боевых башен пирамидального ступенчатого покрытия можно предположительно наметить два направления. Первое — это использование мастерами приемов древнего зодчества, сведения о которых известны по всему Кавказу и еще живы в

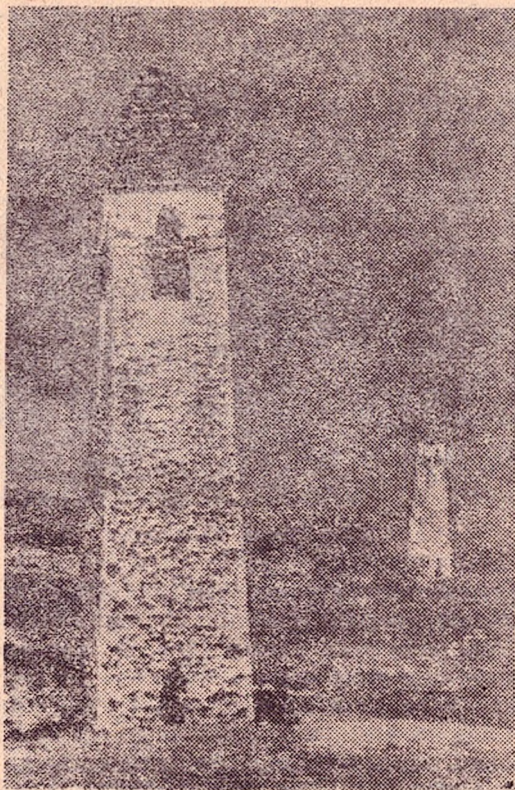

Рис. 2. Боевая башня с. В. Оздик.
Ингушетия

памяти народа⁶. Примером может служить описание бревенчатых конструкций колхидских жилых башенных домов, приведенное Витрувием: «...У колхидян на Понте, благодаря обилию лесов, кладут лежа на землю целые бревна, справа и слева на таком расстоянии друг от друга, какое допускает длина деревьев, а на концы их помещают другие, поперечные, замыкающие внутреннее пространство жилища. Затем скрепляют по четырем сторонам углы положенными друг на друга бревнами и таким образом выводят бревенчатые стены по отвесу к нижним бревнам, а промежутки, оставшиеся из-за толщины леса, затыкают щепками и глиной. Так же они делают и крыши; обрубая концы поперечных балок, они перекрывают их, постепенно суживая, и таким образом с четырех сторон выводят их кверху в виде пирамид, покрывая их листвой и глиной, и варварским способом строят на башнях шатровые крыши»⁷. С сокращением лесных массивов исчезли и такие постройки⁸.

Второе направление, когда ступенчатое покрытие башен связывается с более древними каменными памятниками, а именно — подземными склепами, сложенными по принципу ложного свода⁹.

В обоих случаях в основе покрытия лежит конструкция ложного свода, хорошо знакомая народному зодчеству Кавказа.

В период средневековья пирамидальное ступенчатое покрытие бытовало во многих вариантах жилища Закавказья; у армян — «гхлантун», у грузин — «дарбазн», у азербайджанцев — «карадам» и частично у юго-осетин.

Однако ни древние деревянные жилища, ни подземные склепы не дают нам формы пирамидального ступенчатого покрытия, существующего на боевых башнях. В то же время изучение башен показало, что в ряде случаев они сами имеют архаические формы покрытия (рис. 4/3—5). В связи с этим возможен следующий вывод: пирамидальное ступенчатое покрытие боевых башен не заимствовано из других сооружений, а является результатом эволюционирования формы самого покрытия боевых башен.

Рассматриваемый тип боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием встречается как на территории Ингушетии, так и на территории Чечни. Многие исследователи говорят о его единстве, находя некоторые локальные отличия лишь в характере оформления, отмечая «особую стройность» и «изящество» ингушских башен¹⁰ или же видя вариации в «габаритах и пропорциях»¹¹. Действительно, чеченские башни ниже и шире ингушских. Они выглядят монументальнее. Первые достигают высоты 18—20 м, вторые — 25—30 м. Ингушские башни более изящны и стройны. Это ощущение усиливается и за счет светлой окраски ингушских башен, приобретаемой после обмазки швов известковым раствором. Однако своеобразие проявляется, по нашему мнению, не только в оформлении. Оно касается кладки стен, которая зависит от применяемого при сооружении камня, а также и от некоторых деталей конструкции, на которые прежде не обращалось достаточного внимания.

Количество ступеней в покрытии боевых башен Чечни имеет широкий диапазон — от 4 до 16¹². В Ингушетии последний не столь велик — число ступеней составляет обычно 13—15¹³. Ингушские боевые башни имеют в своде перекрытия второго этажа гурты, и лишь в башне с. Пуй отмечено перекрытие третьего этажа без гуртов¹⁴. В Чечне же чаще встречаются башни, где свод выложен без помощи гуртов (с. Терте, Икильчи, Хайбахой, Коротх¹⁵). Боевые башни Ингушетии имеют машикули, покоящиеся на 2—3-х консолях, чеченские — на 2—5.

Среди чеченских башен следует особо выделить башни верховья р. Чанты-Аргун, где находятся древнейшие общества Малахисты и Майсты, памятники которых представляют собой единый грандиоз-

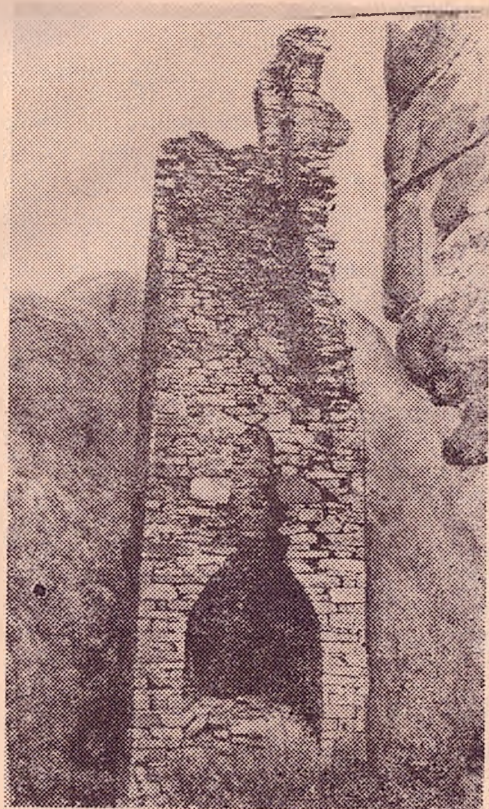

Рис. 3. Боевая башня на р. Кенахой-Акх.
Чечня

ный комплекс, создававшийся на протяжении столетий. Он протянулся по ущелью с юго-запада от «трех башен» Кирда, что на реке Кенахой-Акх, до аула Меши на северо-западе. Сюда же следует включить и башни Итум-Калинской котловины. Характерной чертой башен этого района является небольшое число ступеней в невысоком самом по себе покрытии (от 7 до 11). Одна из трех башен на р. Кенахой-Акх имеет на первом этаже оригинальную особенность — открытое с одной стороны помещение, перекрытое ложным сводом стрельчатых очертаний (рис. 3). Остатки верхней части башни позволяют определить, что оно имело пирамидальное ступенчатое покрытие. Сходное по объемно-планировочной структуре сооружение представляет и башня Шулы, расположенная в окрестностях с. Эткали. Но эта башня дает пример арханчного ложного сводчатого покрытия, лежащего в основе развития пирамидальной ступенчатой

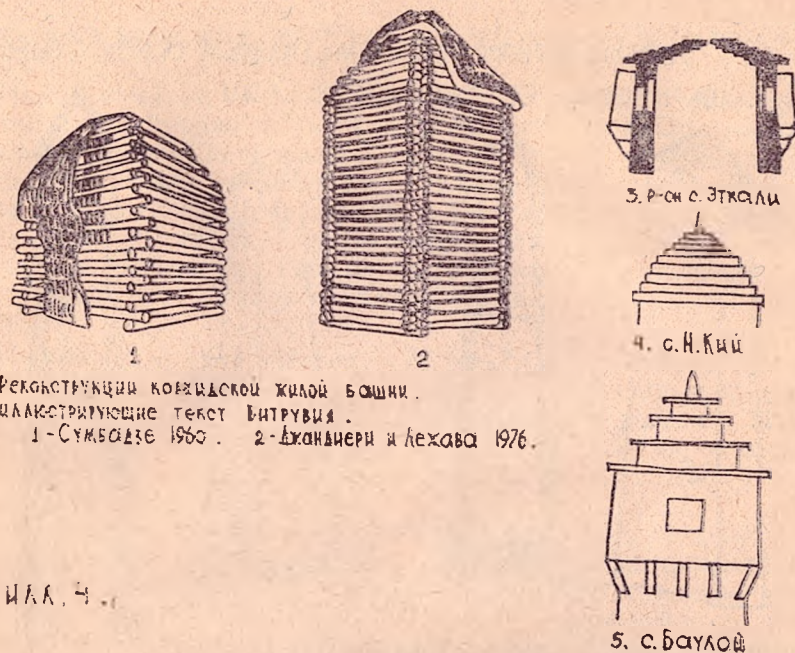

Рис. 4. Примеры покрытия башен

конструкции покрытия. Как и у башни хутора ДЕРЕ, в ней также отсутствует внутреннее перекрытие¹⁶.

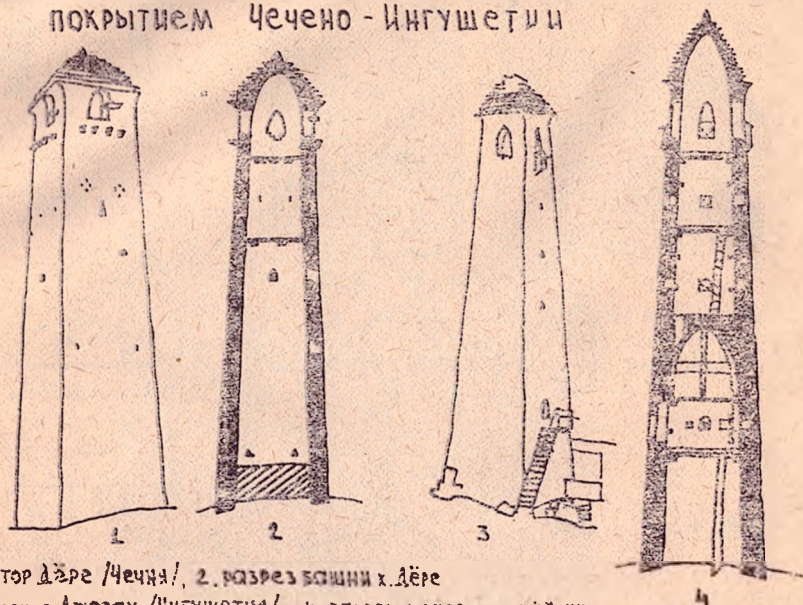
Башни на р. Кенахой-Акх, у хутора ДЕРЕ и в районе с. Эткали дают весьма знаменательный пример, отличный от так называемых «классических» боевых башен. Отличие состоит в отсутствии у них сводчатого каменного перекрытия второго этажа, являющегося непременной принадлежностью боевых башен данного типа в Ингушетии (рис. 5).

Отмеченные особенности башен Чечено-Ингушетии позволили С. Ц. Умарову выделить три локальных варианта: восточный, центральный и западный¹⁷. Для боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием, кажется, следует оставить только два варианта: восточный, к которому относятся башни Чечни, и западный — включающий ингушские башни и башни центрального (по С. Ц. Умарову) варианта.

Наличие этих двух вариантов дает возможность говорить об определенной эволюции боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием, связанной в первую очередь с появлением в их архитектуре каменного сводчатого перекрытия второго этажа.

Исходя из функциональности народного зодчества, перекрытие

боевые башни с пирамидальным ступенчатым покрытием Чечено - Ингушетии

1. хутор Дёре /Чечня/, 2. разрез башни х. Дёре
3. селение Джерах /Ингушетия/, 4. разрез «классической» ин-
гушской башни по Ч.И. Щербакину.

Илл. 5

Рис. 5. Типы боевых башен с пирамидальным ступенчатым
покрытием. Чечено-Ингушетия

может быть объяснено нуждами обороны. При его отсутствии захват противником первого этажа ставил под угрозу защитников башни, так как деревянные перекрытия могли быть подожжены. Устройство же вместо них каменного перекрытия решало эту задачу¹⁸. Можно полагать, что боевым башням с каменным сводчатым перекрытием второго этажа должны предшествовать боевые башни без такового. Эта гипотеза дает возможности для установления относительной датировки башен, что до сих пор остается самым сложным вопросом в изучении памятников Чечено-Ингушетии.

М. Б. Мужухоев предлагает считать временем появления «ингушских» боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием первую половину XIV в.¹⁹. Этот вывод делается на основе изучения погребального инвентаря склепового могильника, относящегося к башенному селению Оздик. Временем образования могильника М. Б. Мужухоев считает XIV в.²⁰, а так как, по его мнению, начало поселению было положено строительством боевой башни рассма-

триваемого нами вида, то и она сама могла быть возведена в это время²¹.

Нам кажется, что соотношение времени строительства боевой башни с нижней датой погребального инвентаря выглядит проблематично²². По справедливому замечанию Г. К. Кокиева, полностью полагаться на могильный инвентарь нельзя, так как «...они (вещи) могут сказать, раньше какого времени они не могли появиться, но о продолжительности бытования или о времени, когда они могли попасть в могилу, едва ли можно судить»²³. К тому же, предлагаемая М. Б. Мужухоевым датировка вызывает сомнения у его коллег²⁴.

Напомним, что ряд авторов — М. И. Джандиери, Г. И. Лежава, В. А. Кузнецов — считают боевые башни с пирамидальным ступенчатым покрытием возведенными «сравнительно недавно»²⁵. Народные предания, записанные в конце прошлого столетия, указывают на то, что башни «классического» типа сооружались 150—200 лет тому назад, т. е. в XVIII веке²⁶.

Считаем, что наличие в боевой башне каменного сводчатого перекрытия может рассматриваться, как один из датирующих элементов. По мнению В. И. Марковина, конструкция межэтажного перекрытия (свода) «привнесена в вайнахскую архитектуру со стороны»²⁷. Кроме Чечено-Ингушетии, она встречается в башнях Северной Осетии, Дагестана и Грузии. В Северной Осетии башни с подобным межэтажным перекрытием известны в границах с Ингушской областью Тагаурин. Среди них башня Мамсуровых в с. Даргавс, которая, по одной из версий, построена ингушским зодчим Дуго Ахриевым²⁸. В грузинской архитектуре каменные межэтажные перекрытия встречаются очень часто. Кроме того, памятники Грузии являются более изученными относительно памятников других районов Кавказа, а некоторые имеют и документальное подтверждение о времени их возведения. Поэтому для решения вопроса обратимся к башенным сооружениям Грузии.

Особый интерес представляет Анапурский ансамбль, который замечателен тем, что в его пределах находится боевая башня с пирамидальным ступенчатым покрытием. Анапурская башня представляет собой однотипное с башней у хутора Дёре сооружение. Вход в нее расположен на высоте около трех метров. Низ забутован. Межэтажные перекрытия не сохранились, но, судя по находке в ее стенах специальных гнезд, они были деревянными. В отличие от башни у Дёре у нее нет машикулей, а перекрытие верха башни имеет 10 ступеней²⁹. В статье 1952 года П. П. Закария писал, что Анапурская башня была возведена не позднее XVI века³⁰. Однако в статье 1979 года он уже склонен относить ее к XII—XIV векам, хотя новых датирующих материалов за этот период не появилось³¹. В качестве одного из аргументов П. П. Закария пытается привлечь

Рис. 6. Боевая башня с. Нью. Ингушетия

устройство перекрытия дверного проема внутри в виде ложной арки, форма которого, по его же словам, выражена неярко³². Но при том не учитывается наружное оформление проема при помощи каменного монолита, что характерно для башенной архитектуры Грузии второй половины XVII—XVIII в.³³. Наиболее убедительной представляется связь даты постройки ананурской башни со временем строительства купольного храма, в непосредственной близости от которого она расположена, т. е. конец XVII века. Такую датировку принимают Е. И. Крупнов и В. И. Марковин³⁴. Н. Джанберидзе эту башню соотносит с XVI—XVII веками³⁵. В. Б. Виноградов полагает, что она была построена в первой трети XVII в.³⁶

Надо полагать, что при сооружении Ананурской башни была использована наиболее совершенная для того времени башенная

конструкция, не имеющая каменного сводчатого межэтажного перекрытия. Отрицать наличие в это время данной конструкции в боевых башнях мы не вправе, но констатировать, что сводчатое перекрытие в XVII веке еще не получило повсеместного распространения, как будто бы можем.

Этот вывод подтверждают и другие башенные сооружения Грузии. Датировка башен, в которых нет каменного межэтажного перекрытия, определяется в пределах XVI—XVIII веков. Это башни с.с. Абано, Караткау, Ахалгори, Багнии³⁷. Башни, в конструкцию которых входит каменное сводчатое или купольное перекрытие, датируются XVII—XVIII веками. Это башни с.с. Мухрани, Чинти, Схвило, Мдзоврети. И только две башни рассматриваемого района имеют каменное перекрытие в трех этажах. Это уже упомянутая башня в с. Мухрани (1756 г.) и башня в с. Калагири (1788—1789 гг.)³⁸. Межэтажные купольные перекрытия встречаются и в цилиндрических башнях с.с. Мерети, Скра, Корди, Хейти, в двух этажах, в с. Пца — в первом, в с.с. Гарикула, Сашабуро, Мчадисджвари — во втором этаже. Все они относятся также к XVIII веку³⁹. У нас нет оснований считать, что межэтажные каменные перекрытия в вайнахской архитектуре появились значительно раньше, чем в грузинском зодчестве, стоящем в целом на более высоком уровне. Учитывая тесные экономические и культурные связи грузин и вайнахов, можно внутреннее перекрытие в памятниках Чечено-Ингушетии предположительно соотносить со временем их применения в башенных сооружениях Грузии, т. е. с XVII—XVIII вв.

В качестве другого датирующего элемента можно принять изображение креста «голгофы», присутствующее на некоторых ингушских башнях. Отмечая эту особенность, исследователи справедливо видят в ней результат культурного влияния Грузии⁴⁰ (рис. 6), где известны многочисленные изображения креста с «голгофой» на культовых памятниках X—XVI вв.⁴¹, а на памятниках гражданского зодчества — начиная с XVI в.⁴². Но особенно часто кресты с «голгофой» встречаются на грузинских башнях в XVII—XVIII вв. (с.с. Ксоврис, Чинти, Корди, Кемерети, Мрткопи, Мухрани 1756 г., Милахвриаткари 1800 г., Пца, Сакашети)⁴³. Здесь изображение «голгофы» использовано как декоративный элемент в решении фасада постройки, однако при этом его христианская символика была сохранена⁴⁴. Из гражданских башенных построек Грузии и мог быть заимствован этот элемент ингушскими мастерами.

Вместе с тем, едва ли правомочно датировать его появление в вайнахских башнях временем «не позднее второй половины XVI в.», как это делает Д. Ю. Чакхиев⁴⁵. XVI век, как мы уже отмечали выше, это лишь начало использования «голгофы» в гражданских сооружениях Грузии. Чтобы он вполне осмысленно применялся в постройках соседних народов, должно было, видимо, пройти опре-

деленное время. Учитывая, что только в XVII в. «голгофа» становится распространенным декоративным элементом в гражданских памятниках Грузии, изображение креста — «голгофы» — на вайнахских башнях с пирамидальным ступенчатым покрытием следует относить вероятнее всего к XVII—XVIII векам.

В связи с вопросом датировки боевых башен исследователи часто обращаются к вопросу о времени появления на Северном Кавказе огнестрельного оружия (XV—XVI вв.)⁴⁶. В башенной архитектуре до и после появления огнестрельного оружия естественны некоторые отличия. Так, башни, предназначенные для использования при обороне лука, имели широкие амбразуры⁴⁷. При обороне использовался и верхний этаж, с которого можно было обстреливать врага и другим видом оружия — лук для камня — «т'улга-лад»⁴⁸. С появлением огнестрельного оружия башня приобретает большое количество бойниц: от 3 до 6 на каждом этаже. Внутри башни они имели прямоугольное или треугольное отверстие с размерами около 0,5 м. Выходное отверстие составляло 0,1—0,15 м⁴⁹. Бойницы имели самое разнообразное направление, чаще вниз или в сторону. Они были одинарными или двойными. Последние в грузинской архитектуре применялись в памятниках XVII века⁵⁰.

У горцев Чечено-Ингушетии огнестрельное оружие появилось несколько позже, чем в Грузии, которая одной из первых на Кавказе познакомилась с его действием во время походов Ирана и Турции на Грузию, начиная с XV в.⁵¹. В Северной Осетии время появления огнестрельного оружия исследователи относят к XVI—XVII вв., когда развивалась торговля Северного Кавказа с Крымом, Турцией и Закавказьем⁵². К XVI в. относится и время знакомства вайнахов с огнестрельным оружием⁵³. Результат же этого знакомства мог реально сказаться только к концу XVI—XVII вв.⁵⁴, как это было в Грузии и Северной Осетии⁵⁵. Специально исследовавший этот вопрос Д. Ю. Чахкиев относит появление огнестрельных бойниц в вайнахских башнях ко времени не ранее середины XVI—начала XVII в.⁵⁶.

Такой элемент в конструкции боевых башен, как дверной проем, тоже может рассматриваться в качестве датирующего. Исследование характера оформления дверных проемов показало, что его многочисленные формы представляют путь развития от стоечно-балочной системы перекрытия, самой популярной в горской архитектуре, к арочной⁵⁷. По времени этот путь для вайнахской архитектуры, если ориентироваться на сохранившиеся образцы зодчества, приходится на XVII—XVIII века.

Не решенным до конца остается и вопрос о месте первоначального зарождения боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием.

В. Ф. Миллер предполагал, что искусство сооружений этих

укреплений было принесено в горную Чечню грузинами⁵⁸. Горную Грузию, как территорию зарождения этих башен, рассматривает и С. И. Малакатия⁵⁹. П. П. Закарая отмечает, что пирамидальная форма покрытия могла возникнуть «...особенно там, где имелись подходящие камни, а Грузия, как известно, богата такими камнями. Не случайно такое перекрытие применяется в горных районах Грузии с древнейших времен вплоть до начала XX в»⁶⁰. Однако ясно, что строительный материал в данном случае не может быть использован в решении вопроса о месте зарождения рассматриваемых башен. Кроме того, в Грузии этот тип башен встречается в единственных экземплярах: в уже упомянутой Апанурской крепости, а также в с.с. Ахнели, Кистани, Гуро, Кейбаскари и др.⁶¹ Небольшое их количество и развитость конструкций, приближающихся к ингушскому типу, не позволяют говорить о них, как о возможных источниках, повлиявших на архитектуру северных соседей. К тому же известно, что башня в с. Ахнели построена вайнахами (кистинцами)⁶².

Территория Ингушетии, как центр распространения многих памятников культуры Северного Кавказа, рассматривается Е. И. Крупновым, который отмечал существенную близость грузинских (хевсурских и тушинских) башен с «пирамидальными крышами» ингушским боевым башням по технике кладки и конструкции⁶³. По мнению сторонников этой версии, рассматриваемый тип башен первоначально появился в горной Ингушетии, а впоследствии стал возводиться в других местах. В доказательство приводится факт количественного преобладания именно в Ингушетии башен с пирамидальным ступенчатым покрытием⁶⁴. Это дало основание Л. П. Семенову наличие существующих отличительных особенностей рассматривать как сильное упрощение ингушского типа⁶⁵. Косвенным доводом для этой версии служат и многочисленные свидетельства о строительстве ингушами башен в Грузии и Северной Осетии⁶⁶.

Другая точка зрения связана с мнением многих исследователей о совместном участии мастеров Чечни и Ингушетии в разработке форм башенного зодчества⁶⁷. А. Ф. Гольдштейн выступает против такого мнения. Он пишет: «...такая специфическая архитектурная форма не могла возникнуть одновременно на всей территории горной Чечено-Ингушетии»⁶⁸. Видимо, А. Ф. Гольдштейну оказались неизвестны отличительные черты чеченских и ингушских боевых башен, представляющих некоторый эволюционный ряд.

Наше представление о взглядах ученых на поставленный вопрос было бы неполным без знакомства с давним уже суждением о том, что «...тип и оригинальный стиль башни зародился на территории, принадлежащей чеченцам, ингушам, хевсурам»⁶⁹. Такое понимание с наибольшей точностью отражает характер взаимодей-

ствия народов Кавказа, которые принимали участие в создании башенной культуры, представляющей при всех локальных вариантах определенное целое⁷⁰.

Изучение сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием Чечено-Ингушетии дает основание выделить среди них два вида. Первый («классический») распространен в западной части республики. Единичные его экземпляры встречаются и на востоке края. Для него характерно наличие высокого покрытия с числом ступеней 13—16 и устройство над вторым этажом внутреннего каменного сводчатого перекрытия с гуртами. Второй вид известен в восточной части рассматриваемой территории. Он отмечен невысоким покрытием с числом ступеней 4—11, отсутствием или несовершенством в некоторых постройках межэтажного перекрытия. Сопоставляя другие известные нам данные, учитывая некоторую архаичность «чеченских» башен и их конструктивное несовершенство, а также и отсутствие единства в архитектуре одного вида башенных построек, можно прийти к выводу, что в период сооружения рассматриваемого вида башен в данном районе еще не было выработано их стилевое единство. Стронтели находились на пути совершенствования конструкции боевых башен, который в конечном счете привел к появлению классического образца. Он и представлен наиболее массово на территории Ингушетии.

Мы склоняемся к мысли, что боевые башни с пирамидальным ступенчатым покрытием с небольшим числом ступеней и без межэтажного перекрытия можно считать более ранними, чем башни классического вида. Датировка их в основном должна, видимо, относиться ко времени не раньше появления в крае огнестрельного оружия, т. е. XVI—XVII вв. Большинство боевых башен классического вида можно предположительно датировать XVII—XVIII вв.

В связи с развитием у боевых башен пирамидального ступенчатого покрытия небезынтересным может быть обращение к склеповым постройкам Чечено-Ингушетии, имеющим аналогичное боевым башням покрытие. И здесь фиксируется тенденция увеличения числа ступеней в покрытии и высоты самого покрытия в ингушских склепах по отношению к чеченским. Так, в склепах Чечни число ступеней не более 8, а в Ингушетии — 9—13 (как исключение, три склепа с. Фалхан и с. Хамхи имеют 14—17 ступеней). В Северной Осетии количество их составляет 15—17 и даже 23—30. В склепах с большим числом ступеней встречается и более поздний погребальный инвентарь.

Дискуссию о месте первоначального зарождения боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием рано считать завершённой. Но, учитывая особенности взаимоотношений горцев Кавказа,

здесь следует, видимо, скорее всего видеть общекавказский момент и в то же время отметить огромную роль вайнахских зодчих.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. — КЭС. Т. II. Тбилиси, 1968, с. 69, 72; Магомедов А. Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе, 1968, с. 248, 253.
- ² Умаров С. Ц. И город стал. — «Грозненский рабочий», 28 октября 198 г.
- ³ Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 63.
- ⁴ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1968, с. 10; Крупнов Е. И. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 71; Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 32.
- ⁵ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 72.
- ⁶ Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. АЭС, т. 3, Грозный, 1969, с. 177.
- ⁷ Витрувий. Десять книг об архитектуре. Кн. II. М., 1936, с. 42. Примеры реконструкции такой башни см. рис. 4 (1—2). Автор согласен с реконструкцией Л. З. Сумбалдзе, наиболее точно следуемой описанию Витрувия. Реконструкция М. И. Джандиери и Г. И. Лежава дают нам рубленое и сложенное вешом сооружение, что не отмечено Витрувием.
- ⁸ Кобычев В. П. Типология кавказского народного жилища. — VII международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 3—6.
- ⁹ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 63.
- ¹⁰ Марковин В. И. В ущельях Аргуна и Фортанги. М., 1965, с. 109.
- ¹¹ Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 51.
- ¹² Миллер В. Ф. Терская область. Археологические экскурсии. — МАК. Вып. I, М., 1888, с. 40, 62, 95; Умаров С. Ц. Археологические исследования в высокогорных районах Чечни в 1968 году. — АЭС, т. 4. Грозный, 1976, с. 133.
- ¹³ Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 133.
- ¹⁴ Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 22.
- ¹⁵ Умаров С. Ц. Новые археологические памятники позднего средневековья в горной Чечено-Ингушетии. — АЭС, т. 2, Грозный, 1968, с. 232—234; Марковин В. И. Памятники горной Чечни. — СКДСВ, М., 1980, с. 249, рис. 32 (5—8).
- ¹⁶ Марковин В. И. Указ. соч., с. 230—231, рис. 25 (1—6).
- ¹⁷ Умаров С. Ц. Археологические исследования в высокогорных... с. 133.
- ¹⁸ Закарая П. П. Древние крепости Грузии. Тбилиси, 1969, с. 207.
- ¹⁹ Мужухоев М. В. Указ. соч., с. 40.
- ²⁰ Там же, с. 39, 94.
- ²¹ Там же, с. 37—39.
- ²² Виноградов В. Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — Археология и вопросы агенизма. Грозный, 1977, с. 59, 67; его же. О некоторых критериях датировки позднесредневековых погребальных комплексов Северного Кавказа. — Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы (Общественные науки). Ростов-на-Дону, с. 64—69.
- ²³ Кокнев Г. К. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, с. 62.
- ²⁴ Виноградов В. Б. О некоторых критериях датировки... с. 66; Мамасев Х. М., Чахкиев Д. Ю., Даутова Р. А. Лук и стрелы у позднесредневековых вайнахов. Новые археологические материалы по истории Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 44—80.

- 25 Джаиднери М. И. и Лежава Г. И. Архитектура горных районов Грузии. М., 1940, с. 17; Кузнецов В. А. Актуальные вопросы средневекового зодчества Северного Кавказа. — Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 167.
- 26 Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа. МАК. Вып. VIII. М., 1900, с. 8, 242, 378. Миллер В. Ф. Указ. соч., с. 40.
- 27 Марковни В. И. Указ. соч., с. 212.
- 28 Щерблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — ИНИИИ. Вып. I. Владикавказ, 1928, с. 271.
- 29 Закарая П. П. Указ. соч., с. 67.
- 30 Закарая П. П. Фортификационные сооружения Шиди-Картли. КСИИМК. Вып. XLVI. М., 1952, с. 128.
- 31 Закарая П. П. К вопросу о возникновении типа башни с пирамидально-ступенчатой кровлей. — Вестник государственного музея Грузии им. акад. С. Н. Джанашиа. XXXIV-V, Тбилиси, 1979, с. 13.
- 32 Там же, с. 13.
- 33 Закарая П. П. Древние крепости..., с. 83, 86.
- 34 Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 77; Марковни В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — АН, № 23, М., 1975, с. 121.
- 35 Джаибери Н. Памятники архитектуры Грузии. Тбилиси, 1965, с. 17.
- 36 Виноградов В. Б. Еще раз об Анапурской башне найнахского типа. — Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 г. Грозный, 1983, с. 62—63.
- 37 Закарая П. П. Указ. соч., с. 86, 87, 97, 130.
- 38 Там же, с. 46, 82, 83, 135, 194, 195.
- 39 Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли. Тбилиси, 1968, с. 67.
- 40 Миллер В. Ф. Указ. соч., с. 40; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 74. Виноградов В. Б. Новое о периодизации и характере грузино-северокавказских историко-культурных связей. Тбилиси, 1983.
- 41 Искусство Грузии. — История искусства народов СССР. Т. II. М., 1973, с. 200; Искусство Грузии. — История искусства народов СССР. Т. III. М., 1974, с. 258—260; Марковни В. И. соч., с. 124—126; Джаибери Н. Ш., Цицишвили И. Н. Архитектура Грузии от истоков до наших дней. М., 1974, с. 85.
- 42 Закарая П. П. Указ. соч., с. 58.
- 43 Там же, с. 82, 186, 187, 214; Закарая П. П. Крепостные сооружения Картли..., с. 130, 132; Сумбадзе Л. З. Незученные памятники грузинского народного зодчества — Марани. — АН, № 21, М., 1973, с. 167; В качестве декора изображение креста на «ступенчатом основании» известно с крепости Ани XII—XIII вв. (Армения). См. Халпахчьян О. Х. Строительные особенности и декоративное убранство крепостей древней Армении. — АН, № 20, М., 1972, с. 123.
- 44 В статье Д. Ю. Чахкиева «О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами — «голгофами». — (Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 53.) приводятся несколько точек зрения на отношение к голгофе, хотя общезвестно, что каждый декоративно-орнаментальный мотив несет в себе определенную символику конкретного образа. См., к примеру: Рыбаков Б. А. Космогония и мифология земледельцев энеолита. — СА. 1965, № 1—2.
- 45 Чахкиев Д. Ю. Указ. соч., с. 55.
- 46 Семенов Л. П. Указ. соч., с. 64; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 75—78.
- 47 Магомедов А. Х. Указ. соч., с. 251; Закарая П. П. Древние крепости Грузии..., с. 27.
- 48 Ошаев Х. Д. Некоторые вопросы использования нахских башен в бою. — КЭС. Т. 2. Тбилиси, 1968, с. 121.
- 49 Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 75.
- 50 Закарая П. П. Указ. соч., с. 218, рис. 78.

- 51 Там же, с. 28.
- 52 Калоев Б. А. Осетия. М., 1971, с. 95.
- 53 Багаев М. Х., Петренко В. А., Умаров С. Ц. Внимательно отнестись к изучению памятников прошлого. — АЭС. Т. II. Грозный, 1968, с. 318.
- 54 Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975, с. 49.
- 55 Закарая П. П. Указ. соч., с. 29; Калоев Б. А. Указ. соч., с. 95.
- 56 Чахкиев Д. Ю. Бойницы позднесредневековых башен Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. Тезисы докладов конференции профессорско-преподавательского состава Чечено-Ингушского государственного университета им. Л. Н. Толстого по итогам научно-исследовательской работы за 1982 год. Грозный, 1983, с. 64—65.
- 57 Хан-Магомедов С. О. Арочные конструкции в народной архитектуре Дагестана. — АН, № 11, М., 1958, с. 54—55; Марковни В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской..., с. 122—123.
- 58 Миллер В. Ф. Указ. соч., с. 40.
- 59 Малакатья С. И. Хевсуретия. Тбилиси, 1940, с. 97.
- 60 Закарая П. П. Указ. соч., с. 10.
- 61 Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 46.
- 62 Джаиднери М. И., Лежава Г. И. Указ. соч., с. 17.
- 63 Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 134—137.
- 64 Шавхелишвили А. И. Архитектурные памятники средневековья и исторические места, связанные с гражданской войной в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1966, с. 8; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 45, 47—48.
- 65 Семенов Л. П. Указ. соч., с. 153.
- 66 Там же, с. 42.
- 67 Багаев М. Х., Петренко В. А., Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 318; Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 132—136; Чахкиев Д. Ю. Указ. соч., с. 152.
- 68 Гольдштейн А. Ф. Указ. соч., с. 152.
- 69 Щерблякин И. П. Указ. соч., с. 37.
- 70 Харалдзе Р. Л., Робакидзе А. И. К вопросу о нахской этнонимике. — КЭС. Т. II. Тбилиси, 1968, с. 12—40; Робакидзе А. И., Гегечкори Г. Г. Формы жилища и структура поселения горной Осетии. — КЭС. Т. 5, 1. Тбилиси, 1975, с. 37.

З. А. МАДЛЕВА

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ И ЖИЛИЩ НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

(к выходу книги В. П. Кобычева
«Поселения и жилища народов Северного Кавказа
в XIX—XX вв.»)

Поселения и жилища относятся к числу существенных и чрезвычайно сложных элементов материальной культуры. Все сколько-нибудь значительные изменения в экономике, социальной организации и идеологических представлениях общества так или иначе накладывают свой отпечаток на облик поселения, внешний вид и форму жилища. Развитие поселения и жилища, таким образом, находится в непосредственной зависимости от уровня социальной, хозяйственной и идеологической жизни народа.

В советской этнографической науке поселения и жилища достаточно хорошо изучены. Однако источники и литература по вопросу о формировании и развитии поселений и жилищ народов Северного Кавказа весьма ограничены. Интерес к изучению материальной культуры различных народов северокавказского региона проявляется в 40-х годах нашего столетия. К исследованию поселений и жилищ обращаются такие известные этнографы, как Е. Н. Студуенская¹, Е. Р. Бинкевич², А. И. Робакидзе³, В. П. Кобычев⁴, Л. А. Чибиров⁵, Г. Х. Мамбетов⁶ и др. В рамках же северокавказского региона народное зодчество впервые было рассмотрено В. П. Кобычевым в коллективной монографии, посвященной культуре и быту народов Северного Кавказа⁷. Им же издана первая сводная работа по этой проблеме⁸. Тщательное исследование поселения и жилища на примере северокавказского региона в историко-сравнительном плане позволяет осветить широкий круг вопросов, связанных с важными проблемами этнографии Кавказа.

В. П. Кобычев дает в своей монографии всестороннюю характеристику поселений и сельского жилища народов Северного Кавказа, прослеживает основные пути их развития, начиная с первых следов появления человека на территории рассматриваемого региона и подробно анализируя большой хронологический период — XIX—XX вв. Значительное место в книге отведено изменениям, происшедшим в поселениях и жилищах в 50—60 гг. нашего столетия, при этом автор выявляет основные факторы, влиявшие на развитие северокавказского поселения и жилища на каждом историческом этапе.

Изучение поселений и жилища автор проводит в широком историко-сравнительном аспекте, показывает процессы взаимовлияния и взаимодействия всех народов Северного Кавказа.

Одним из важнейших достоинств книги является широкое использование картографического метода исследования, который в последнее время находит в советской этнографической науке все большее применение. Данный метод позволяет наглядно отобразить пространственное распространение тех или иных исследуемых объектов и их элементов, проследить динамику изучаемых явлений.

Чтобы выявить изменения в поселениях и жилищах в хронологическом плане, в книге приводятся 30 карт по трем важнейшим историческим периодам. Середина XIX в. — время, когда материальная культура горцев в основном сохраняла свою самобытность; конец XIX—начало XX в. — здесь фиксируются изменения в характере поселений и жилищ, происшедшие в пореформенное время в результате развития на Северном Кавказе капиталистических отношений и усилившегося проникновения в среду горцев русской культуры; и 1950—1960 гг. дают представление о переменах, кото-

рые претерпели поселения и жилища народов региона за годы Советской власти.

В картах, которые прилагаются к каждому параграфу, дается детальная градация исследуемых объектов, выделяются типы усадеб и характер застройки двора, виды оград, планировка жилищ, материал стен и строительная техника, виды отопления и его местоположение, архитектурные украшения, типы жилища и т. д.

Картографический метод позволил автору дать усредненные показатели, выявить общие и специфические черты в поселениях и жилищах народов Северного Кавказа, определить арсалы их распространения в историческом развитии. Картографирование помогло В. П. Кобычеву разработать сводную типологию жилища региона, систематизировать многообразие форм народного зодчества Северного Кавказа.

К достоинствам книги следует отнести и то, что автору удалось показать наиболее прогрессивные строительные и художественные традиции поселения, которые нашли отражение и творческое развитие в современном индустриальном жилищном строительстве Северного Кавказа. Книга является ценным пособием в профессиональной строительной и архитектурной практике при застройке колхозных и совхозных селений.

Несомненным достоинством книги является тщательное использование автором всех имеющихся литературных данных и привлечение широкого круга новых источников, в том числе материалов государственных и республиканских архивов (Ленинграда, Москвы, городов Северного Кавказа), фондов государственных, республиканских и областных музеев. В основе же исследования лежат обширные полевые материалы, собранные автором во время многолетних исследований, проводимых в рамках подготовки регионального кавказского историко-этнографического атласа. Материал собирался в 1960—1978 гг. в республиках и областях Северного Кавказа.

Использованные источники и литература позволили автору создать содержательный, фактологически насыщенный и аргументированный труд. Текстовый материал прекрасно дополнен иллюстративным, который наглядно подтверждает и дополняет многие положения работы. Сами по себе иллюстрации, в значительной своей части выполненные автором, являются ценным источником как для этнографов, так и для искусствоведов, архитекторов, художников.

Книга состоит из введения, пяти глав и заключения. Во введении В. Н. Кобычев дает краткую историю заселения края, анализирует его природно-климатические и историко-этнографические особенности, определяет цели и задачи исследования, обосновыва-

ет выбор объекта исследования, характеризует источники и литературу. Здесь же, на наш взгляд, было бы желательно привести численность народов, проживающих на данной территории, и дать их краткую этническую характеристику.

Первая глава посвящена исследованию истории развития поселения и жилища до начала XIX века, начиная с ранних этапов освоения края, соответствующих периоду мустьерской культуры и времени существования неандертальца. Автор прослеживает этапы развития поселения и жилища, указывая на использование естественных пещер и скальных навесов, появление постоянных поселений, укрепленных городов, каменных жилищ, жилых и боевых башен, усадеб замкового типа. Развитие поселений и жилищ автор правомерно связывает с социально-экономическим строем. Большое значение имеют привлеченные автором археологические материалы; они позволяют проследить древние истоки развития поселений и жилищ.

Глава «Поселения» делится на несколько параграфов. В первом рассматриваются типы, размер и форма поселений. Наиболее распространенными в середине XIX века были моногенные поселения, наряду с которыми существовали полигенные, соседско-общинные многодворные поселения. Значительное место автором отводится изучению типов и размеров поселений чеченцев и ингушей. Он приходит к выводу, что наиболее распространенным типом поселений у горных чеченцев и ингушей были полигенные, соседские поселения, а на равнине поселения имели не только полигенный, но и смешанный этнический состав. К этому выводу автор приходит в результате исследования многочисленных фактических данных, свидетельствующих о глубоко зашедшем процессе классового расслоения на равнине и в предгорной частях Чечни. Тем самым В. П. Кобычев опровергает существующее в литературе мнение о небольших поселениях кровных родственников в среде чеченцев и ингушей (с. 29—36). Приведенный автором материал о поселениях и жилище чеченцев и ингушей и его анализ имеют особое значение, ибо по названным народам нет не только обобщающих работ, но и исследующих частные вопросы.

По форме северокавказские поселения автор подразделяет на два вида: горные и равнинные и указывает, что характер планировки поселения зависел от местоположения.

Отмечая прогрессивное значение добровольного вхождения в состав России, автор показывает, как у горцев стал создаваться новый тип поселений, менее скученных, который возник в результате стабилизации политической обстановки и возможности расселяться на равнине (с. 40—41).

Вместе с тем, автор отмечает, что предложенная им классифи-

кация в известной мере условна ввиду того, что границы выделенных типов были крайне нечеткими. Хорошо прослежено в главе развитие планировки селений в различные исторические периоды.

Усадьбы автор делит на два вида: с горизонтальной и вертикальной застройкой и указывает, что они были связаны с местоположением и хозяйственным назначением. От вида усадьбы зависела форма ограды и ворот.

Показывая большие изменения в характере поселений за годы Советской власти, обусловленные новыми социально-экономическими условиями жизни колхозного села, автор отмечает также сохранение и развитие исторически сложившихся положительных традиций в застройке дворовых участков.

Глава «Жилища» — одна из основных в книге. Автор последовательно рассматривает элементы жилища — фундамент, материал стен и строительная техника, планировка, форма крыши и материал покрытия, пол, потолок, межэтажные перекрытия, виды отопления и его местоположение, интерьер, обстановка, утварь, пристройки (терраса, галерея, веранда, крыльцо), архитектурные украшения, типы жилища.

В главе ярко проиллюстрированы изменения, происшедшие в характере жилища за этот период. Значительные изменения претерпел, например, фундамент: если в середине XIX века специальный фундамент почти не использовался, то в советские годы появляется кирпичный и каменный фундамент, замененный сегодня почти повсеместно на бетонный. Такие же кардинальные изменения претерпели и все другие элементы жилища, о которых говорит автор.

Большой интерес представляет параграф об архитектурном украшении жилища. В нем показаны традиционные и новые приемы художественного оформления жилого дома. Характерной особенностью старого народного жилища является отсутствие архитектурных украшений, если не считать петроглифов, которые автор классифицирует как «бытовые» (с. 149).

Интерес к специальным архитектурным украшениям В. П. Кобычев совершенно справедливо связывает с появлением во второй половине прошлого столетия домов русского типа (с. 149).

Рассмотренный материал дает автору возможность выделить несколько основных типов народного жилища, которые бытовали на той или иной территории региона в каждый из принятых хронологических периодов. Одно-двухкамерное турлучное жилище с двух- или четырехскатной крышей, распространенное в первой половине XIX века в равнинных районах Северного Кавказа, имело две разновидности: западную и восточную. В горах бытовали срубные жилища. Большую часть горной полосы охватывали каменные формы

зодчества. Основной же и более ранней формой, по мнению автора, являлось однокамерное жилище квадратной или прямоугольной формы с плоской земляной крышей и открытым очагом, расположенным посередине жилища (с. 160).

Выделяет автор и ряд других типов: жилые башни, чеченский дом-хлев «желе», жилище открытого типа горизонтальной планировки, тип передвижного жилища у ногайцев; в пореформенный период выделился и так называемый «длинный дом», состоящий из нескольких жилых помещений (с. 161—165).

В отличие от традиционных домов на рубеже веков стали появляться жилища нового типа, сходные с жилищем соседнего русского населения и отражающие становление более прогрессивных семейных отношений. Анализируя современное жилище у разных народов края и в разных географических зонах, автор пришел к выводу, что оно по своей сущности является однородным, в чем он совершенно справедливо видит проявление близости уровня социального, экономического и культурного развития народов Северного Кавказа — одного из важнейших достижений советского социалистического строя.

На наш взгляд, в главе было бы желательно привести более полную характеристику современного жилища, проанализировать конкретные решения планировки в современном доме, шире показать разнообразие вариантов планировки у различных северокавказских народов с тем, чтобы полнее выявить тенденции развития основных направлений современного сельского жилищного строительства.

Хозяйственные постройки, башни, склепы и святилища автор рассматривает в самом обобщенном виде отдельно. Нам кажется, что книга только выиграла бы, если бы автор уделил больше внимания такому чрезвычайно интересному и специфическому для Кавказа явлению, как башенное строительство, тем более, что башни относятся к типам традиционного жилища.

В заключении книги на основе обобщения изученных материалов автор делает важные выводы, указывая на разительные перемены, происшедшие за короткий исторический период от феодализма до развитого социалистического общества.

Выход в свет книги В. П. Кобычева «Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.» — значительный вклад в советскую этнографическую науку, ибо такой обобщающий труд явится важным подспорьем в изучении местных этнических особенностей и органически вольется в работу по созданию историко-этнографического атласа народов Кавказа. Изложенные в книге обширные литературные сведения и полевые материалы имеют большое теоретическое и практическое значение.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище. — СЭ, 1948, № 4.
- ² Бийкевич Е. Р. К истории черкесского жилища. Краткие сообщения института этнографии АН СССР, 1949, № 6.
- ³ Робакидзе А. И. Формы поселения в Балкарии. Материалы по этнографии Грузии. Тбилиси, 1960, вып. II; он же. Поселения как источник изучения общественного быта. — УП МКАЭН. Доклады советской делегации. М.: Наука, 1964; Очерки этнографии горной Ингушетии. — Кавк. этногр. сб. Тбилиси, 1968, вып. 2.
- ⁴ Кобычев В. П. Типология жилища народов Кавказа. — УП МКАЭН.
- ⁵ Чибиров Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали: Ирyston, 1970.
- ⁶ Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии (вторая половина XIX — 60-е гг. XX в.). — Вестник Кабардино-Балкарского НИИ, Нальчик, 1972, вып. 5.
- ⁷ Кобычев В. П. Города, селения, жилище. В кн.: Культура и быт народов Северного Кавказа. М.: Наука, 1968.
- ⁸ Кобычев В. П. Поселения и жилище народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М.: Наука, 1982.

Х. М. МАМАЕВ

ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА¹

История средневековых городов центральной части Северного Кавказа давно привлекает пристальное внимание исследователей. Наибольшей известностью в этом плане пользуется алаунский город Деяков (Тютяков)², известный по сообщениям русских летописей.

Однако проблема его локализации все еще не получила окончательного решения³. Стоило появиться утверждению, что вопрос о местоположении Деякова можно считать решенным⁴, как была обнародована иная версия на этот счет⁵. Поэтому данный вопрос, как и иные аспекты истории «славного яского» города Деякова, нельзя считать снятыми с повестки дня. Ныне большинство специалистов склоняется к отождествлению Деякова с Верхне-Джуглатским городищем⁶. Разделяя эту точку зрения, мы хотели бы обратить внимание на некоторые моменты проблемы, нуждающиеся в уточнении.

Основной источниковой базой исследований являлись сообщения русских летописей, четырежды (под 1278 и 1318 гг.) упоминающих этот город⁷, в дополнение к которым позднее стали привлекаться сообщения восточных авторов и археологические материалы.

При анализе первых специалисты до недавних пор практически отождествляли место убийства Михаила Тверского в Золотой Орде

(1318 год) с самим городом. Однако уже В. А. Кучкин выяснил, что источники не дают для этого оснований⁸. Это мнение убедительно развили В. Б. Виноградов и В. А. Кузнецов⁹. В дополнение к их обстоятельной аргументации подчеркнем, что появление Дедякова в рассказе о гибели Михаила Тверского прежде всего было связано с тем, что это был единственный в центральной части Северного Кавказа город, известный русским источникам как аланский еще с 1278 года¹⁰. С этих позиций увязка с ним любого серьезного события в регионе для русских летописцев выглядит естественно¹¹. Поэтому мнение В. И. Марковина и Х. Д. Ошаева, недавно вновь отождествивших Дедяков с местом гибели Михаила Тверского, нельзя считать убедительным¹².

Не совсем ясны и некоторые иные детали в толковании русских летописей, призванные уточнить локализацию Тютякова.

После того как Б. М. Клосс доказал, что время создания Никоновской летописи относится к 20—30 годам XVI века¹³, вопрос о происхождении вставок «у болвана медяного у златые главы у Тимиревы, у богатыревы могилы» в Никоновской летописи¹⁴ остается неясным. Прямо связать их с «личными путевыми наблюдениями» русских дипломатов 50-х годов XVI века, как это считает Т. С. Магомадова, вряд ли возможно¹⁵. Вместе с тем понятно, что при отождествлении «Тимиревы богатыревы могилы» с мавзолеем Борга-Каш¹⁶ они (вставки) относятся ко времени не ранее 1405 года. Здесь остается два варианта — либо признать, что эти вставки, достаточно точные и конкретные, появились в тексте какого-то списка Никоновской летописи позднее ее составления (и тогда права Т. С. Магомадовой), либо они отражают существование неизвестных нам пока и более ранних, чем первая четверть XVI века, источников, хорошо осведомленных о Северном Кавказе.

Не бесспорна трактовка и ряда других вопросов, связанных с изучением истории Дедякова и его округи. Так, вызывает определенные сомнения достоверность сведений о некоем городе Ирак-и-Даднан турецкого путешественника XVII века Эвлии Челеби, привлекаемых в последние годы для решения вопроса о локализации Дедякова (Л. И. Лавров, Е. И. Крушов и др. исследователи)¹⁷. Известно, что интересные материалы Э. Челеби о Северном Кавказе вообще нуждаются в тщательном критическом анализе¹⁸, так как в них реальные факты и свидетельства очевидца теснейшим образом переплетаются с заимствованной фольклорно-литературной информацией и фантастическими видениями автора¹⁹.

Сопоставляя Ирак-и-Даднан из сочинения Э. Челеби с городом Дедяковым, исследователи исходили из ряда посылок, среди которых основными считались кажущееся совпадение описания Ирак-и-Даднана с географо-топографическими и археологическими реалиями Верхне-Джуглатского городища, а также определенное созву-

чие обоих названий. Однако анализ новейшего академического перевода «Книги путешествия», выполненного под редакцией А. Д. Желтякова²⁰, в отличие от ранних переводов из этого сочинения Э. Челеби, делает указанное отождествление весьма условным, нуждающимся в специальном рассмотрении.

Красочное описание обширного города («...в настоящее время следы его строений видны на расстоянии в два перехода»), перемежаемое лаконичными замечаниями по поводу его состояния («...лежит в развалинах...», «...только совы да филины вьют гнезда, людей же совсем нет...»), опиравшимися вроде бы на черновые записи²¹, порождает определенные сомнения в полной адекватности сведений путешественника Верхнему Джуглату и достоверности сообщаемых данных.

Действительно, трудно признать соответствующими реальности рассказы Э. Челеби о времени возникновения Ирак-и-Даднана, о наличии в городе восьмисот минаретов и сотен тысяч куполов, якобы пересчитанных путешественником и его слугами, о кладбищах в два фарсаха длиной с легендарными эпитафиями, о каменных гробницах сыновей Хулагу и т. д.²² Причина подобной гиперболизации кроется не только в присущем Э. Челеби стиле, где с точностью соседствует явный вымысел²³, но и в том, что автор сочинения, будучи ревностным мусульманином, старался подчеркнуть мнимые достижения и чудеса «истинной веры» на Северном Кавказе²⁴.

Пока сложно судить окончательно, видел ли Э. Челеби развалины Верхнего Джуглата во время своего путешествия по Северному Кавказу в 1666 году, в пользу чего вроде бы свидетельствуют реальные детали описания. Центральнокавказский участок его маршрута нуждается в тщательном изучении (что не входит сейчас в наши задачи), однако предварительный анализ свидетельствует, что путь путешественника в этой части Северного Кавказа пролегал в основном по правобережью Малки²⁵, и не исключено, что Э. Челеби мог вообще не посещать развалины Верхнего Джуглата²⁶.

Во всяком случае, топографические ориентиры Ирак-и-Даднана в рассматриваемом переводе не отвечают в той мере, как это представлялось ранее, локализации Верхнего Джуглата. Так, если, по старому переводу, Э. Челеби осматривал город с высоты, что вполне отвечало расположению Верхнего Джуглата у подножия горной гряды²⁷, то теперь единственная гора Тауса (Кабардинский хребет?) оказалась на расстоянии «двух часов пути (очевидно, верхов. — Х. М.) к югу от разрушенного города»²⁸. Вместе с тем упоминание «большой дороги в Армениян за пределами южной части города Ирак-и-Даднана...»²⁹ свидетельствует о том, что Э. Челеби знал об оживленном торговом пути, проходившем через Эльхотовские ворота (мимо Верхнего Джуглата) и Дарьял в Закав-

казье, активно функционировавшем на протяжении всего средневековья³⁰.

Важным доводом сторонников отождествления Ирак-и-Дадна с Дедаковым служит некоторое фонетическое созвучие обоих топонимов, однако действительная связь этих названий сомнительна. Во-первых, название города у Э. Челеби созвучно со страной Даднан, которая локализуется на берегу Черного моря («к югу от горы Эльбрус»)³¹ и отождествляется комментаторами с Мегрельским княжеством³². Может быть, этим отчасти и объясняется упоминание грузинского этнического элемента в составе населения города и прилегающего района³³, хотя этот факт, как мы покажем ниже, применительно к Дедакову исторически мотивирован. Во всяком случае данное явление необходимо учитывать при попытках сопоставления этих названий. Во-вторых, неясно, откуда автор сочинения XVII в. (если допустить, что Даднан — это искаженное Дедаков) мог вообще получить сведения об аланском названии города³⁴, известном только русским летописям?

Характерно, что восточные источники, к свидетельствам которых прибегал Э. Челеби, не фиксируют на Северном Кавказе города с таким названием³⁵. Сказанное относится и к литературе эпохи походов Тимура, достаточно подробно освещенных средневековыми авторами.

Правда, можно думать, что еще в первой четверти XIV века у части населения этого района (аланского?) сохранилось представление о старом названии города, как это следует из сообщения «Повести о Миханле Тверском», написанной очевидцем событий³⁶, однако в дальнейшем, как считают исследователи, Дедаков получил другое название³⁷.

Можно было бы допустить, что Э. Челеби мог слышать это название от местных жителей («...в одной его части (Ирак-и-Дадна. — Х. М.) проживают жители Таустана...»)³⁸, однако кабардинцы (жители Таустана), судя по доступным нам материалам, не знали подобного названия.

Осетинское же население, в памяти которого, вероятно, могло сохраниться аланское имя города, в этой части равнины появилось в XVIII веке, а в районе Верхнего Джулата даже позже, поскольку кабардинские феодалы, стремясь удержать в своих руках стратегическое Эльхотовское дефиле, долго не допускали здесь появления осетинских сел³⁹.

Таким образом, у нас нет оснований полагать, что это название города могло дожить до XVII века и было зафиксировано Э. Челеби в 1666 году в форме, напоминающей название-имя аланского центра в русских летописях.

Однако бесспорно и другое — Ирак-и-Даднан Э. Челеби должен был иметь реальный прототип.

Вышеизложенные факты — акцентированно мусульманский характер описываемых древностей вкупе с «золотоордынскими» чертами — склоняют к мысли, что под городом Ирак-и-Даднан выведен, так сказать, собирательный «образ» крупного городского центра эпохи Золотой Орды в этой части Северного Кавказа, вокруг которого автор собрал доступные ему исторические сведения, в значительной мере приукрасив их. В этой связи интересно отметить, что декларируемое Э. Челеби наличие «грузинского элемента» в Ирак-и-Даднан (т. е. в центральных районах Северного Кавказа) находит косвенное подтверждение в факте присутствия в добыче русских князей после разгрома Дедакова иконы Богоматери Толгской грузинского письма⁴⁰. Более того, З. Ш. Дидебулидзе, В. Б. Виноградов и С. А. Голованова полагают, что грузинское влияние в Татарстане, например, четко демонстрируют и многочисленные церкви⁴¹. Есть некоторые основания считать, что акцентирование Э. Челеби хулагуидского присутствия в этом районе Центрального Кавказа отражает ситуацию реального противоборства Джучидов и Хулагуидов, в котором особое место занимали грузино-аланские связи, весьма продуктивные в сфере конфессионально-государственных взаимоотношений⁴². Притязания Хулагуидов на Северный Кавказ общезвестны, и не исключено, что источники Э. Челеби в этом смысле отражали выраженную проильханскую ориентацию. Вполне отвечает исторической действительности Центрального Предкавказья конца XIV века и разгром Ирака-и-Даднана Тимуром в ходе борьбы с Тохтамышем⁴³. Иными словами, основным прототипом последнего можно считать Верхнеджулатское городище (Дедаков). Это более чем вероятно и в свете того, что контекст «Книги путешествия» ограничивает место расположения Ирак-и-Даднана сравнительно небольшим районом, примыкающим к левому берегу Терека, где других крупных объектов подобного рода нет⁴⁴. В этом плане сведения турецкого автора, проанализированные критически, могут дать немало любопытных данных об истории Дедакова и его округи. Источниками Э. Челеби, кажется, в основном служили материалы исторических сочинений, которые он, видимо, пытался анализировать и интерпретировать, сопоставляя их со своими путевыми заметками (выступив, таким образом, фактически первым исследователем этих древностей), в этом случае — кратко, построенными на сообщениях очевидцев, фольклорной информации⁴⁵ и в незначительной мере — на собственных наблюдениях. Данное предположение о характере источников турецкого автора подтверждается соображениями о том, что во второй половине XVII в. городище Верхний Джулат носило другое название, не отразившееся в его сочинении.

В исторической литературе утвердилось мнение, что это огромное городище на левом берегу Терека у Эльхотовских ворот назы-

вается Татартупом, Джулатом, Дзиллатом и т. д., а источником этих топонимов считают кавказские народы⁴⁶. Сейчас городище чаще называют Верхним Джулатом.

Происхождение и этимология указанных названий не совсем ясны. Татартуп имеет ряд близких, различающихся нюансами толкований: «татарский стан», «стоянка татар», «татарский холм», «татарское дно», «подошва татар» (в смысле — под татарами), этимологизирующихся на базе тюрко-монгольских языков⁴⁷. Вероятно, в этом плане современные исследователи (Т. А. Гурнев, А. Дз. Цагаева, Дж. Н. Коков) недалеко от истины, т. к. данный топоним необъясним, например, из собственно осетинского и адыгских языков⁴⁸, а в его первой части во всех вариантах четко фиксируется этноним, бывший самоназванием⁴⁹, под которым народы Северного Кавказа знали завоевателей.

Сейчас трудно решить окончательно, когда и как появился этот топоним в приложении к городищу.

Большинство исследователей склоняется к тому, что аланское имя города сменилось новым после закрепления в этом районе региона монголо-татар. Если Верхнедзулатское городище — это Дедаков, то данное явление могло иметь место не ранее последних десятилетий XIII в.⁵⁰ Судя по тому, что топоним «Татартуп» целиком этимологизируют, как уже отмечалось, на базе некавказских языков, это название было дано городу его новыми хозяевами⁵¹. Его тюрко-монгольская природа может быть поставлена в связь с золотоордынским (проногайским?) населением центральных районов Северного Кавказа того времени⁵². Однако, как уже отмечалось, «Повесть о Михаиле Тверском» позволяет предполагать сохранение аланского названия города еще в начале XIV века. Нет ли здесь противоречия? Нет основания думать, что все аланское население города и его округа было истреблено в результате событий 1278 года⁵³. Вероятно, оно и сохранило в своей среде на некоторое время старое название города. Случаи бытования у крупных населенных (городских) центров двух наименований известны в более поздней истории северокавказских горцев⁵⁴. В данном случае вряд ли эта ситуация продолжалась долго — для ее сохранения не было условий.

Появившиеся в этом районе не позднее XV века кабардинцы⁵⁵ уже знали только о Татартупе⁵⁶, на руинах которого они могли еще застать остатки жизни.

Предположение Т. С. Магомадовой о том, что название города в форме «Дедаков», так же, как и его этническое определение «ясский», доживает до XVI века и тогда уже попадает в Симеоновскую летопись, пока не имеет веских аргументов⁵⁷. К тому же здесь речь идет о русской летописной традиции.

Реальность бытования только топонима «Татартуп» в приложении к Верхнедзулатскому городищу в начале XVII века (т. е. за несколько десятилетий до поездки Э. Челеби) и, видимо, ранее фиксирует ряд русских документов, причем важно, что авторы этих свидетельств четко различают Татартуп и Елецкое городище, под которым комментаторы предлагают понимать другой аналогичный объект — Нижний Джулат⁵⁸. На Татартупе в районе Эльхотовских ворот указывают, по мнению Н. Г. Волковой, и данные ставропольских списков русских посольств этого времени⁵⁹. Тогда же в «Тарихи Дербент-Наме» название города фиксируется в форме «Шахри-татар» — город татар⁶⁰. Иными словами, Э. Челеби во второй половине XVII века должен был услышать название городища, мало похожее на Ирак-и-Даднан, или Дедаков.

Однако многие исследователи полагают, что город у Эльхотовских ворот имел еще одно название, отразившееся в восточных источниках — Джулат⁶¹, которое также было неизвестно Э. Челеби.

Сторонники этой версии исходят из того очевидного, казалось бы, факта, что этот памятник до сих пор называется Верхнедзулатским городищем. Однако существование неподалеку весьма близкого по археологической характеристике и названию Нижне-Дзулатского городища ставит перед специалистами трудно разрешимую дилемму — какому из двух объектов отдать предпочтение в сопоставлении с Джулатом персидских источников? Безусловно, наиболее соблазнительным кажется отождествление Татартупа (Дедакова) с Джулатом (при этом топоним «Татартуп» может восприниматься своеобразной «калькой» собственно золотоордынского названия города)⁶², но налицые материалы не дают для этого достаточных оснований, на что справедливо указал и Э. В. Ртвеладзе при анализе нумизматических данных⁶⁴.

Между тем, отмеченные выше русские документы дают основание считать, что в XVII в. городище на левом берегу Терека было известно только под названием «Татартуп».

Анализ еще одной группы материалов XVIII в. с определенностью позволяет утверждать, что и в это время Верхнедзулатское городище называлось Татартупом, а под Джулатом имелось в виду лишь Нижнедзулатское городище⁶⁵, оба понятия никогда не смешивались. Сказанное подтверждается кабардинской картой 1744 года⁶⁶, где на месте Нижнедзулатского городища стоит значок с надписью «Запустелая горд. Елатъ»⁶⁷, Татартуп же не обозначен, однако на его месте локализованы кабардинские поселения, которые (как следует из пояснения) располагались у «Татартуповой горы» и в «Татартупском ущелье»⁶⁸.

На карте Степана Вонявина 1768 года надпись «Место старинного жилища Джулата» помещена на левом берегу Терека, выше

слияния Терека с Малкой, а Татартуп находится на этой карте выше впадения в Терек реки Урюф, т. е. у Эльхотовских ворот⁶⁹.

Аналогичная ситуация отражена на карте второй половины XVIII в., опубликованной Н. Г. Волковой⁷⁰, и подтверждается сведениями Г. Ю. Клапрота, четко различающего оба топонима⁷¹. Приводимые Л. П. Семеновым архивные материалы 1742 г., якобы свидетельствующие о наличии двух Джулатов, один из которых располагался выше Татартупа⁷², интерпретированы неверно. «Юлат» этого источника, локализуемый «в Большой Кабарде в горах» со своей знаменитой церковью, в действительности является балкарским селением Улу-Эльт, где стоял строго охраняемый христианский храм с книгами духовного содержания⁷³.

Таким образом, есть основания полагать, что в XVII—XVIII вв. (и, видимо, ранее) названия Татартуп и Джулат прилагались к разным пунктам. Смещение (соединение) этих понятий применительно к левобережному (Эльхотовскому) городищу произошло позднее. Природу этого явления, кажется, объяснил Г. Кокиев, который указывал, что Джулатом (Дзилатом) назывался только татартупский минарет, а не само городище. «Минареты двух городищ настолько сходны, — писал исследователь, — что народное сознание перестало различать Дзулата от Татартупа. Народ позабыл собственный древний Дзулата (Нижнедзулатское городище. — Х. М.), а его именем стал называть татартупский минарет, как это можно видеть у осетин и кабардинцев»⁷⁴.

Немалую роль в наукообразном оформлении этой путаницы и ее окончательном утверждении сыграли исследователи XIX века. Во всяком случае, уже в компилятивном труде о Северном Кавказе И. Ф. Бларамберга, составленном после 1833 года, описание Джулата перенесено на место Татартупа⁷⁵. У Ш. Б. Ногмова, работа которого была завершена к 1843 году, Татартуп уже назван Джулатом⁷⁶ и т. д. Позднее, видимо, необходимость различения этих пунктов привела к появлению русоязычных форм — Верхний Джулат и Нижний Джулат, которые и известны в наши дни. В свете сказанного догадки некоторых исследователей о том, что Татартуп (Дедаков) и Джулат — это разные населенные пункты⁷⁷, а последний может отождествляться с Нижнедзулатским городищем, представляются в определенной мере обоснованными⁷⁸.

Таким образом, подводя итог сказанному, необходимо отметить, что сочинение турецкого путешественника и историка XVII в. Э. Челеби не содержит прямых доказательств для отождествления упомянутого в нем города Ирак-и-Даднан с аланским городом Дедаковым, не противореча в то же время сопоставлению последнего с Верхнедзулатским городищем (Татартупом). Источник содержит ряд ценных сведений об исторической ситуации в этом районе Северного Кавказа в эпоху господства Золотой Орды. Что касается

соотношения названий Верхний Джулат и Татартуп, то первое представляется сравнительно поздним, появившимся у этого памятника в результате «переноса» наименования со второго объекта, визуально и архитектурно-археологически близкого — Нижнедзулатского городища в Кабардино-Балкарии. Поэтому есть основания полагать, что Джулатом изначально назывался только этот объект, что в известной мере облегчает решение вопроса о локализации местности (города?) Джулат, упомянутого в персидских источниках XV века.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Статья представляет переработанный и дополненный доклад, прочитанный автором 3 октября 1979 года на конференции «Прогрессивная роль России в исторических судьбах народов Северного Кавказа» (г. Грозный).

² В литературе наиболее распространено название города в форме «Дедаков», однако В. А. Кучкин показал, что в древнейшей пространной редакции «Повести о Михаиле Тверском», опирающейся на свидетельства очевидцев, город назван Тютяковым (см.: Кучкин В. А. Где искать яский город Тютяков? Известия СО ННИ, XXV, Орджоникидзе, 1966, с. 167—183). В дальнейшем изложении мы следуем установленной традиции. Вопрос о степени соответствия обоих вариантов действительно наименованию этого аланского центра остается открытым (см.: Кучкин В. А. Указ. соч., с. 171; Джигоев М. К. Алания в XIII—XIV вв. Дисс... канд. ист. наук. М., 1982, с. 199).

³ Историкографию вопроса см.: Пчелина Е. Г. О местонахождении яского города Дедакова по русским летописям и исторической литературе. — Сб.: Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963, с. 152—161; Марковин В. И., Ошаев Х. Д. О местоположении яского города Дедакова. — СА, 1978, 1 с. 83—84. Однако у последних она неполна (см. Мамаев Х. М. О городе Дедакове и Алхан-Калинском городище. АВЭИСК, Грозный, 1979, с. 112—120; последнюю сводку см.: Джигоев М. К. Указ. соч., с. 99 и сл.).

⁴ Кузнецов В. А. Путешествие в древний Иерусалим. М., 1974, с. 52.

⁵ Марковин В. И., Ошаев Х. Д. Указ. соч., с. 83—92.

⁶ Подборку литературы об этой точке зрения смотри в следующих работах: Пчелина Е. Г. Указ. соч., с. 152—161; Крупнов Е. И. Еще раз о местонахождении города Дедакова. Сб.: Славяне и Русь. М., 1968, с. 291—297; Кузнецов В. А. Алания в X—XIII вв. Орджоникидзе, 1971, с. 157—162; Мамаев Х. М. Указ. соч., с. 112—113.

⁷ См.: Кучкин В. А. Указ. соч., с. 174 и сл.

⁸ Кучкин В. А. Указ. соч., с. 174—175.

⁹ Виноградов В. Б. Еще раз о месте убийства Михаила Тверского, речке «Горесть» и «сланном граде яском Дедакове». УЗ ЧИГПИ, 26. Грозный, 1968, с. 62—70; Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 158 и сл.

¹⁰ См., например: Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 292.

¹¹ Тем более, что другой крупный золотоордынский город Маджар начинает упоминаться в источниках после 1318 г. (см.: Волкова Н. Г., Маджары, КЭС. У. М., 1972, с. 44; Ртвеладзе Э. В. О походе Тимура на Северный Кавказ. АЭС, с. IV, Грозный, 1976, с. 126). Э. В. Ртвеладзе, специально исследовавший историю Маджар, вообще относит формирование этого городского центра только к золотоордынскому времени (см. Ртвеладзе Э. В. К истории города Маджар. СА, 1972, 3, с. 154).

¹² См.: Мамаев Х. М. Указ. соч., с. 113 и сл. Не излагая сейчас вновь всю аргументацию, отметим, что Дедаков нельзя отождествлять и с Алхан-Калинским городищем (это мнение поддерживает и М. К. Джигоев: Джигоев М. К.

Указ. соч., с. 101—102). Археологический аспект подобного заключения четко обосновал еще Е. И. Крупнов (Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 294). По этой же причине, как показал В. А. Кузнецов, из списка «претендентов» необходимо исключить и Орджоникидзевское городище (см.: Кузнецов В. А. Археологические памятники на южной окраине г. Орджоникидзе. — Сб.: Вопросы осетинской археологии и этнографии. Вып. 1, т. XXXVI, Орджоникидзе, 1980, с. 75).

¹³ Клоес Б. М. Деятельность митрополитской мастерской в 20—30-х годах XVI в. и происхождение Никоновской летописи. Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 327 и сл.

¹⁴ Ссылки на фольклор народов Северного Кавказа, как источник вставок, не убеждают (см.: Кучкин В. А. Указ. соч., с. 181).

¹⁵ Магомедова Т. С. Первые сведения в русских летописях о территории Чечено-Ингушетии. Известия ЧИНИИЯЛ, т. IX, часть вторая, вып. 1, Грозный, 1972, с. 108—109. См. также: Мамаев Х. М. Указ. соч., с. 115.

¹⁶ Виноградов В. Б. Указ. соч. с. 66—67; Мамаев Х. М. Указ. соч., с. 118—119.

¹⁷ Лавров Л. И. Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории. СЭ, 1956, 1, с. 27; Крупнов Е. И. Новое в изучении истории Северного Кавказа. Тезисы доклада на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований в 1960 г. М., 1961, с. 48; его же. Еще раз..., с. 293; Кузнецов В. А. Алания..., с. 161—162; его же. Путешествие..., с. 52.

¹⁸ Справедливости ради надо отметить, что указанные выше исследователи не располагали полициейным переводом источника. Установить, откуда Л. И. Лавров взял свидетельство Э. Челеби, впервые введенное им в оборот, сейчас сложно, так как ссылки на источник в его статье отсутствуют.

¹⁹ См.: Путуридзе Г. В. «Книга путешествия» Эвлии Челеби. Автореф. докт. дисс. Тбилиси, 1973, с. 15—16; Джигоев М. К. Указ. соч., с. 104.

²⁰ Эвлия Челеби. Книга путешествия. Вып. 2, М., 1979 (составитель и ответственный редактор А. Д. Желтяков, примечания и комментарии А. П. Григорьева и А. Д. Желтякова, предисловие А. П. Григорьева) — далее в тексте: Эвлия Челеби.

²¹ Эвлия Челеби, с. 100—102.

²² Там же, с. 100—102. Даже 800 зданий в старом переводе исследователи считали преувеличением (см.: Кузнецов В. А. Алания..., с. 162).

²³ Там же, с. 20.

²⁴ Там же.

²⁵ Если проложить маршрут в соответствии с последовательностью пересечения рек, указанных в сочинении, то окажется, что Э. Челеби перебрался через многие притоки Малки, но уже после «посещения» Прак-и-Даднапа оказался через семь часов на берегу Чегема (Эвлия Челеби, с. 103). С точки зрения расстояния, особенно если учесть, что путники передвигались верхом, это вполне реально. Однако для этого, если считать, что Чегем рассказчика и соответствует нынешнему Чегему (притоку Баксана), он должен был бы пересечь еще три реки (Урух, Лескен и Черек), если бы действительно двигался от Верхнего Джулата. Однако источник об этом умалчивает. При этом он должен был направиться на запад, а не восток, как писал. Правда, комментаторы уже подметили, что очень часто направление движения, указываемое Э. Челеби, оказывалось прямо противоположным истинному (см.: Эвлия Челеби, с. 21). Иного мнения о маршруте Э. Челеби по Центральному Предкавказью придерживается Г. З. Анчабадзе (Анчабадзе Г. З. «Книга путешествия Эвлии Челеби как источник по истории кавказских горцев. Дисс., канд. ист. наук. Тбилиси, 1975, карта). Благодаря М. К. Джигоеву, указавшего на этот факт.

²⁶ См. также: Виноградов В. Б., Голованова С. А. О роли грузинского элемента в истории христианских храмов Верхнего Джулата (Дедакова). «Матне», 1981, 2, с. 158. В принципе в этом нет ничего удивительного, так как

за Э. Челеби «числятся» вообще полностью вымышленные походы, которые длились якобы годами. (См.: Эвлия Челеби, с. 14—15).

²⁷ Кузнецов В. А. Алания..., с. 162; его же. Путешествие..., с. 50—51. Этот факт служил, кстати, ранее одним из основных доводов в пользу отождествления Прак-и-Даднапа с Верхним Джулатом.

²⁸ Эвлия Челеби, с. 100.

²⁹ Там же, с. 102.

³⁰ Об узле древних торговых путей, сходящихся у Верхнего Джулата, см.: Кузнецов В. А. Аланские племена Северного Кавказа. М., 1961, с. 129; его же. Змейский катакомбный могильник. — Сб.: Археологические раскопки в районе Змейской Северной Осетии. Орджоникидзе, 1961, с. 134—135; Крупнов Е. И. Еще раз..., с. 295; Кучкин В. А. Указ. соч., с. 182—183.

³¹ Эвлия Челеби, с. 95.

³² Там же, с. 218. Одновременно Э. Челеби указывает, что гора Эльбрус на кахтанском языке называется Пуште-и-Даднап, язык этот считает близким арабскому (см.: Эвлия Челеби, с. 93—94).

³³ См., например: Эвлия Челеби, с. 96, 98, 100, 101.

³⁴ Об аланской природе этого названия см.: Пчелина Е. Г. Указ. соч., с. 157. В этом смысле любопытно, что В. А. Кучкин допускал с оговорками, что основное название города звучало как «Дедеяков» (Кучкин В. А. Указ. соч., с. 171), что в принципе ближе всего наименованию города у Э. Челеби.

³⁵ На использование исторических сочинений прямо указано в разделе о Прак-и-Даднапе (см.: Эвлия Челеби, с. 99). Кроме того, упоминание на предыдущих страницах таких этнополитических образований, как Сериаллан, страны Хазарской, страны Лан (Алан? — Х. М.) — явный анахронизм для XVII века, свидетельствующий о знакомстве Э. Челеби с средневековой арабской и персоязычной историко-географической литературой. Оттуда же почерпнуто и описание времени создания города к эпохе Сасанидов и их строительной практике и т. д.

³⁶ Кучкин В. А. Указ. соч., с. 172.

³⁷ Полагают, что город стал называться Джулатом, Татартупом и т. д. (см., например: Крупнов Е. И. Еще раз..., с. 293—294); приведено также мнение М. Г. Сафаргалиева; Магомедова Т. С. Указ. соч., с. 106; Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 58). Подробнее на соотношении этих названий применительно к Верхнему Джулату мы остановимся ниже.

³⁸ Э. Челеби. Указ. соч., с. 100.

³⁹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII—начале XX века. М., 1974, с. 51—56, 137—141; Берозов В. П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980, с. 23—30, 36. Группа более ранних селений у Дигорского ущелья сути дела в данном случае не меняет (см.: Берозов В. П. Указ. соч., с. 361). В этом смысле показательно, что названия осетинских этнических групп вообще еще отсутствуют в «Указателе этнических названий» к сочинению Э. Челеби (Э. Челеби. Указ. соч., с. 264—266).

⁴⁰ Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 52—53.

⁴¹ Дидебулидзе З. Ш. К вопросу об исторической интерпретации Верхнеджулатской церкви. — Сб.: Из истории украинско-грузинских связей. III, Тбилиси, 1975, с. 25—32; Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч., с. 159. Раскопанные церкви Татартупа еще долго будут привлекать внимание, поскольку нынешнее состояние их изученности и интерпретации оставляют много неясностей (о дате, о конфессиональной принадлежности и т. д.). Кроме того, можно думать, что раскопками вскрыты далеко не все храмы Татартупа (Дедакова), поскольку для такого крупного городского центра мы вправе ожидать наличие уже в предомонольское время достаточного представительства памятников христианского культа, между тем как исследованные церкви малы по размерам и относятся к раннеомонольскому времени. Показательно, что сопоставление топографии раскопанных объектов с данными академика И.-А. Гюльденштедта (автор

статья выражает глубокую признательность В. Аталикову — научному сотруднику КБ НИИ за помощь и консультации в ознакомлении с соответствующими разделами работы И.-А. Гюльденштедта; см. также: Крупнов Е. И. Христианский храм XII в. на городище Верхний Джулат. МИА, 114, М., 1963, с. 61—62) позволяет полагать, что один храм (правда, он тоже мал) из осмотренных академиком, не найден до сих пор.

В этом плане уточняется мнение В. А. Кузнецова, указавшего, что в число раскопанных в Верхнем Джулате церквей попали все три храма, хорошо сохранившиеся остатки которых видели члены Осетинской духовной комиссии в 1745 году, т. е. за четверть века до поездки И.-А. Гюльденштедта, отметившего только две христианских постройки (см.: Русско-осетинские отношения в XVIII веке. (Сост. М. М. Блиев, т. 1, Орджоникидзе, 1976 г., док. 27—29, а также комментарий М. М. Блиева на с. 468; Кузнецов В. А. Раскопки аланских городов Северного Кавказа в 1962 г. КСИА, 98, М., 1964, с. 111). Дело в том, что церкви, отмеченные академиком, были сосредоточены в северной части городища, а два храма, исследованные В. А. Кузнецовым (№ 2 и № 3), расположены в южной, на значительном удалении от первой группы.

⁴² См. об этом: Чулая Г. В. Грузинский «Хронограф» XIV в. о народах Кавказа. КЭС, VII, М., 1980, с. 193—208; Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч., с. 155. Этой проблемой специально занимался М. К. Джигоев. (Джигоев М. К. Указ. соч., с. 112—122). Сам Хулагу и его преемники покровительствовали христианам, активно используя их силы в своих внешнеполитических акциях (см.: Петрушевский И. И. Иран и Азербайджан под властью Хулагуидов (1256—1353 гг.). — Сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 230—231).

⁴³ В ходе войн Тимура с Тохтамышем погибли почти все золотоордынские города (см. Егоров В. Л. География городов Золотой Орды. — СА, 1977, 1, с. 125).

⁴⁴ Э. Челеби «посетил» город до переправы через Терек (см.: Эвлия Челеби, с. 102), поэтому Нижний Джулат отпадает (См. также: Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 52).

⁴⁵ Сравни: Виноградов В. Б., Голованова С. А. Указ. соч., с. 158; Джигоев М. К. Указ. соч., с. 104.

⁴⁶ См.: например: Кокнев Г. Некоторые исторические сведения о древних городищах Татартуп и Джулата. Записки Северо-Кавказского краевого горского научно-исследовательского института, II, Ростов-на-Дону, 1929, с. 205; Семенов Л. П. Татартупский минарет. Дзауджикау, 1946, с. 6, 18—22; Ногмов Ш. Б. История адыгейского народа. Нальчик, 1959, с. 73, 136, 159 и т. д.; Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 68.

⁴⁷ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 6; Цагаева А. Дз. Топонимия Северной Осетии. Орджоникидзе, 1971, с. 42, 148; Коков Дж. Н. Адыгская (черкесская) топонимия. Нальчик, 1974, с. 81, 261—262.

⁴⁸ Не касаясь сейчас более происхождения топонима, заметим, что семантика его прочно связана со специфическими реалиями эпохи Золотой Орды. В этой связи обращает на себя внимание еще одно близкое по смыслу название, локализуемое на территории Чечено-Ингушетии — Майртуп. Оно обычно переводится, как стоянка, стан храбрецов (мужественных), этимологизируясь на базе чеченского языка (см.: Сулейманов А. С. Топонимия Чечено-Ингушетии. Часть третья. Грозный, 1980, с. 188). Вторая часть этого составного топонима, судя по консультациям (автор признателен за это И. Б. Мунасу и С.-М. А. Хасиеву), фиксируется в фольклоре вайнахов в виде понятия, ограниченного территории и временем (собиравшаяся на время группа людей? временный лагерь?), с не очень ясной семантикой и происхождением. Вопрос этот нуждается в дополнительном изучении. Любопытно, однако, что округа селения Майртуп уже сейчас предстает заметным средоточием находок и памятников эпохи Золотой Орды (см. например: Виноградов В. Б. Время, горы, люди. Грозный, 1980, с. 79—82;

его же. Судьбы древних монет. Грозный, 1982, с. 65; Ахмадов В. А., Алатеев Х. В., Дударев С. Л. Память древней земли. — Сб.: Вехи единства. Грозный, 1982, с. 69; Мамаев Х. М., Чаккиев Д. Ю. О назначении железных позднесредневековых топоров из Чечни. — Сб.: Хозяйство и хозяйственный быт народов Чечено-Ингушетии. Грозный, 1983, с. 68—78), которые могут быть следствием крупного населенного пункта. В этом смысле созвучие топонимов Татартуп и Майртуп может оказаться закономерным.

⁴⁹ См., например: Мункуев Н. Ц. Заметки о древних монголах. — Сб.: Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1970, с. 374 (сп. 3); Любопытно, что ногайцы, сменившие (и «подменившие» в фольклоре) на исторической арене Северного Кавказа монголо-татар, были также известны народам региона под своим самоназванием (см. Волкова Н. Г. Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа. М., 1973, с. 80).

⁵⁰ Магомедова Т. С. Указ. соч., с. 105; Джигоев М. К. Указ. соч., с. 105 и сл.

⁵¹ Однако надо заметить, что при всей скудности сведений письменных источников и карт о городах Золотой Орды (см.: Егоров В. Л. Указ. соч., с. 114—125) отсутствие этого названия в источниках плохо объяснимо.

⁵² См. например: Батчаев В. М. Предкавказские половцы и вопросы тюркизации средневековой Балкарии. — Сб.: Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии. Вып. 1, Нальчик, 1980, с. 79—95; Виноградов В. Б. Мавзолей Борга-Каш и ранняя история ногайцев. — Сб.: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1980, с. 6—13. Недаром Татартуп и Джулат (раздельно) упоминаются в одной из ногайских песен (Семенов Л. П. Указ. соч., с. 21).

⁵³ На его сохранение памаеют христианские могильники вокруг верхнеджулатских церквей и антропологические материалы (см.: Милорадович О. В. Христианский могильник на городище Верхний Джулат. — Сб.: Средневековые памятники Северной Осетии. М., 1963, с. 87—106; Алексеев В. П., Беслекова К. Х. Крайнологическая характеристика средневекового населения Осетии. Там же, с. 107—121).

Важно отметить, что город в «Повести» не назван яским (Кучкин В. А. Указ. соч., с. 172), что в принципе могло быть связано с тем, что составитель данного известия уже знал о происшедших этно-политических изменениях в его статусе. Но в этом тексте упомянуты «горы высокие Яские». Этот нюанс, подтверждающий достоверность источника, можно поставить в связь с исторически засвидетельствованным отливом значительной части аланского населения в высокогорье региона в результате событий 30—70 гг. в XIII в. на плоскости (см., например: Ртвеладзе Э. В. К вопросу о времени массового переселения кабардинцев в центральные районы Северного Кавказа. Тезисы докладов и сообщений III Крупновских чтений. Грозный, 1973, с. 21; Кузнецов В. А. Алапия..., с. 36—46; Джигоев М. К. Указ. соч., с. 67—111).

⁵⁴ Так, чеченцы вместо иноязычного для них названия Грозного употребляли «Солж-гала», ингуши Владикавказ (Орджоникидзе) называли «Бура-гала».

⁵⁵ О времени появления кабардинцев в бассейне Терека см.: Ртвеладзе Э. В. К вопросу..., с. 21; Батчаев В. М. Указ. соч., с. 85; Ногоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху средневековья (XIV—XVII вв.). Нальчик, 1981, с. 41—44. Если бы была верна догадка Т. С. Магомедовой о том, что под «Ордынским местом» Никоновской летописи, на котором произошла битва между Тимуром и Тохтамышем, нужно понимать Дедаков — Татартуп (Магомедова Т. С. Указ. соч., с. 106), то можно было бы считать, что русские летописцы зафиксировали появление этого названия у города, уловив его смысл. Однако известно, что решающее сражение между двумя армиями произошло далеко от Татартупа, в районе слияния Терека и Суни. (О походах Тимура существует обширная литература, и историографическую справку см.: Криштопа А. Е. Еще раз о маршруте Тимура на Северном Кавказе. АВЭИСК. Гроз-

ный, 1979, с. 135—145; Хизриев Х. А. Нашествие Тимура на Северный Кавказ и сражение на Терек. ВП, 1982, 4, с. 45.)

56 О бытовании у кабардинцев топонимов Татартуп и Джулаты см.: Ногмов III. Б. Указ. соч., с. 73, 159 и др., причем попытки III. Б. Ногмова разобраться в этимологии топонимов свидетельствуют, что их семантика кабардинцам была не слишком понятна.

57 См.: Магомадова Т. С. Указ. соч., с. 107—109. Ведь В. А. Кучкин специально подчеркивал древний состав этого известия (Кучкин В. А. Указ. соч., с. 171). К тому же Т. С. Магомадова допускает здесь противоречие, одновременно утверждая, что бывший Дедаков стал именоваться Татартупом уже в золотоордынское время (Магомадова Т. С. Указ. соч. с. 106).

58 Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. М., 1963, с. 309, 310, 313. См. также: Бонвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией. Тбилиси, 1974, с. 33; Кабардино-русские отношения в XVI—XVIII вв. (Сост. Н. Ф. Демидова, Е. Н. Кушева, А. М. Персов). М., 1957, док. № 103, 107, 124, 125, 141, с. 409—410. Но, видимо, сведения русских источников не могут быть древнее 70-х годов XVI века, так как указания на оба городища отсутствуют в обстоятельной «Росписи реке Терку» в «Книге Большому Чертежу», составленному по «старой разрядной росписи» указанного времени и весьма внимательной к такого рода объектам. (Книга Большому Чертежу, подготовка к печати и редакция К. Н. Сербиной. М.—Л., 1950, с. 5, 90—91). Не означает ли это, что широкое распространение (а может быть, и появление?) топонима Татартуп связано с массовым переселением ногайцев на Северный Кавказ в конце XV—XVI в. (О последнем см., например: Виноградов В. Б. Мавзолей..., с. 11—12.) Впрочем, явное несоответствие знаний о Кавказе составителей «Книги Большому Чертежу» уровню других русских документов того же времени уже отметил Л. И. Лавров (Лавров Л. И. К 250-летию академического кавказоведения в России. КЭС, VI, М., 1976, с. 4).

59 Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник, КЭС, VI, М., 1976 (сужу по карте, составленной автором статьи).

60 См. об этом: Семенов Л. П. Указ. соч., с. 6; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 293 (приведено мнение М. Г. Сафаргалиева). Самая ранняя редакция «Дербент-Намез» отнесена В. Ф. Минорским к XVII в. (Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербента. М., 1963, с. 23). См. также: Советская историческая энциклопедия, т. 5, с. 124—125.

61 См., например: Джигоев М. К. Указ. соч., с. 101.

Подобная позиция имеет место в ряде других работ, на что указывал Э. В. Ртвеладзе (Ртвеладзе Э. В. О походе..., с. 107). К аналогичной точке зрения фактически склоняются В. А. Кузнецов (Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 58) и В. Б. Виноградов (Виноградов В. Б. Мавзолей..., с. 10). Но в сообщении Н. Шильдбергера, на которое ссылается В. А. Кузнецов, сказано о «гористой стране «Джулад», а не о городе. Точка зрения о тождестве «крепости Иулада» с Верхнеджулатским городищем (см.: Хизриев Х. А. Походы Тимура на Северо-Западный и Центральный Кавказ. — Сб.: Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI, Грозный, 1977, с. 135—136) также встретила резонные возражения (см.: Криштопа А. Е. Указ. соч., с. 143; Виноградов В. Б. Судьбы..., с. 67). Доводы М. Г. Сафаргалиева о тождестве Джулата с Тютяковым критически разобрал В. А. Кучкин.

62 Историко-географическую справку см.: Мамаев Х. М. О городе..., с. 113. По археологической характеристике эти городища близки (см. например: Милорадович О. В. Средневековые мечети городища Верхний Джулат. МИА, 114, М., 1963, с. 85; Крупнов Е. И. Еще раз..., с. 294; Кузнецов В. А. Алалия..., с. 160).

Недавно появилась новая гипотеза, сторонники которой полагают, что Джулат письменных источников локализуется заметно восточнее места располо-

жения пынешних Джулатов и является не городом, а обширной областью с одним центром. См., например: Кучкин В. А. Указ. соч., т. 181—182; Чеченов И. М. Некоторые итоги раскопок посада Нижнего Джулата в 1967 г. Вестник КБНИИ, вып. 1, Нальчик, 1968, с. 150—151; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 109—110; Виноградов В. Б., Петренко В. А., Мясковский В. А. К этнической истории Северо-Западного Прикаспия в I тысячелетии до н. э. — XVIII в. н. э. АВЭИСК, Грозный, 1979, с. 56; Даурова Р. А. Старогладовское поселение — новый памятник Золотой Орды на Терек. — Сб.: Археология и краеведение — вузу и школе. Грозный, 1981, с. 41—42; Виноградов В. Б. Судьбы..., с. 66—67. В какой-то мере эта концепция исходит из необходимости «примирить» существование двух Джулатов со свидетельствами письменных источников.

63 Отметим, что существующие варианты этимологии названия «Джулат» на базе тюркских (Цагаева А. Дз. Указ. соч., с. 20) и арабского (Лавров Л. И. Топонимические заметки. КЭС, VII, М., 1980, с. 212) языков малоубедительны. Трудно согласиться с тем, что золотоордынский город, фиксируемый по нумизматическим данным еще с конца XIII века (Чеченов И. М. Указ. соч., с. 146; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 108), мог носить арабское название со столь малоубедительной семантикой.

64 Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 108.

65 Кабардино-русские отношения (сост. и автор примечаний В. М. Букалова). Т. II, М., 1957, док. № 82, 93, 107, 119, 143, 192, 220, 256; Русско-осетинские отношения..., док. № 8, 27—29, 190, 206.

66 См.: Кабардино-русские отношения...

67 Напрашивается связь с Елецким городищем (см.: Кабардино-русские отношения..., т. I, с. 409—410).

68 Кабардино-русские отношения..., т. II, док. № 148.

69 Благодарю за ознакомление с фотокопией карты и консультации профессора М. М. Блиева.

70 Волкова Н. Г. Этнический состав..., карта-вклейка.

71 См.: Клапрот Г.-Ю. Путешествие по Кавказу и Грузии, предпринятое в 1807—1808 гг. — Сб.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (сост. В. К. Гарданов). Нальчик, 1974, с. 267.

72 Семенов Л. П. Указ. соч., с. 6.

73 Его описывает Г.-Ю. Клапрот (со ссылкой на П. С. Палласа). См.: Клапрот Г.-Ю. Указ. соч., с. 255. Упоминает эту церковь и И. А. Гюльденштедт. Видимо, эта же церковь имеется в виду в «Кратком историко-этнографическом описании кабардинского народа, составленном кавказским генерал-губернатором П. С. Потемкиным» в 1784 г. (см.: Кабардино-русские отношения, т. II, док. № 256), когда речь идет об одной целой церкви, «где и до ныне хранятся церковные книги и куда жители никого не пускают».

74 Кокиев Г. Указ. соч., с. 211—212. См. также: Ионе Г., Опрышко О. Памятники рассказывают. Нальчик, 1963, с. 92.

75 Бларамберг Н. Ф. Историческое, топографическое, статистическое, этнографическое и военное описание Кавказа. — Сб.: Адыги, балкарцы..., с. 418—420.

76 Что, впрочем, находится в соответствии с теорией III. Б. Ногмова о происхождении этих памятников (см.: Ногмов III. Б. Указ. соч., с. 73, 159, 162 — естественно, что и комментаторы В. А. Гарданов и Т. Х. Кумыков указывают на существование двух Джулатов. — См. с. 210. Фольклорные сведения III. Б. Ногмова, как и любой источник, нуждаются в критическом подходе. См.: Лавров Л. И. Еще раз об интерпретации III. Б. Ногмовым кабардинского фольклора. КЭС, VII, М., 1980; Анчабадзе Ю. Д. Рец. на КЭС, VII, М., 1980—СЭ, 1982, с. 165—166).

77 Кокиев Г. Указ. соч., с. 211 и сл.; Ионе Г., Опрышко О. Указ. соч., с. 92; Ртвеладзе Э. В. Указ. соч., с. 108.

⁷⁸ Чеченов И. М. Указ. соч., с. 150—151; Ртвеладзе Э. В. О походе..., с. 109. Ближайшее мнение о тождестве Нижнего Джулата с Джулатом эпохи Тимура уже высказывалось учеными XIX века (см., например: Чеченов И. М. Там же приведено мнение Г. Х. Френа, Новый энциклопедический словарь (сост. Ф. А. Брокгауз, Н. А. Ефрон), т. XVI, СПб., с. 102 и т. д.).

Впрочем, эта тема требует специального исследования, поскольку далеко не все ее аспекты ясны. Так, раскопки выявили на Нижнеджулатском городище остатки оборонительной стены (Чеченов И. М. Раскопки городища Нижний Джулат в 1966 году. УЗКБНИИ, т. XXV, Нальчик, 1967, с. 219—223 (в то время как золотоордынские города степи иметь вроде бы не должны); см., например: Федоров-Давыдов Г. А. Общественный строй Золотой Орды. М., 1973, с. 75—76; Егоров В. Л. Указ. соч., с. 121).

Кстати, в документе 1742 года, приведенном Л. П. Семеновым, есть интересная деталь о Тартутупе: «...град.. Тартуп именуем, имеет стены каменные...» (Семенов Л. П. Указ. соч., с. 6), что пока не подтверждено раскопками (см., например: Кузнецов В. А. Алашань..., с. 162).

М. Б. МУЖУХОВ

К ИСТОРИИ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВОГО ЗОДЧЕСТВА ЦЕНТРАЛЬНОГО КАВКАЗА *

(по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии).

Как известно, в период средневековья в высокогорьях Центрального Кавказа идет активное строительство разнообразных памятников архитектуры. Это каменные жилищно-оборонительные постройки и тесно взаимосвязанные с ними погребальные и культовые сооружения. Очень часто средневековое поселение представляет собой комплекс из башен и близлежащих склеповых гробниц («загробное жилище»), а также святилищ. Заслуживают внимания исследователей такие вопросы, как ареал активного распространения названных архитектурных объектов, возможные истоки их происхождения, датировка памятников и некоторые другие.

Возводившиеся в горной зоне башенные постройки были трех типов: жилые, полубоевые и боевые. К числу позднесредневековых погребальных сооружений, сопутствующих многим башенным поселениям, относятся склепы для коллективных захоронений, которые иногда по своей численности образуют целые «города мертвых». Известные святилища распадаются на два основных типа: постройки с полым внутренним пространством и постройки в виде глухого столпа, часто с нишами для приношений.

Говоря об ареале распространения данных памятников, следует отметить, что исследователи уже давно обратили внимание на

близость определенных архитектурных форм в регионе Центрального Кавказа. Изложим основные материалы.

Еще в 20—30-е годы Л. П. Семенов отмечал сходство между вайнахскими и осетинскими башенными сооружениями, столпообразными святилищами и склепами¹. Так, например, по поводу последних он писал, что «...сходство ингушских надземных склепов с осетинскими заметно не только в основных архитектурных формах, но и в различных характерных деталях, к которым можно отнести следующие: желтую окраску склепов, одинаковое устройство лазов и их затворов, просверленные небольшие плиты, вделанные в стену, гурты на конусообразных склепах, отпечатки человеческих рук на стенах, глубокие ниши в полуподземных склепах. Расписной склеп в селении Лейлаг похож на осетинский, виденный нами в 1925 году в селении Згид. Склепы с двумя камерами, выбеленными внутри, встречаются в Ингушетии (Хамхи) и Осетии (Далакау)»². Эти же архитектурные детали сходства называются и известным в прошлом исследователем средневековой осетинской архитектуры Г. К. Кокчевым³. Им же дается сопоставительный анализ осетинским и чечено-ингушским боевым башням, в результате которого он приходит к заключению, что «если сравнить осетинские башни с ингушскими или чеченскими, то при совершенно одинаковых во всем остальном в конструктивных формах, отличительной чертой для последних будет наличие в большинстве случаев пирамидальных из шиферных плит ступенчатых крыш, тогда как осетинские башни всегда строились без крыш» (т. е. были плоскостровельные. — М. М.)⁴.

Также Л. П. Семенов в своей работе «Археологические и этнографические разыскания в Ингушетии в 1925—1932 годах» приводит целый ряд фактов, свидетельствующих, как он справедливо считает, о близости горногрузинской и вайнахской средневековой архитектуры. Так, во время обследования района Военно-Грузинской дороги (верховья Дарьяла) им отмечались аналогичные чечено-ингушским плоскостровельные и пирамидальные боевые башни, склепообразные и столпообразные святилища. Подобные же оборонительные постройки исследователь указывает и на территории Хевсуретии⁵. Л. П. Семенов видит сходство памятников и в деталях: устройство входных и световых проемов, внутренних арок, прямоугольных ниш, также отпечатки рук и др.⁶ Обращает он внимание и на близость культового инвентаря святилищ, общий характер принятых жертвоприношений скотом⁷. Близость столпообразных святилищ на территории горной Ингушетии и в верховьях Дарьяла подчеркивает и постоянный участник экспедиций Л. П. Семенова художник-архитектор И. П. Щерблякин⁸.

Средневековые памятники горного Кавказа изучались Е. И. Крушовым. В свое время на основании проработки наличных

* Под понятием Центральный Кавказ в основном имеются в виду горные районы Чечено-Ингушетии, Осетии и Восточной Грузии (Хевсуретия, Тушетия, Пшаветия).

публикаций по архитектурным сооружениям Хевсуретии, Тушетии и Пшаветии он пришел к выводу, что жилые, оборонительные, культовые и погребальные памятники, распространенные в горных районах Грузии и на Северном Кавказе, в частности в Чечено-Ингушетии, имеют много общих черт. Так, он писал: «Памятники материальной культуры этих народов (горцев Грузии. — М. М.) также обнаруживают черты, общие с ингушскими памятниками. Постройки в Пшавии, Хевсуретии и Тушетии сходны с ингушскими. Таковы жилые и даже боевые башни, многочисленные склеповые сооружения, сложенные из местного камня с перекрытием из тонких плит шиферного сланца. Хевсурские и тушинские башни с пирамидальными крышами по технике кладки и конструкции весьма близки к ингушским боевым башням. С подобными крышами известны древние молельни (святиница) в Пшавии»⁹. Исследователь также в целом со ссылками на других авторов свидетельствует о наличии общих черт в позднесредневековой материальной культуре северокавказских горцев, в частности осетин, чеченцев и ингушей¹⁰.

В. И. Марковин в 60-х годах при изучении вайнахских склеповых построек в верховьях р. Чанты-Аргун отмечал аналогичные по конструкции и погребальному обряду сооружения, распространенные в Хевсуретии, Тушетии и Казбекском районе Грузинской ССР. «Склепы-домики, — пишет он, — ничем не отличающиеся от склепов Цой-Педе, известны под названием «акалдама» в Пирикийской Хевсуретии — в селениях Муцу и Анатори (близ крупного сел. Шатили), т. е. в местностях, прилегающих к Чечне... Надземные склепы известны также в Тушетии. Склепы обнаружены также неподалеку от сел. Казбеги в Грузии»¹¹.

В обширной статье «Жилища и поселения горных ингушей» А. И. Робакидзе указывает на сходство чечено-ингушской жилой башни с каменными жилищами осетин и горцев Грузии¹². Также, по автору, вайнахские боевые сооружения «по ряду основных черт — перекрытие, машикули, многоэтажность, назначение отдельных этажей и т. д. — аналогизируются с оборонительными башнями горцев Восточной Грузии (хевсуры, туши, мтиулы, мохевцы)»¹³.

В 1969—1972 годах нами при исследовании позднесредневековой материальной культуры горной Ингушетии затрагивался вопрос об ареале распространения некоторых типов архитектурных памятников на Центральном Кавказе. Были выделены территории Чечено-Ингушетии и Северной Осетии, на которых возводились боевые плоскокровельные башни с «машикулями», надземные склепы для коллективных захоронений, склепообразные и столпообразные святилища¹⁴. Приводились и свидетельства о строительстве однотипных вайнахским оборонительных пирамидальных башен в высокогорьях Грузии, по северному склону Главного Кавказского хребта¹⁵.

Специальная работа по средневековому зодчеству Чечено-Ингушетии и Северной Осетии была написана А. Ф. Гольдштейном. В ней рассматриваются жилые и боевые башни, святилища и церкви, погребальные памятники и делается вывод о близости в целом архитектурных форм на обеих территориях¹⁶. Правда, автор склонен считать, что такой вид построек, как святилища, является характерным только для высокогорной Ингушетии¹⁷.

О распространении позднесредневековых склеповых гробниц на Северном Кавказе и в горных областях Грузии пишут в своих работах В. Х. Тменов¹⁸ и Р. А. Даутова¹⁹. Причем в последней приводятся интересные статистические данные по некрополям, что при дальнейшей работе над памятниками представляется весьма перспективным.

Жилые и боевые башенные постройки, склепообразные и столпообразные языческие святилища, надземные склепы с коллективными погребениями (близкие все типологически северокавказским) отмечаются в горных районах Грузии и другими исследователями²⁰.

Следует выделить ряд работ, в которых авторы, говоря о сходстве тех или иных архитектурных форм на рассматриваемой территории, предполагают древние этнические связи и общности. Это, прежде всего, книга Н. Г. Волковой «Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века», где приводятся свидетельства об идентичных вайнахским башенных постройках и скленах в горной Грузии и говорится о функционировании общих для чеченцев, ингушей и хевсур святилищ²¹. Специальную статью о расселении вайнахов по данным этногенетических преданий, а также памятникам материальной культуры написал В. П. Кобычев²². Наличие однотипных средневековых культовых построек по обоим склонам Главного Кавказского хребта отмечается в статьях В. Б. Виноградова²³ и Н. Н. Бараниченко²⁴, аналогичные сведения по оборонительным сооружениям даются Д. Ю. Чахкиевым²⁵.

Таким образом, если теперь впервые суммировать мнения исследователей по существу вопроса, то можно видеть, что все они, взаимно дополняя друг друга, констатируют близость между собой тех или иных средневековых архитектурных объектов, расположенных в высокогорьях Чечено-Ингушетии, Осетии и Восточной Грузии. В целом же в очерченный ареал включаются жилищно-оборонительные, погребальные и культовые сооружения, которые действительно именно здесь обнаруживают наибольшие черты сходства архитектурных форм. Дадим теперь краткое описание этим постройкам и разберем некоторые связанные с ними вопросы.

Жилые башни были широко распространены по Северному Кавказу. Особенно близки между собой вайнахские и осетинские памятники. Так, в большинстве своем они имеют прямоугольное

основание и два-три этажа. Кровля плоская земляная с уложенными на ней камнями для обороны, межэтажные перекрытия бревенчатые, прослеживается легкое сужение стен. Как правило, первый этаж предназначался для содержания скота, второй и третий — для жилья и обороны²⁶. Конструктивной особенностью жилищ является наличие центрального каменного опорного столба, несущего межэтажные перекрытия²⁷. Правда, в литературе высказана мысль о том, что данная деталь присуща только для Тагаурии, граничащей с горной Ингушетией²⁸. Однако, даже если в дальнейшем этот район не будет расширен, он сам по себе достаточно велик.

Вид так называемых полубоевых средневековых построек, по мнению большинства исследователей, можно считать переходным от жилых к собственно боевым сооружениям, средним звеном, показывающим непрерывность эволюционного развития башенной архитектуры. В литературе также существует мнение о полубоевых башнях как исходных для возникновения жилых и боевых²⁹. Постройки характеризуются близким к квадрату основанием высотой в 12—16 м, отсутствием центрального опорного столба, имеющегося в жилых зданиях, наличием по верхним этажам боевых бойниц, прикрытых навесными балкончиками-«машкулями»³⁰. Насколько мы можем судить по имеющимся материалам, данный вид сооружений во всех своих конструктивных деталях в основном распространен в горах Осетии и Чечено-Ингушетии.

Боевые башенные постройки по форме покрытия были двух основных типов: пирамидальные и плоскокровельные. Как отмечалось, первые из них возводились в Чечено-Ингушетии, а также в Хевсуретии и Тушетии. При имеющихся различиях в деталях типологически наиболее близки между собой (из северокавказских) вайнахские и осетинские оборонительные башни с плоской кровлей. Так, они в основном характеризуются прямоугольным основанием, сужением стен, внешним входом на уровне второго этажа, межэтажными перекрытиями из дерева и камня, четырехсторонними боевыми бойницами с навесными «машкулями», высотой до пяти-шести этажей, идентичностью их практического назначения и др.³¹ Известные боевые сооружения горной Балкарии и Карачая от вышеописанных существенно отличаются. Можно указать, что они совершенно лишены таких специфических архитектурных конструкций, как стрельчатые бойницы с «машкулями», каменные своды ярусов купольной формы и др.³²

Не решен пока окончательно вопрос датировки боевых башен. Но многие специалисты все же склоняются к тому, что в целом их зарождение может относиться к XIV—XV вв.³³ Вместе с тем, сейчас намечалась тенденция значительного омолаживания периода бытования оборонительных построек (в частности, ингушских с пирамидально-ступенчатой кровлей и крестами-«голгофами»)³⁴, что

требует, однако, всесторонней, развернутой аргументации и главное — научного разбора построений своих предшественников.

Как уже отмечалось, средневековое горное поселение очень часто визуально воспринимается как комплекс жилых и погребальных сооружений. Надземные и нередко одновременные им полуподземные склепы в пределах одного некрополя известны на Северном Кавказе лишь в указанной выше горной зоне³⁵. За пределами данной территории они или вовсе не возводились, или представлены единичными экземплярами, однако опять же только для одиночных камерных захоронений в материк, фактически на могильниках из каменных ящиков и грунтовых погребений. Так, на примыкающей к очерченному ареалу с востока территории горного Дагестана надземные склепы не сооружались, нет их и в восточных районах Чечни³⁶. К западу от Северной Осетии, в высокогорьях Балкарии и Карачая, отмечены только надземные склепы-мавзолеи, предназначенные для одиночных и групповых (до трех) погребений с окружающими их многочисленными каменными ящиками и грунтовыми могилами, которые являются одновременными первым³⁷.

Позднесредневековые чечено-ингушские и осетинские надземные, а также полуподземные гробницы близки типологически. Например, на обеих территориях широко распространены так называемые башнеобразные склепы с четырехскатной ступенчатой кровлей, прямоугольные в плане с двускатно-ступенчатым покрытием, двухкамерные и полуподземные (с открытой по фасаду глубокой поминальной нишей) в два ската и др.³⁸ Вместе с тем, между вайнахскими и осетинскими средневековыми склепами имеются черты различия. Встречаемые на территории Осетии, правда, сравнительно редко, шести и восьмигранные гробницы (более распространены в соседней Балкарии) неизвестны в горных районах Чечено-Ингушетии. В свою очередь, в Осетии нет вайнахских склепов в виде двускатной постройки на высоком цоколе с открытой по фасаду поминальной камерой³⁹. Представляют интерес и такие сопоставления. Отмеченные в Ингушетии склепы, квадратные в плане, с плоской кровлей и зубцами по углам (башнеобразные), не встречены ни в Чечне, ни в Осетии. Также надземные усыпальницы с четырехскатными гладкими кровлями Ингушетии и Осетии не прослежены в горных районах Чечни⁴⁰.

Близки чечено-ингушские и осетинские надземные склепы для коллективных захоронений и по погребальному обряду⁴¹. Как устанавливается, везде покойники в одежде вносились через лаз и укладывались на деревянных и каменных полках, а также прямо на межъярусных перекрытиях из дерева (пол), вытянуто на спине без выдержанной по странам света ориентировки; для захоронений использовались деревянные гробы, колоды и детские люльки. Покойники сопровождались разнообразным инвентарем.

Наряду с характеристикой типологии надземных коллективных гробниц, их архитектурных деталей и погребального обряда, заслуживают внимания датировка и возможные причины возникновения памятников. Так, время начала функционирования чечено-ингушских надземных склепов исследователями принято в целом определять XIV—XVI вв.⁴², осетинских (селение Даргавс Тагаурского ущелья) — XVI в.⁴³ Конечно же, при дальнейшем накоплении материала эти даты будут уточняться, потому что полностью стратиграфически исследованных надземных склепов на территории Чечено-Ингушетии и Осетии пока мало.

Важно, конечно же, выяснение возможных причин, вызвавших к жизни надземные усыпальницы для коллективных погребений. В свое время мы пришли к выводу, что начало их строительства может быть объяснено религиозными представлениями кавказских горцев о свободном от земли загробном жилище для усопших. В эпоху же позднего средневековья с ростом численности населения в горах все острее ощущается нехватка полезных земель, и большие коллективные гробницы со свободной, как и прежде, камерой, содержащие иногда до нескольких сот захоронений, строятся теперь с учетом этой новой, второй, продиктованной самой жизнью причиной⁴⁴.

Следует отметить, что почти к аналогичным выводам пришел несколько позже исследователь Даргавского «города мертвых» В. Х. Тменов: «Суммируя все вышесказанное, мы должны сделать следующий вывод: в возникновении и развитии склеповых сооружений и склепового погребального обряда важную роль сыграла не одна определенная причина, а совокупность различных факторов — и религиозных, и социальных, и экономических»⁴⁵ (малоземелье в позднесредневековый период. — М. М.).

Итак, предназначенные для значительного числа коллективных захоронений надземные склеповые гробницы в пределах северокавказского региона четко локализируются на современной территории Чечено-Ингушетии и Осетии; они имеют много общих черт в самой архитектуре и погребальном обряде. Их массовое распространение здесь в позднесредневековый период, по всей вероятности, объясняется возросшей плотностью населения в горной зоне после татаро-монгольского нашествия и последующих событий на Северном Кавказе (экспансия Тимура, расселение кабардинцев и др.).

Включаемые в ареал каменные святилища обоих видов составляют большую группу средневековых архитектурных памятников Осетии и Чечено-Ингушетии⁴⁶. Святилища-здания складывались из булыжникового и плиточного камня на известковом растворе, стены построек покрывались слоем штукатурки. Прямоугольная в плане камера, как правило, имеет стрельчатое завершение стен напуском камней, она перекрывалась чаще двускатной кровлей с ис-

пользованием также шиферных плиток. Внутри отдельных зданий прослеживаются каменные сидения вдоль стен, стрельчатые арки, каменные жертвенники. Входные и световые проемы нередко с внутренним расширением⁴⁷.

Говоря о месторасположении культовых построек, следует отметить, что они прослеживаются на издревле почитаемых вершинах гор и их склонах, разбиваются еще вблизи и по окраинам средневековых поселений⁴⁸. Также повсеместно святилища-здания непосредственно связаны с пантеоном языческих божеств, распадающихся по степени своего почитания на так называемые общеплеменные, региональные, сельские и фамильные⁴⁹.

Очерчивая вслед за другими исследователями в целом ареал распространения по Кавказу всех вышепересмотренных типов жилищно-оборонительных, погребальных и культовых памятников и включая в него высокогорья Чечено-Ингушетии, Восточной Грузии и Осетии, мы, конечно же, не намерены отрицать общепринятый тезис о локальных особенностях горской архитектуры. Известно, что даже в материальной культуре близкородственных между собой чеченцев и ингушей прослеживаются черты различия, в том числе по средневековым памятникам зодчества⁵⁰. И это, главным образом, объясняется определенной их разобщенностью по причине некоторой изолированности, труднодоступности горных ущелий и обществ в прошлом.

Общий вывод о наблюдаемых особенностях каменного зодчества Центрального Кавказа может оказаться полезным при разработке вопросов средневековой истории.

Не ослабевает внимание исследователей к вопросу о возможных истоках бурно расцветшего каменного строительства в период средневековья. В свое время А. Ф. Гольдштейном была высказана мысль, что в основе северокавказских башенных построек жилого и оборонительного характера, надземных гробниц, святилищ лежат некие деревянные конструкции-жилища, не дошедшие до нашего времени⁵¹. Это мнение находит поддержку со стороны некоторых авторов⁵², высказываются и определенные сомнения⁵³.

Наблюдаемые средневековые каменные жилища гор тесно связаны по архитектуре с погребальными и культовыми памятниками. Нам уже приходилось отмечать, что «все типы и виды каменных сооружений... (бытовые, погребальные, культовые) связаны между собой устойчивыми архитектурными традициями. Строительство и широкое территориальное распространение одних из них неизменно вызывало к жизни новые архитектурные виды построек другого назначения (башни-склепы, склепы-святилища и т. п.)»⁵⁴. Постройки погребального и культового назначения, по всей вероятности, и ведут свое происхождение от жилищ. Ведь склепы —

это «загробное жилище», камерные склепообразные святилища — местопребывание почитаемых божеств. Допуская возможность возникновения средневековых памятников от более ранних жилищ, нам трудно согласиться с А. Ф. Гольдштейном, что последними непременно должны быть какие-то давно исчезнувшие конструкции. В этой связи нам хотелось бы сейчас указать на известные по Кавказу древние каменные жилища, так называемые циклопические постройки.

В 1975—1980 годах автором изучались остатки циклопических сооружений в Ассиновской котловине горной Ингушетии⁵⁵. Отмечалось, что все они сложены из огромных каменных глыб и по этому признаку могут быть объединены в один тип. Оставаясь в его пределах, они отличаются по признакам планировки и технике возведения стен, что, возможно, указывает на их разновременность. Так, встречаются постройки одно- и многокамерные, последние между собой, судя по осмотренным нами, не сообщаются; основанием их служат в плане и квадрат (7×7 м), и прямоугольник, близкий к квадрату (5,5×6 м), и четырехугольник с неравными сторонами (5,5×11,5 м). Стены, достигающие толщины 1,20 м и сохранившиеся на высоту до 3 м, соединяются в углах или техникой «стыковки», или обычной «перевязью». Кладка стен велась как на известковом растворе, так и насухо; каменные глыбы не обработаны или обтесаны и плотно подогнаны⁵⁶.

В 1978—1980 годах произведены раскопки циклопических построек у средневековых башенных поселений Карт и Дошхакле. В толще слоя и на полу жилищ отдельных камер были прослежены угольки, кости животных, фрагменты керамики, отдельные типы которой тогда же датированы второй половиной II тыс. до н. э.⁵⁷ В Ассиновской котловине известны склепы эпохи бронзы⁵⁸.

Следует отметить, что циклопические сооружения на территории Чечено-Ингушетии уже давно находятся в поле зрения специалистов. Наряду с допускаемой возможностью их возведения в древности (I тыс. до н. э.)⁵⁹, высказываются суждения о зарождении данного типа жилищ в период средневековья⁶⁰. Дальнейшие исследования, конечно же, внесут окончательную ясность в этот вопрос. По всей вероятности, постройки, включаемые в тип циклопических, просто разновременны.

Рассматриваемые жилища по признакам планировки, технике кладки имеют общие черты с башенными постройками. Интересно будет указать на отмеченный нами в одном случае типичный для башен рамчатый дверной проем (циклопический памятник селения Карт, камера № 1, южная стена), что позволяло закрывать дверь изнутри, а также обратить внимание на предполагаемое плоское бревенчатое перекрытие стен жилищ, подобно многим башенным зданиям⁶¹.

Все изложенное, кажется, позволяет нам сделать также предварительный вывод о том, что истоки рассматриваемой средневековой архитектуры жилого, погребального и культового назначения могут лежать в древнем каменном строительстве жилищ.

В заключение статьи хочется специально подчеркнуть, что высказанные в ней некоторые соображения о датировке, ареале распространения и возможных истоках памятников средневековья носят предварительный характер. Необходимы дальнейшие исследования поставленных вопросов по средневековому зодчеству Центрального Кавказа.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания в горной Ингушетии в 1925—1932 годах. Грозный, 1963, с. 22, 54 и сл.
- ² Там же, с. 23, 24.
- ³ Кокнев Г. А. Склеповые сооружения горной Осетии. Владикавказ, 1928, с. 21, 22.
- ⁴ Кокнев Г. А. Боевые башни и заградительные стены горной Осетии. — ИЮО НИИГ, вып. 1—2. Сталинград, 1933, с. 217.
- ⁵ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 22, 54—56.
- ⁶ Там же, с. 55.
- ⁷ Там же, с. 56.
- ⁸ Шеблякин И. П. Архитектура древних ингушских святилищ. — ИИ НИИ, вып. 2—3. Владикавказ, 1930, с. 447.
- ⁹ Крупинов Е. П. Средневековая Ингушетия. М., 1971, с. 44, 45.
- ¹⁰ Там же, с. 112, 113.
- ¹¹ Маркович В. Н. Чеченские средневековые памятники в верховьях р. Чанты-Аргунь. — ДЧН, М., 1963, с. 256—258, 268, 269.
- ¹² Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. — КЭС, т. II. Тбилиси, 1968, с. 57, 60.
- ¹³ Там же, с. 75.
- ¹⁴ Мужухоев М. Б. Средневековая материальная культура горной Ингушетии, XIII—XVII вв. Рукопись кандидатской диссертации. М., 1972, с. 70, 217, 218, табл. 5. Хранится в архиве Института археологии АН СССР; он же. Средневековая материальная культура горной Ингушетии. Грозный, 1977, с. 150, табл. 5.
- ¹⁵ Там же, с. 45 и сл.
- ¹⁶ Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество Чечено-Ингушетии и Северной Осетии. М., 1975, с. 8.
- ¹⁷ Гольдштейн А. Ф. Специфика и генезис архитектуры Дагестана, Чечено-Ингушетии и Северной Осетии XII—XIX вв. Автореферат докт. дисс. М., 1977, с. 21.
- ¹⁸ Тменов В. Х. «Город мертвых». Орджаоникидзе, 1979, с. 8, 9 и сл.
- ¹⁹ Даутова Р. А. Новые аспекты изучения позднесредневековых склепов Северного Кавказа. — Вопросы истории исторической науки Северного Кавказа и Дона, вып. 2. Грозный, 1980, с. 175.
- ²⁰ Эрнстов Р. О Тушино-Пшаво-Хевсурском округе, ЗКОРГО, кн. III. Тифлис, 1885, с. 80, 81; Камараули Л. Я. Хевсуретия. Тифлис, 1929, с. 16, 20; Биякевич Е. Р. Верования грузин. — В кн.: Религиозные верования народов СССР, т. II, М.—Л., 1931, с. 118—120, рис. 39, 42; Худатов В. Н. Мегалитические памятники Кавказа. — ВДИ, № 1, 1937, с. 198; Макалатия С. И. Хевсурети. Тбилиси, 1940, с. 177—179; Теодарадзе Г. Пять лет в Пшавии и Хевсурети. Тбилиси, 1941, с. 58, 64 и др.

²¹ Волкова Н. Г. Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М., 1974, с. 152, 174 и сл.

²² Кобычев В. П. Расселение чеченцев и ингушей в свете этногенетических преданий и памятников их материальной культуры. — В кн.: Этническая история и фольклор. М., 1977, с. 165—184.

²³ Виноградов В. Б. Некоторые аспекты современного изучения средневековых культовых памятников Чечено-Ингушетии. — АВА, Грозный, 1977, с. 64; О древних этнических связях и общности (1 тыс. до н. э.) см.: Виноградов В. Б. Центральный и Северо-Восточный Кавказ в скифское время (VII—IV века до н. э.). Грозный, 1972, с. 284—313.

²⁴ Бараниченко Н. Н. Заметки о культовом зодчестве вайнахов. — АВЭНСК, Грозный, 1979, с. 108.

²⁵ Чакхиев Д. Ю. О территории и этническом составе зарождения боевых башен с пирамидалным впечатанием на Кавказе. — АВЭНСК, Грозный, 1979, с. 155.

²⁶ О чечено-ингушских и осетинских жилых башнях см.: Семенов Л. П. Из истории работы музея краеведения Северо-Осетинской АССР по изучению памятников материальной культуры Северной Осетии. Дзауджикау, 1952, с. 15—17; он же. Археологические и этнографические разыскания..., с. 38, 39; Щерблякин И. П. Искусство ингушей в памятниках материальной культуры. — ИИИ, вып. 1. Владикавказ, 1928, с. 277—282; Робакидзе А. И. Указ. соч., с. 41—117; Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии эпохи позднего средневековья. — АЭС, т. III. Грозный, 1969, с. 60—182; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 63—71; Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой ингушской архитектуры. — «Архитектурное наследие», № 23, М., 1975, с. 119; он же. Некоторые особенности осетинской башенной архитектуры. — КЭС, т. VI, М., 1976, с. 222—237; он же. Памятники зодчества в горной Чечне (по материалам исследований 1957—1965 гг.). — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 184—270; Гольдштейн А. Ф. Средневековое зодчество..., с. 10—20; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 19, 20; Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. М., 1982 и др.

²⁷ Семенов Л. П. Из истории работы..., с. 16; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 20.

²⁸ Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории средневекового зодчества Северного Кавказа. — В кн.: Северный Кавказ в древности и в средние века. М., 1980, с. 163.

²⁹ Басилов В. И., Кобычев В. П. «Галгай — страна башен». — СЭ, 1971, 1, с. 124.

³⁰ Марковин В. И. Некоторые особенности осетинской..., с. 225, 226; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 20, 21.

³¹ Кокиев Г. А. Указ. соч., с. 217—234; Семенов Л. П. Указ. соч., с. 17—22; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 71—79; Марковин В. И. Указ. соч., с. 224—228; он же. Некоторые особенности средневековой..., с. 121—126; Гольдштейн А. Ф. Указ. соч., с. 30—40; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 21—48 и др.

³² Чеченов И. М. Древности Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1969, с. 74—100, 118; Тменов В. Х. О книге И. М. Мизиева «Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая». — АЭС, вып. 1. Нальчик, 1974, с. 244 и др.

³³ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 64; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 77, 78; Кузнецов В. А. Указ. соч., с. 166, 167; Виноградов В. Б. Генезис феодализма на Центральном Кавказе. — ВИ, 1, М., 1981, с. 43; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 38—41 и др.

³⁴ Чакхиев Д. Ю. О социальном и конфессиональном статусе владельцев вайнахских боевых башен с крестами-«гольгофами». — В кн.: Этнография и вопросы религиозных воззрений чеченцев и ингушей в дореволюционный период. Грозный, 1981, с. 53; см. также статью В. Н. Калипкина в данном сборнике,

положения которой о классификации и датировке боевых пирамидалных башен нам представляются надуманными и крайне ошибочными.

³⁵ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 19—21 и сл.; он же. Из истории работы..., с. 22—28; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 80—82; Марковин В. И. Чеченские средневековые памятники..., с. 256—258, 268, 269; Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура горной Чечни, XIII—XVII вв. Автореф. канд. диссертации. М., 1970, с. 17—20; Тменов В. Х. «Город мертвых...», с. 17—33 и др.

³⁶ Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 101—103.

³⁷ Мизиев И. М. Средневековые башни и склепы Балкарии и Карачая. Нальчик, 1970, с. 55—76; Биджиев Х. Х. Погребальные памятники Карачая XIV—XVIII вв. — В кн.: Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1979, с. 73—87; Нагоев А. Х. Материальная культура кабардинцев в эпоху позднего средневековья (XIV—XVII вв.). Нальчик, 1981, с. 78.

³⁸ Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 50 и сл.; он же. Из истории работы..., с. 25; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 92, 93; Мизиев И. М. Указ. соч., с. 80; Тменов В. Х. Указ. соч., с. 33; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 53 и др.

³⁹ Семенов Л. П. Указ. соч., с. 25; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 92; Чеченов И. М. Указ. соч., с. 76, 83 и сл.; правда, нам предполагается, что Нузальская постройка в Северной Осетии первоначально имела в поминальную камеру вход на высоком цоколе.

⁴⁰ Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 53.

⁴¹ Семенов Л. П. Археологические разыскания в Северной Осетии. — ИСО ИИИ, с. XII. Дзауджикау, 1948, с. 46, 66; он же. Из истории работы..., с. 23—25; Тменов В. Х. Указ. соч., с. 57, 58; Марковин В. И. Указ. соч., с. 258, 259 и сл.; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 93, 94 и сл.; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 56—58 и др.

⁴² Семенов Л. П. Археологические и этнографические разыскания..., с. 64; Крупнов Е. И. Указ. соч., с. 82; Марковин В. И. Указ. соч., с. 269; Умаров С. Ц. Указ. соч., с. 22; Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 100, 101 и др.

⁴³ Тменов В. Х. Указ. соч., с. 142.

⁴⁴ Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 101—105.

⁴⁵ Тменов В. Х. Указ. соч., с. 74.

⁴⁶ Семенов Л. П. «Нартские памятники» в фольклоре ингушей и осетин. Владикавказ, 1930, с. 13, 14; он же. Из истории работы..., с. 28—35; он же. Археологические и этнографические разыскания..., с. 22, 23; Бинкевич Л. Р. Вера и верования осетин. — В кн.: Религиозные верования народов СССР, т. II, М., 1931, с. 142—144; Калоев Б. А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М., 1967, с. 28; он же. Земледельцы народов Северного Кавказа. М., 1981, с. 179—183; Марковин В. И. Некоторые итоги археологических разведок в Северной Осетии. — В кн.: Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии, т. II, Орджоникидзе, 1969, с. 74, рис. 1; Кузнецов В. А. Путешествие в древний Пристон. М., 1974, с. 78, 79, 92, 93, 112—114, 120; Магомедов А. Х. Общественный строй и быт осетин (XVII—XIX вв.). Орджоникидзе, 1974, с. 328—332; Гольдштейн А. Ф. Указ. соч., с. 63—70, 84—89; Цагаева А. Д. Культовые термины в топонимии Северной Осетии. — В кн.: Опознавательная мажорка. Махачкала, 1976, с. 69; Чибиров Л. А. Народный земледельческий календарь осетин. Цхинвал, 1976, табл. IXAB.—XVAB; Виноградов В. Б. Указ. соч., с. 59—67; Бараниченко Н. Н. Указ. соч., с. 105—112; Тменов В. Х. Новые археологические памятники на территории Северной Осетии. — В кн.: Вопросы осетинской археологии и этнографии, вып. 1, т. XXXVI. Орджоникидзе, 1980, с. 34—37; Тменов В. Х., Уарзанти В. С. К вопросу о происхождении и датировке осетинских дзауров Рыбыбардуаг и Аларды. — В кн.: Вопросы осетинской археологии..., с. 113, 118, 121—123 и др.

⁴⁷ Мужухоев М. Б. Исследование средневековых культовых памятников

Чечено-Ингушетии, Северной Осетии и Кабардино-Балкарии в 1980—1981 гг. — АО за 1980 г. и 1981 г. — М., 1981, 1982. См. также полевые отчеты автора за указанные годы. Хранятся в архиве Института археологии АН СССР. Часть святынь-зданий на территории Северной Осетии исследователи причисляют к первоначально возведенным христианским храмам (Кузнецов В. А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977, с. 151—155 и др.).

⁴⁸ Семенов Л. П. Из истории работы..., с. 36; Кузнецов В. А. Путешествие..., с. 92, 112 и др.

⁴⁹ Бинкевич Е. Р. Указ. соч., с. 144; Магомедов А. Х. Указ. соч., с. 319—321 и др.

⁵⁰ Мужухоев М. Б. Средневековая..., с. 140, 141.

⁵¹ Гольдштейн А. Ф. Указ. соч., с. 80, 84, 114 и сл.

⁵² Кобычев В. П. Указ. соч., с. 187.

⁵³ Кузнецов В. А. Актуальные вопросы истории..., с. 174.

⁵⁴ Мужухоев М. Б. Указ. соч., с. 137.

⁵⁵ Мужухоев М. Б. К вопросу о датировке циклопических построек Чечено-Ингушетии. — VIII Крупновские чтения. Тезисы докладов. Нальчик, 1978, с. 92, 93; Мужухоев М. Б., Бекбузаров Х. Т. Циклопические постройки у селений Карт и Доихакле в горной Ингушетии. — В кн.: Новые памятники эпохи бронзы в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1982, с. 47—62.

⁵⁶ Мужухоев М. Б., Бекбузаров Х. Т. Указ. соч., с. 47, 48.

⁵⁷ Там же, с. 50, 58.

⁵⁸ Марковин В. И. Склепы эпохи бронзы сел. Эгикал. — СА, 1970, 4, с. 84—92.

⁵⁹ Семенов Л. П. «Нартские памятники»..., с. 19; Крупнов Е. И. Археологические памятники верховьев р. Терека и бассейна р. Сунжи. — Труды ГИМ, вып. XVII, М., 1948, с. 34; Далгат У. Б. Героический эпос чеченцев и ингушей. М., 1972, с. 78; Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. — САИ, М., 1977, В2-5, с. 52.

⁶⁰ Умаров С. Ц. Средневековая материальная культура..., с. 6—9; Марковин В. И. Некоторые особенности средневековой..., с. 121; он же. Памятники зодчества..., с. 231, 258; Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. САИ, В2—5, М., 1977. — СА, 1980, I, с. 319; Виноградов В. Б. Вайнахо-аланские взаимоотношения в этнической истории горной Ингушетии. — СЭ, 1979, 2, с. 31, сн. 8.

⁶¹ Мужухоев М. Б., Бекбузаров Х. Т. Указ. соч., с. 49, 55, рис. 1.

И. К. РАДЧЕНКО

ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ГРЕБЕНСКИХ КАЗАКОВ

(по материалам станицы Старогладовской)

Издавна на территории Чечено-Ингушетии живет небольшая по численности этнографическая группа русского народа — гребенские казаки. Л. Н. Толстой писал: «Очень, очень давно предки их, староверы, бежали из России и поселились за Терском, между чеченцами на Гребне, первом хребте лесистых гор Большой Чечни. Живя между чеченцами, казаки перероднились с ними и усвоили себе обычай, образ жизни и нравы горцев, но удержали и там во всей прежней чистоте русский язык и старую веру»¹.

Одиночки, небольшие группы, целые отряды беглецов искали приюта и свободы в горах Кавказа. Горцы Ичкерии дружески принимали русских беглецов. Чеченцы видели в русских людях союзни-

ков в борьбе за независимость, против посягательства врагов. Со временем основные центры обитания гребенцов переместились на Терек².

С 1712 г. мелкие городки были сселены в пять крупных — Червленную, Щедринскую, Новогладовскую, Старогладовскую и Курдюковскую, располагавшихся непосредственно на левом берегу Терека.

Сперва частые разливы Терека особых тревог и забот не вызывали. Дома казаков строились на возвышенных местах на столбах высотой до 2—3-х аршин. В случае разлива Терека гребенцы сообщались между собой на лодках. Но необычайно большие разливы Терека в 1811—1812 гг. привели к тому, что погибли посевы, скот и были человеческие жертвы. По распоряжению начальства станицы были перенесены на новые места, подальше от Терека (Старогладовская в 1813 г., в последующие годы — другие станицы). Этот процесс завершился в 1837 г.

При переселении на новое место гребенские станицы были построены по четкому плану с широкими улицами, пересекавшимися переулками под прямым углом.

Характеризуя гребенцов, исследователи отмечают своеобразие их жилищ, бытового уклада, традиций. Терское низовое казачество отличалось от гребенского еще «большой примесью кавказского этнического элемента»³. Но и гребенцы подверглись вполне определенному кавказскому влиянию. Так, историк В. А. Потто отмечал: «Случалось, что какой-нибудь джигит Гасан похищал в соседнем селе красавицу Фатиму, и оба на одном коне, спасаясь от погони, являлись ночью в один из гребенских городков, а наутро Гасан превращался в казака Ивана, а Фатима становилась Марьей, или, по-гребенски, Машуткой»⁴. Эти новообращенные казаки несли в казачий дом многое из чеченского быта.

Особенно сильное влияние на жизнь гребенских станиц оказало переселение в 1845—1847 гг. царским правительством крестьян с Украины. Правда, станица Червленная отказалась принять переселенцев, и те основали свою станицу — Николаевскую. Однако и Червленная испытывала на себе культурное влияние как украинского населения, так и чеченского (в частности, сравнительно многочисленных выходцев из чеченского тайпа Гуной).

Что же представляли из себя поселения гребенских казаков? К сожалению, мы не имеем описания казачьих городков, располагавшихся в предгорьях Чечни (т. е. в гребнях). Письменные источники рассказывают о гребенских станицах уже после переселения их на левую сторону Терека. Вот одно из свидетельств: «Проезжает русский человек по Кизлярской дороге, проходящей вдоль левого берега Терека, и видит большие русские села, обнесенные земляным валом и плетневым тыном с терновой оторочкой поверху; въезды и выезды загораживаются рогатками, затворяются ворота-

ми, покрашенными по форменному военному рисунку, над воротами стоят на четырех столбах вышки и на них часовые. Это гребенские казачьи городки, или по-нынешнему станицы⁵.

Планировка гребенских казачьих станиц всегда была обусловлена их военной жизнью. Гребенская станица представляла собой не только селение, жители которого занимались виноградарством, виноделием и другими хозяйственными работами. Она прежде всего являлась военным лагерем, где все и всегда были готовы к бою, к отражению неприятельских набегов.

«Первое между обществом принятое необходимое есть охранение внутренней безопасности. Для сего... чтоб каждая станица окопана была довольно глубоким рвом и обнесена кустарником; в каждой же станице имеется два въезда, а для выгона скота отнюдь не более двух ворот»⁶.

Об этом же говорит Л. Н. Толстой в своей повести «Казачья», описывая станицу «Новомлинскую»: «стоит в трех верстах от Терека, отделяясь от него густым лесом... Станица обнесена земляным валом и колючим терновником. Въезжают из станицы и выезжают в нее высокими на столбах воротами с небольшою крытою камышом крышкой, около которых стоит на деревянном лафете пушка, уродливая, сто лет не стрелявшая, когда-то отбитая казаками. Под крышкой ворот на белой дощечке черною краскою написано: «домов 266, мужского пола душ 897, женского пола 1012»⁷.

«Новомлинскую» Л. Н. Толстой назвал «корнем гребенского казачества», а реальным прототипом ее, как известно, была Старогладовская. Ей действительно больше, чем какой-либо из гребенских станиц, всегда была присуща самобытность⁸.

Представляет интерес одно из самых ранних описаний Старогладовской, восходящее к XVIII в., которое имеется в «Географическом словаре» А. Щекатова. Там сказано: «Старогладка — городок гребенских казаков Кавказской губернии в Кизлярском уезде, лежит при реке Терек, расстоянием от Кизляра в 33 верстах, окруженный валом, рвом, палисадником и батареями, на коих поставлены пушки...»⁹.

Следует напомнить, что в XVIII в. вид станиц, расположенных вдоль реки Терек, был иной, чем наблюдал Л. Н. Толстой, т. к. гребенские станицы не имели еще тогда четкой планировки, и застройка их была бессистемной. В одном из архивных документов этого периода говорится: «Вокруг оных изб и сеней ни городьбы, ни дворов не имеется и живут так просто без дворов и весьма строению их приезжему человеку удивляться надлежит, нескоро найдет свою квартиру, понеже весьма нерегулярно строено»¹⁰.

В начале XIX в. на планировку притеречных станиц оказало влияние вмешательство государственных органов.

В период жизни Л. Н. Толстого в Старогладовской станица име-

ла уже широкие улицы, вытянутые в направлении просторной площади, расположенной в центре станицы. По такому же плану строились и другие гребенские станицы. Например, на генеральном плане станицы Червленной 1813—1815 гг. все усадебные участки равны «200 саженым квадратам», т. е. каждый участок равнялся 426 кв. м. В связи с последующей дифференциацией казачьего населения в 50-е годы размеры усадеб стали уже иными, и чем богаче и влиятельнее был казак, тем больше у него был приусадебный участок. Так, в станице Старогладовской участок полковника Сехина (с различными постройками) занимал целый квартал. Кроме того, на площади находились торговые лавки, молитвенный дом с отдельно стоящей колокольней, большой дом самого Сехина. Вдоль валов, по тем сторонам, где находились ворота, тянулись крытые загоны для лошадей, или, как их называли сами казаки, «базы».

Рубленый дом был обязателен для всех гребенских казачьих семей. Именно в рубленом доме сохранились в большей или меньшей степени русские строительные традиции. «Сами станицы коренных гребенцов резко отличаются от других казачьих станиц... избы бревенчатые, срубные, часто дубовые и с острою высокою крышей, а кровли с «коньком», окна «косчатые» и украшенные резьбой»¹¹.

Жилища гребенских казаков представляют как сочетание горского стиля (веранда, навес), так и стиля Центральной России (рубленая изба, двухскатная крыша, резной конек, русская печь). Что касается печи, то несомненно, горцы первоначально заимствовали печь у русских, заменив ею менее удобный очаг в центре жилья. Затем усовершенствовали эту печь, сделав ее более экономной в расходовании топлива. В таком измененном виде ее переняли русские после переселения на левый берег Терека под названием чеченской. Чеченцы переняли также от русских двухскатную крышу, рубленую избу. В свою очередь открытая веранда — терраса по главному фасаду, внутренняя планировка избы, несомненно, заимствованы у горцев. Привычные строительные навыки казаков претерпели ряд существенных изменений в связи с местными условиями. Л. Н. Толстой в повести «Казачья» пишет: «Дома казаков все подняты на столбах от земли на аршин и более, опрятно покрыты камышом, с высокими князьками. Все ежеле не новы, то прямы, чисты, с разнообразными высокими крылечками и не прилеплены друг к другу, а просторно и живописно расположены широкими улицами и переулками»¹².

Так как дубовые бревна были очень дороги, то при постройке избы их распиливали вдоль пополам, оставляя лишь бока на наружную сторону, дабы искусственно придать постройке великорусский вид. Если еще в XVIII в. перед большими праздниками хозяйка скоблила стены избы внутри и снаружи, то после появления на Тереке

украинцев избы стали обмазывать глиной и белить как внутри, так и снаружи. Влияние же горского стиля сказалось в интерьере казачьих изб. «Внутреннее убранство во многом было сходно с кабардинским (точнее сказать, горским, — И. Р.): в одном углу висело на стене оружие, разные доспехи; в другом стояла постель, а на самом видном месте, на полочках блестела нарядно расставленная домашняя посуда. В красном углу висел кнот с образами»¹³.

Другой краевед отмечал: «...в сенях... вся стена против двери была симметрично и даже роскошно убрана подушками, перинами, одеялами, коврами и другими хозяйственными, а также военными принадлежностями, которые были сложены в симметрический порядок»¹⁴.

Планировка деревянных домов имела два варианта: первый, когда кроме сеней была только одна комната, и второй: когда сени располагались между горницей и избой. Казаки побогаче имели дома второго варианта. Почти у всех казаков, за исключением самых бедных, обязательной постройкой на дворе был второй саманный или турлучный дом, отапливаемый русской печью. А. Ржевуский отмечал: «...при каждом доме гребенца имеется сакля азиатского местного типа, делаемая обыкновенно из саманного сырцового кирпича, или плетневая, с русской большою печью, с плоскою крышею, иногда покрытая мызгой»¹⁵.

Кроме того в казачьей усадьбе были хозяйственные постройки: «избушка» или «хатка», построенная из турлука, выполнявшая роль кухни, турлучная или саманная клеть для хранения бочек с «чихирем» — виноградным вином и всевозможными «соленьями» и «мочениями»¹⁶.

Одной из необходимых в казачьем хозяйстве построек являлся открытый сарай — «лапас», имевший глухую заднюю стену и односкатную камышовую крышу, опирающуюся на столбы. Лапас обычно ставили на задней линии двора. Летом под лапасом содержали крупный рогатый скот. Помимо открытого сарая на участке имелся еще один — закрытый, турлучный, в котором хранились сельскохозяйственные орудия — плуги, арбы и др. В комплексе усадебных построек входил также «саж» для содержания свиней и помещения для кур — «курник», сплетенный из ивовых или таловых прутьев. Обязательной принадлежностью казачьего двора была летняя печь.

Амбаров для хранения зерна, загонов для содержания рогатого скота первоначально не было. Скот у казаков круглый год содержался на подножном корму. Даже в 1835 году кизлярские чиновники сетовали на то, что скотоводство у русских было бы в лучшем состоянии, если бы население запасалось на зиму сухим кормом и готовило теплые помещения для скота¹⁷.

Обычай заготавливать корм для скота на зиму казаки переняли в дальнейшем у чеченцев, а затем этот порядок закрепили украинцы. Огородов или виноградников при доме казаки не имели. Воду для питья брали из канавы — арыка, для чего в сенях каждого казака стояла специальная кадка, накрытая чистой мешковиной, через которую воду процеживали. После этого вода отстаивалась и шла в употребление. Подпочвенные воды в первой половине XIX в. были горько-соленые и ржавого цвета. Если и имелись в станице колодцы, то, за редким исключением, вода из них использовалась для скота и других хозяйственных нужд. Бань гребенские казаки не строили.

До 60-х годов XIX в. наиболее распространенным способом соединения бревен при постройке жилья была рубка «в угол». Кроме того, казаки знали другие способы крепления — «в иглу», «в погон», «в лапу», «в простой замок». Трудно сейчас сказать, какие способы первоначально принесены казаками, какие были заимствованы у народов Кавказа и какие появились позднее — в связи с переселением сюда украинцев и иногородних крестьян.

Нужно отметить, что соединение бревен «в погон» давало возможность использовать неровный, некачественный лес. В большинстве случаев такие дома обмазывались глиной и белились.

Крыши жилищ гребенских казаков делались из камыша, как более долговечного по сравнению с соломой и более доступного материала. У хозяйственных построек они смазывались полностью или частично глиной. Видимо, из-за сильных ветров кровле домов придавалась четырехскатная форма, которая была более обтекаемой и устойчивой. Чердак у старых домов не имел слуховых окон; попасть на него можно было через квадратный лаз в потолке сеней. Срубные дома, как правило, строили с террасами, опоясывавшими дом с одной или с двух сторон. Террасы всегда имели общую крышу с домом. Под срубы домов ставили акациевые стояки (пеньки), так как камня на плоскости не было. В таких домах имелись подполья высотой 1,5—2 м. Эти подполья, зачастую открытые, служили для хранения мелкого инвентаря и старых вещей. Исследователи XIX в. отмечали: «В больших срубных домах казаки живут только летом и принимают в них своих гостей... Могу для законопачивания пазов здесь нет, а иловатый грунт заставляет дом приподнять над землей. Поэтому гребенские избы очень холодны зимою. Стоящий рядом с избой саклеобразный домик построен из дешевого и сподручного материала: длинный, низенький, с плоской крышей, и он как бы ушел в землю, — требует мало топлива и не продувается зимними ветрами. В нем помещается зимой вся семья гребенского казака... образов никаких не видно и из мебели в ходу чаще чеченская треногая скамеечка, нежели стул или русская скамья!»¹⁸.

Вообще домашней обстановке гребенцев было свойственно со-

четание разных стилей. Так, О. Маркграф и П. Линтарев свидетельствуют, что «первая комната напоминает скорее чеченскую кунацкую, нежели жилище русского казака; на стенах развешаны книжалы, пашки и разное другое оружие кавказского горца; на полу стоят нестрые сундуки, а на них разложены перины, ковры и коврики азиатского образца и изделия, в то же время в углу множество разнообразных старовеческих икон. Вторая комната имеет внешне великорусский обывательский вид: в ней большая русская печь, выскобленные дубовые лавки и стол, дощатые полы и потолок, словом, вся обстановка комнаты вплоть до большой резной солонки на столе — все из России»¹⁹. Схожее описание интерьера можно найти и у А. Ржевуского: «вместо печной лавки стоит деревянная широкая кровать, убранная по-европейски, вместо лавок стоят по стенам несколько стульев разной формы, кивот с образами — как и в избе. У кого есть горница, тот оружие из сеней переносит в горницу, и оно висит на стене над кроватью». Горница предназначается для «стыдных» гостей, т. е. гостей почетных: офицеров, приезжих из других станиц и вообще гостей малознакомых... комната эта топится только в то время, когда есть гости»²⁰. В таких домах между «избой» и «горницей» располагались «сени», которые обычно имели одно окно. В домах победнее в сенях вместо сундуков ставили лавки, покрытые войлоком. Летом на этих лавках и сундуках отдыхали, спасаясь от зноя, а зимой на них складывали тыквы и домашнюю рухлядь, нужную только летом. Здесь же спали новобрачные — и зимой, и летом, хотя печей в сенях не было.

Конечно, как жилище гребенского казака, так и его внутреннее убранство со временем претерпели известные изменения. Современное жилище в станицах гребенских казаков во многом уже утратило оригинальность. Станицы стали многонациональными. В той же Старогладовской проживают ныне представители 14 национальностей. Это не могло не сказаться на стиле станичных построек и их внутреннем убранстве. Рубленые дома, как правило, уже не строятся. Им на смену пришли дома каркасные — камышитовые или саманные, облицованные кирпичом. Последние чаще строят чеченцы, поселившиеся в станице. За последние 10—15 лет в станице не построено ни одного дома с камышовой кровлей, более того, многие старые дома, имевшие такие крыши, перекрыты шифером. В 1982 году в станице было построено 7 индивидуальных домов общей площадью 498 кв. м, из них 2 кирпичных и 5 каркасных; площадь жилого дома — от 32 до 150 кв. м (с верандой)²¹.

На 1 января 1983 года в станице насчитывалось 436 жилых домов (общей площадью 17.296 кв. м), из них кирпичных 50, рубленых (старых) 95, каркасных и саманных 281. Под железной кровлей — 2 дома, под черепичной — 45, под шиферной — 332, под другими видами — 57. В этих домах в соседстве и дружбе живут и тру-

дятся советские люди разных национальностей. На наших глазах продолжается взаимное обогащение национальных культур. Подлинные ценности одной нации становятся ценностями всех. Это — великое завоевание Советской власти.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Л. Н. Толстой. Казаки. Нальчик, 1978, с. 144.
- 2 Виноградов В. Б., Магомедова Т. С. О времени заселения гребенскими казаками левого берега Терека. — «История СССР», 1975, № 6, с. 160—164.
- 3 Заседателяева Л. Б. Терские казаки. М., 1974, с. 195.
- 4 Потто В. А. Два века терского казачества, т. 1, Владикавказ, 1912, с. 21.
- 5 Попко И. Терские казаки со стародавних времен. Исторический очерк. Вып. 1. Гребенское войско, СПб. 1880.
- 6 Дебу И. Л. О Кавказской линии. СПб, 1829, с. 287.
- 7 Толстой Л. Н. Указ. соч., с. 146.
- 8 Гиляровский Вл. Соч. в 4-х томах, т. 3, М.; Правда, 1967. О том, что Новомлинская — это Старогладовская, говорит «король» московских репортеров Владимир Гиляровский, хороший знакомый Л. Н. Толстого, в рассказе «Старогладовцы»: «Я знал, что это и есть та самая Новомлинская станица, которая описана в повести «Казаки».
- 9 Шекатов А. Словарь географический Российского государства, описывающий азбучным порядком. Т. 5. М., 1807, с. 1178.
- 10 Описание гребенских казаков середины XIX в., публикация М. О. Косвена рукописей Г. Ф. Миллера (ЦГАДА, Портфель Миллера, д. 757 (30, л. 2—3).
- 11 Маркграф О., Линтарев П. Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. Владикавказ, 1881, с. 232.
- 12 Толстой Л. Н. Указ. соч., с. 146.
- 13 Абаза К. К. Казаки: донцы, уралцы, кубанцы, терцы. СПб, 1891.
- 14 Ткачев Г. А. Станица Червленая. Сборник общества любителей казачьей старины, № 7—8, 1912.
- 15 Ржевуский А. Терцы. Владикавказ, 1888, с. 234 (мызга — осока).
- 16 Толстой Л. Н. Указ. соч., с. 118.
- 17 ЦГА ЧИАССР, ф. 120, л. 206.
- 18 Маркграф О., Линтарев П. Указ. соч., с. 234.
- 19 Там же.
- 20 Ржевуский А. Указ. соч., с. 234.
- 21 Статистические данные Старогладовского сельсовета народных депутатов на 1 января 1983 г.

З. И. ХАСБУЛОВА

ЖИЛИЩЕ И СЕМЬЯ У СЕЛЬСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ В XIX—XX вв.

Жилище чеченцев и ингушей представляет собой сложный культурно-бытовой комплекс, становление и развитие которого обусловлено самыми различными факторами: уровнем экономического и культурного развития, географическими условиями и

общественными традициями. Для понимания процессов жилищ большое значение имеет изучение форм семейного быта: жилище, являясь как бы важным органом семьи, приспосабливается к его потребностям и структуре.

В представленной статье мы пытались показать, что изучение поселений и жилищ вайнахов не может проводиться в отрыве от исследования структуры, форм и образа жизни семьи. Изучение жилища с точки зрения развития форм семьи расширяет сферу изучения определенных явлений, которые имеют важное значение при решении некоторых историко-этнографических проблем. Например, исследование связи между развитием жилища и семьи способствует выяснению общих тенденций развития жилого дома. Так, известно, что большесемейные жилища чеченцев и ингушей имеют много черт, которые были характерны в прошлом также и для других народов Северного Кавказа.

Каждая семья выполняет ряд биологических и социально-бытовых функций. Вместе с тем она является и микросредой определенных этнических процессов. Черты этнической специфики наиболее устойчиво сохраняются в структуре семьи и семейном быту. Кроме того, ее исследование дает возможность проследить эволюцию некоторых этносоциальных процессов.

Главным источником для написания работы послужили полевые материалы, собранные автором в этнографических экспедициях. Интересный, но фрагментарный, фактологический материал о жилищах встречается в исследованиях дореволюционных авторов и путешественников: И. Ф. Грабовского, М. Н. Иванова, Н. Дубровина, В. Тепцова и др.¹ В работах К. Ф. Гана, Н. К. Зейдлица, Н. С. Иваненкова² приведено более фундаментальное описание строительных материалов и конструктивных особенностей жилища, их функций, интерьера.

Изучением жилищ и поселений в советское время занимались А. И. Робакидзе, В. П. Кобычев, С. Ц. Умаров³. Интересны их выводы. Так, С. Ц. Умаров пишет о том, что «башни и укрепленные замки в горной Чечено-Ингушетии могли появиться в результате довольно резко выраженного имущественного расслоения общества и зарождения в нем феодальных отношений. Башни охраняли привилегии своих владельцев по отношению к рядовым членам соответствующих территориальных обществ, а также служили средством защиты в случае нападения соседних феодалов и иноземных захватчиков»⁴ В работе В. П. Кобычева⁵ анализируется история образования поселений и жилищ, рассмотрена их эволюция; интерьер, показаны его функциональные назначения и др. Большой интерес представляет работа А. И. Робакидзе, в которой автор на основании полевых, археологических и этнографических материалов, а также письменных источников показал, что в форме поселе-

ний, характерной для Чечни, сословное деление принимает более четкое выражение⁶.

Несмотря на то, что вопросы развития семьи, жилища и поселения затрагивались во многих работах как дореволюционных, так и советских ученых, тем не менее они стали предметом специального комплексного этнографического исследования. «Жилище, как и любой другой предмет материальной культуры, не существует для этнографа вне социального бытования»⁷, — писал С. А. Токарев. «История жилища является выразительной иллюстрацией к истории семьи»⁸, — считал М. О. Косвен.

В XIX — начале XX в. у чеченцев и ингушей, как и у других народов Северного Кавказа, бытовало два основных типа жилищ: каменные дома с плоской крышей в горах, а также «...дома турлучные (плетеные, толсто обмазанные глиной) и покрытые землей...»⁹. Многочисленные письменные источники подтверждают, что на плоскости основным строительным материалом был турлук, а в горах — камень. «Чеченцы, обитающие в долине, живут большими деревнями; у них турлучные дома, стены, плетенные из хворостины, снаружи обмазаны глиной довольно аккуратно... Дома у горных чеченцев в ущельях и по верховьям Аргуна, где нет или очень мало леса, каменные. Эти чеченцы беднее...»¹⁰.

О преобладании турлучных построек говорят и статистические сведения. Так, например, в сел. Урус-Мартан «из 4000 домов турлучных и плетневых 3990, каменных — 10, деревянных нет, смешанных — нет...»¹¹ (1897 г.).

На планировку дома, функциональное назначение помещений оказывали влияние социально-экономические условия жизни населения, структура и форма семьи. В XIX — начале XX в. у большинства народов Северного Кавказа, в том числе и у чеченцев и ингушей, основной формой семьи была малая индивидуальная, хотя еще сохранялись так называемые неразделенные семьи, являвшиеся пережиточной формой патриархальной семейной общины. Семья у вайнахов в целом обозначалась словом «доьзал», а большая семья имела несколько наименований, которые так или иначе подчеркивали, в первую очередь, хозяйственное и кровное единство: «цIа» — дом, «докха цIа» — большой дом и т. д.¹². Многие авторы¹³ писали о существовании у чеченцев и ингушей больших неразделенных семей. Так, Рейнегс отмечал, что каждая семья живет в одном дворе. Нередко ее численность доходила до 40—50 душ мужского пола. Как правило, неразделенная семья состояла из главы, его жены (или жен), женатых сыновей, а иногда и близких родственников. Старшему мужчине — главе семьи, все и во всех делах без возражения подчинялись. Когда такая семья слишком разрасталась, она делилась¹⁴. Так, Н. С. Дубровин отмечал, что чеченцы часто живут вместе целыми фамилия-

ми в одном дворе, при этом для каждого семейства строится отдельная сакля¹⁵. О длительном бытовании больших неразделенных семей в Чечне и Ингушетии говорят и архивные материалы¹⁶ (1886 г.). Полные разделы больших неразделенных семей происходили редко, но в таких случаях младший сын оставался с родителями, наследуя дом, усадьбу и др. Отметим, что отделившаяся новая семья, разрастаясь, вновь превращалась в неразделенную, которая в свою очередь снова делилась, и т. д.

Все эти отделившиеся семьи, в основе своей родственные, образовывали патронимии. Патронимия — это широкий круг родственных семей, объединенных общим происхождением от одного предка и связанных между собой в силу определенных экономических и родственных отношений, а характерными чертами ее являлись территориальное, экономическое, идеологическое и общественное единство входящих в ее состав членов. Полевые и другие данные дают нам основание говорить о том, что у чеченцев и ингушей существовало три типа расселения патронимии: патронимические хутора и аулы в наиболее архаичных формах (в рассматриваемое время таковых почти не было); целые патронимические кварталы, относящиеся к более позднему времени; группы родственных семей в кварталах (этот тип был наиболее распространенным в пореформенное время). Характерно, что свое наименование однофамильные аулы получали или от местности, на которой они располагались, или от фамилии действительного или же предполагаемого первопоселенца. Исследователь А. И. Робакидзе также подтверждает, что села в Чечне и Ингушетии часто называются по имени основоположника патронимии — «Хилхил-оул, Шорш-оул... Эти примеры взяты из Шароя, где указанные пункты были населены соответствующими патронимиями — Хилхил-гар, Шоршо-гар, Шаки-гар»¹⁷.

Патронимические кварталы хорошо фиксируются на примере селения Старый Юрт (Толстой Юрт). Село состояло из 8 кварталов — купов: Кей-юкъ, Лакхаанглой-юкъ, Лахаанглой-юкъ, Чертой-юкъ, Аькхий-юкъ, Лакхазанткъой-юкъ, Лахазанткъой-юкъ, Чинхой-юкъ¹⁸. Показательно, что в составе кварталов уже появились усадьбы из неродственных гаров. Все эти и другие сложные процессы неизбежно должны были отразиться на жилище. Г. П. Васильева справедливо отмечает, что функциональное распределение помещений, их характер, интерьер, форма хозяйственных построек говорят о многих сторонах быта семьи, ее социальной и национальной структуре¹⁹.

В своем историческом развитии жилище чеченцев и ингушей претерпело значительные изменения от примитивной однокамерной постройки до современных многоэтажных благоустроенных домов. В XIX в. большие неразделенные семьи жили в так называемых

«длинных домах», которые состояли из нескольких изолированных жилых помещений, расположенных на одной оси. Во всю длину дома строилась открытая терраса, куда выходили двери и окна каждого отдельного жилища («уоти»). У вайнахов понятие «цла», «докха цла» выражало собой значение дома, как материальной единицы и как семейной единицы, объединенной не только жилищем, но и общим происхождением. В период бытования большой семьи все члены ее жили в доме, носившем название «большой дом» — «докха цла», где отдельные места отводились членам разных семейных ячеек. Как и у других народов Кавказа, «большим домом» у чеченцев и ингушей назывался дом главы семьи — деда, отца, а затем и старшего брата. К основному дому для женатых сыновей пристраивались комнаты «уоти» или же строились отдельные малые дома в общем дворе. Они обычно бывали меньше по размерам (однокамерными) и второстепенными по своим семейным и хозяйственным функциям (как правило, в них только спали, выполняли какие-либо подсобные работы)²⁰. Строить во дворе отдельные двухкомнатные дома для женатых сыновей было не под силу даже многим состоятельным большесемейным коллективам. «...У чеченцев (и ингушей. — З. Х.) женатый сын обыкновенно строит себе отдельную саклю, но владеет землею сообща с отцом»²¹. Наши материалы говорят о том, что многие большие неразделенные семьи находились в очень тяжелых жилищных условиях. Так, например, семья Успаевых из 29 человек размещалась в двух небольших домах: один дом в 5 помещений и другой — в 3 помещения²², семьи в 16 и 17 человек в одном доме²³. Вместе с тем встречались богатые семьи, полностью обеспеченные жилищем²⁴.

«Длинные дома» в зависимости от имущественного состояния владельцев состояли из нескольких комнат: главы семьи, кунацкой — комнаты гостя, комнаты женатых сыновей и т. д. Число однокамерных пристроек («уоти») зависело от числа женатых сыновей. Подобные «длинные дома» с отдельными выходами на веранду сохранились до настоящего времени в некоторых селениях (например, дом Исламова А. в сел. Харачой, дом Тенсуева Т. и Визирханова К. в сел. Толстой Юрт²⁵ и др. Г. А. Вертепов писал в начале XX в.: «Живут горные чеченцы по несколько семей в одном жилище. Каждая семья имеет свое отдельное помещение для одной семьи. У зажиточных семей помещение для одной семьи состоит из двух комнат — жилой и кунацкой, т. е. гостиной»²⁶. Жилое строение обычно обносилось каменным или глиняным забором, причем на улицу выходила глухая стена. — Во дворе возводился и ряд хозяйственных пристроек: навес — «раглу», хлев — «божал», курятник — «котам бун» и др.

Постараемся проследить эволюцию жилища. Так, в плоскостных районах Чечни и Ингушетии дома, как мы уже отмечали, были

турлучными. Вместе с тем в конце XIX — начале XX в. все большее распространение получали строения из саманного кирпича. В горах же продолжали жить в двух- и трехэтажных жилых башнях, называемых «жилыми» — «гала», которые сохранялись от предшествующих времен. Первые этажи использовались для содержания скота, вторые служили для жилья, а третьи, если они имелись, являлись куначными (каждый этаж представлял собой одно большое помещение). В. П. Христианович в 1920—1922 гг. в горной Чечне застал семьи, проживавшие в такой башне в сел. Хой: «Коровы и домашняя утварь числились в собственности отдельных семей; двор же, очаг, рабочий скот и сенокосные участки (обычно пашни в Хое нет) оставались в коллективной собственности. При выселении на плоскость из четырех подобных дворовых общин образовалось при оседании на плоскости 16 односемейных дворов»²⁷. Однако основной формой горного жилища в XIX — начале XX в. был одноэтажный или двухэтажный каменный или турлучный дом с плоской крышей, называвшийся в дореволюционной литературе «саклей»²⁸. Обычно он состоял из нескольких жилых комнат, располагавшихся, как правило, по одной оси. Задний фасад умирался в скалу.

Развитие производительных сил, укрепление экономических и культурных связей с соседними народами способствовали добровольному вхождению Чечни и Ингушетии в состав России. Экономический подъем в свою очередь стимулировал строительство, которое основывалось на старых традициях, и отражал многовековую историю вайнахского жилища. Развитие капиталистических отношений на Северном Кавказе оказало большое влияние на все стороны культуры и быта чеченцев и ингушей. Все заметнее выявлялись различия между отдельными слоями общества, проявлялись они и в типах жилища. Имущие слои вайнахов начали строить дома городского типа; в отличие от традиционного «длинного дома» новые дома строились на высоком фундаменте, из жженого кирпича, крыши стали покрываться черепицей или железом, делали дощатые полы. В конце XIX — начале XX в. коллективные жилища большой семьи у чеченцев и ингушей, состоявшие из отдельных помещений для супружеских пар, встречались крайне редко, так как эта форма семьи практически себя уже изживала.

Обязательной частью любого дома становится большая комната — «докха цла». Ее название связано с традиционным однокамерным жилищем, а в рассматриваемое время оно сохранялось за комнатой, где жили хозяин дома, его супруга и маленькие дети. По своим размерам эта комната была самой большой, занимала правую половину дома, обязательно с очагом. В ней протекала почти вся жизнь семьи. К большой комнате пристраивались комнаты женатых сыновей. Эти помещения часто выполняли роль ку-

нацкой. Примечательно, что комната молодых — «уоти» — самостоятельного очага в прошлом не имела, хотя в конце XIX — начале XX в. в домах зажиточных слоев чечено-ингушского общества появились железные печи. Такая замена названия отдельного жилища одной из комнат дома является показателем эволюции жилища, а также изменений в семейном и общественном быту вайнахов. Таким образом, чечено-ингушские термины «цла», «докха цла», которые обозначали дом, жилище, как было отмечено выше, являлись наиболее древними названиями. Словами «цла», «докха цла» называлась семья, семейная община вместе с хозяйством и всем комплексом жилых и хозяйственных построек. Подобное явление наблюдалось и у других народов Северного Кавказа. Так, у осетин под словом «хадзар» подразумевали не только очаг, дом, но и большую семью²⁹. А. Исламагомедов также отмечает, что у аварцев «и дом и комната в первоначальном виде являлись одним и тем же»³⁰. Л. А. Чибиров пишет: «Понятие осетинский «хадзар», грузинский «сахли», абхазский «ятдззы», кабардинский «ундшхуд» идентичны»³¹.

Наши полевые материалы говорят о том, что во всех чечено-ингушских селениях большая комната — «докха цла» — выполняла одни и те же функции, имела схожее внутреннее убранство, обстановку и обязательно большие размеры (как в горах, так и на плоскости). Характерно, что в таком жилище имелось определенное место для каждой вещи. Видимо, причиной такого традиционного расположения предметов быта, схожести интерьера в чечено-ингушском жилище, как и других народов, являлось определенное сходство социально-экономического, политического развития, быта и обрядов, религии народа. Думается, что можно согласиться с Е. Н. Студенецкой, писавшей о кабардинском жилище, в котором однотипность диктовалась «обязательными, абсолютно для всех обычаями старины, предписаниями религии, приметами, суевериями и социальным строем, в частности, положением женщины»³². Это высказывание вполне применимо и к жилищу вайнахов.

Несколько подробнее остановимся на культе огня и очага в доме. Очаг являл собою центр дома, объединяя и связывая в единое целое членов семьи (вспомним древнее чечено-ингушское название большой семьи — «люди одного очага»). Очаг в прошлом обычно располагался в центре дома. В XIX в. он уже не имел определенного места: его ставили справа и слева от входа, у передней стены, в углу, противлежащем входу³³ и т. д. После ужина у очага собиралась вся семья, и здесь обсуждались все хозяйственные и жизненно важные вопросы. Огонь в очаге, поддерживаемый женщиной-хозяйкой, передавался от отца к детям, причем известны случаи, когда он хранился в семье в течение нескольких поколений и ему не давали погаснуть³⁴.

В Чечне и Ингушетии культ огня и очага был широко распространен. «Ца» — дом имеет прямое отношение к огню. Небезосновательна гипотеза, которая появление вообще жилища связывает с необходимостью прикрыть, предохранить огонь. Многочисленные полевые материалы говорят о том, что очаг — «кхерч» — в быту чечено-ингушского народа играл культовую роль. Так, по обычаю, невеста вместе со свитой делала три круга вокруг очага. Вплоть до настоящего времени у вайнахов сохраняется не только клятва огнем, но и давнее проклятие «кIур байла хьан» — «чтобы дым исчез у тебя». Нам представляется, что нельзя согласиться с Б. А. Калоевым, когда он пишет: «...почитание очага и тем более очажной цепи мы не находим ни у одного из других народов Кавказа (автор имеет в виду, кроме осетин. — З. Х.)... исключение составляют горские племена Грузин, в частности сваны, у которых бытует такое же почитание очага...»³⁵. Известный исследователь социально-бытовых отношений горских народов Северного Кавказа Н. Н. Харузин еще в XIX веке писал, что у чеченцев «очаг и цепь считаются священными, неуважительное отношение к ним навлекает кровную месть. Очаг вместе с тем составляет и убежище для преследуемых кровниками; убийце стоит вбежать в любую саклю, схватиться за священную цепь, и он считается родственником хозяина, не может быть выдан врагу»³⁶. О почитании огня и очага писал А. А. Исламов: «Домашний очаг со всеми атрибутами (огнем, углем, золой, сажей, очажной цепью) у чеченцев и ингушей с незапамятных времен считался предметом особого почитания. Он являлся в доме местом священным и неприкосновенным»³⁷. А. Н. Шавхелишвили утверждал: «Култ огня и очага в Чечне и Ингушетии был широко распространен. Надочажной цепью клялись. Она входила и в формулу проклятия: «цIе хала хьан» — чтоб твой огонь потух»³⁸. Безусловно, есть много материалов, показывающих культовую роль и значение очага и очажной цепи, которую они играли в прошлом в семейной и хозяйственной жизни чеченцев и ингушей³⁹.

Вместе с развитием родовых отношений еще в эпоху матриархата росла и роль женщины, как родоначальницы, причем ее культ, соединившийся с древним поклонением огню, закрепил за ней роль хранительницы огня, хозяйки очага и всего дома. Эту давнюю традицию у чеченцев отмечает М. А. Мамакаев, который писал: «...обращаясь к хозяйке дома, чеченцы до сих пор говорят, например, цIенда (хозяйин огня)»⁴⁰. Позднее, возможно с утверждением патриархальных начал в родовом устройстве, вырабатывались другие общественные нормы и соответствующие термины: «цIа» — дом, «цIийна нана» — мать дома, «цIийна да» — отец дома, или же «хIусам нана» — мать жилища, «хIусам да» — отец жилища. Все это говорит о том, что некогда у вайнахов первое место, как хозяйке домашнего очага, принадлежало женщине. Примечательно и то,

что с утверждением патриархальных начал «резиденция» главы семьи, его почетное и священное место переместилось к огню и очагу, хотя он не мог полностью оттеснить от них женщину, предоставив ей сугубо утилитарные функции — готовить пищу и содержать очаг в чистоте и порядке. Тем не менее, место главы семьи у очага как бы освящало его власть, давало ему право на ведущее положение в семье.

Все это позволяет видеть в старшей женщине чечено-ингушской семьи прошлого не просто хозяйку дома, но своего рода семейную жрицу, игравшую важную роль и в обрядовой жизни. Так, она (с согласия хозяина дома) давала имя новорожденному, и никто не смел опротестовать его и предложить ребенку другое имя (в некоторых случаях до сих пор имя ребенку, например, родившемуся в городе, дает бабушка, проживающая где-нибудь в отдаленном селении, и с этим ее дети должны согласиться). Она же сопровождала женщину своего дома в гости, на свадьбу, похороны и т. д.

В Чечне и Ингушетии со второй половины XIX в. вследствие проникновения и становления капиталистических отношений произошли существенные изменения в жилищах. Широкое распространение получили дома «русского типа», отличающиеся от традиционного удлиненного «чеченского» типа как по форме, так и по планировке. Это были дома с тремя — пятью и более помещениями квадратной формы, с четырехскатной крышей, с закрытым крыльцом или застекленной верандой, с одним или двумя и более входами. Как правило, они принадлежали имущим слоям вайнахского общества: купцам, землевладельцам и др. Дома богачей резко отличались от домов бедняков как строительным материалом, так и планировкой, оформлением. Особенно красиво оформляли кунацкую. Это явление находит аналогии по всему Северному Кавказу. «В середине XIX века под влиянием русской домостроительной культуры в Кабарде начали появляться дома русского типа... проникновение капиталистических отношений в сельское хозяйство, рост подвижности населения дали толчок изменению жилищ, появлению и распространению в селениях Кабарды и Балкарин нового, русского типа жилищ»⁴¹, — писал Г. Х. Мамбетов. «Собранные данные по этнографии, главным образом по выяснению типа жилых построек и их планов, дают поучительную картину прогрессивного развития как самого стиля построек, так и собственно их плана»⁴², — отмечал один из путешественников второй половины XIX века.

В жилищах вайнахов одна из комнат отводилась всегда под гостиную — комнату гостя. Если жилище было однокамерным, то отводилась почетная (лучшая) часть — «барч». «Он (чеченец или ингуш. — З. Х.) всегда чтит права гостеприимства, если странник, даже незнакомец проездом остановится у чеченца на ночлег, хозяин в честь гостя режет барана (если есть ...), обязан проводить го-

стя до безопасного места... Вообще обычаи чеченцев мало разнятся от обычаев других горских племен»⁴³. О том, что в любом доме одно из помещений отводилось под кунацкую, говорят и архивные материалы того времени: «В каждом доме (чеченца или ингуша. — З. Х.) есть особое отделение для гостей, которое называется кунацкой. Оно состоит из одной или нескольких комнат, смотря по состоянию хозяина»⁴⁴. Жилое строение состоит из двух корпусов: один более длинный, имеющий две комнаты, другой прилеплен к первому — это кунацкая⁴⁵. Аналогичные кунацкие для гостей были у многих народов: осетин⁴⁶, лезгин⁴⁷, таджиков и казахов⁴⁸ и др.

Жилища чеченцев и ингушей по описаниям многих дореволюционных авторов⁴⁹ характеризовались чистотой и порядком. Например, Н. Н. Харузин так описывает жилище чеченца: «...на полках расставлены в изобилии медная посуда, чашки. ...Везде утрамбованные полы чисто выметены, стены выбелены...»⁵⁰. В любом жилище каждый предмет имел свое определенное место. Кстати, об этом говорит сохранившаяся до настоящего времени среди старшего поколения такая реплика: «Моссо а хIума ше-ше метта йилла, хIотто еза» — все нужно класть на свои места. Так, например, ковер или кошму — «кьорза истанг» всегда вешали над кроватью — «баьрче тохара» — на почетном месте⁵¹. Для посуды также было определенное место. Часть подвешивали, а другую ставили в ниши — «терхе», которые закрывались занавеской. В кунацкой кроме кровати — «маьнга» — стоял обычно красный или зеленый сундук — «тIорказ», несколько низеньких скамеек — «гIант» и круглый низенький столик на трех точеных ножках. Впрочем, в интерьере жилищ XIX—начала XX в. довольно ярко прослеживались имущественные различия. Так, у зажиточных слоев чечено-ингушского общества в домах часто встречались городская мебель, ковры, дорогая посуда и т. д., тогда как у основной массы населения не хватало даже коши, чтобы застелить нары — «дечиг маьнга». Они были вынуждены пользоваться цыповками «черт» (полотна из камыша). Об этом свидетельствуют многие наши информаторы⁵². Однако убранству кунацкой в любом случае уделяли особое внимание. «Если семья была состоятельная, то здесь на стены вывешивали ковры, «кьорза истангаш», имелись полки с дорогой посудой, которая не употреблялась в хозяйстве. ...На убранство и чистоту кунацкой (у вайнахов. — З. Х.) каждый хозяин обращает внимание. В кунацкой можно встретить 2—3 скамейки, лучшие из всех, какие только есть в доме, широкий сундук, покрытый ковром, и пол комнаты, устланный белыми войлоками...»⁵³, отмечал Н. Семенов. Кстати, эта традиция сохранялась до настоящего времени.

У вайнахов основная комната, в которой проходила почти вся жизнь семьи, как и у многих народов Северного Кавказа, делилась на две половины: почетную — «барч» и непочетную, где в основ-

ном велось все хозяйство. Эта половина, как правило, находилась около входа и очага. Как справедливо отмечает В. П. Кобычев, жилище делилось не по полу на женскую и мужскую половины, а по хозяйственным функциям, выполняемым членами семьи⁵⁴. Известно, что у чеченцев и ингушей труд был строго распределен по полу и возрасту⁵⁵. Так, у каждого члена семьи были свои определенные обязанности.

Любопытны обычаи, соблюдавшиеся при строительстве нового жилья. В прошлом при возведении дома и хозяйственных пристроек не делали специального фундамента. Возможно, именно поэтому так строго подходили к выбору участка для будущего строительства. Учитывался рельеф места, близость водных источников, удобства пахотных и пастбищных угодий, наличие леса и т. д. Непременно искали «счастливое» место, поэтому при его выборе большое внимание уделяли и магическим средствам. Так, «счастливым» считали место, на котором собирался скот для отдыха — «бежнаш гулделчохь». Иногда для определения «счастливого» места поступали следующим образом. На выбранном для строительства месте ставили чашку с молоком, если оно не уменьшалось, то считали возможным начать строительство. Наш информатор из сел. Ца-Ведено Мазаева Д. сообщила следующее: у ее свекрови умирали дети, тогда она обратилась якобы к «знающему» человеку — «хIума хууш волю стаг», и он посоветовал построить жилище в противоположной стороне двора. После строительства нового дома у них благополучно родились и выросли здоровые дети. Среди вайнахского населения бытовали и многие другие поверья и обычаи⁵⁶. Аналогичные другие обряды и поверья в рассматриваемое нами время наблюдались у осетин⁵⁷, абхазов⁵⁸ и многих народов, например, у восточных славян. Так, у них «счастливым» местом считалось то, на которое ложился рогатый скот: не рекомендовалось строить там, где раньше проходила дорога, на спорном участке или где кто-нибудь поранил топором руку...⁵⁹. Кстати, по нашим полевым материалам у чеченцев и ингушей также бытовало поверье, что нельзя строить на спорном участке⁶⁰. Правда, в рассматриваемое время эти поверья соблюдались далеко не всем населением.

Строго соблюдались и дни начала строительства жилища. Удачными считали понедельник — «уоришут де», четверг — «йеари де». Вторник — «шинара де» — по сведениям нашего информатора из сел. Бачи-Юрт Мукаева Ш., не одобрялся для строительства. «Наиболее благоприятными днями считались: понедельник, четверг и воскресенье»⁶¹, — отмечает З. А. Мадаева. Следили и за тем, кто первый подойдет к строящимся. Если им окажется подвижный, активный человек — «кадий, сиха стаг», работа должна была быть скоро закончена. Если же случалось, что подходил медлительный,

нерасторопный человек — «портал стаг», то строительство должно было затянуться и ему сопутствовали при этом неудачи⁶².

Таким образом, в XIX — начале XX в. в Чечено-Ингушетии было распространено несколько типов внутренней планировки жилищ. Одним из древнейших, продолжавшим бытовать в изучаемое время, было однокамерное жилище. Однако наиболее распространенными были двухкамерные и трехкамерные постройки. Как указывалось выше, в Чечне и Ингушетии в рассматриваемое время выделялись дома имущих слоев чечено-ингушского общества. Они в основном строились из железного кирпича или камня, часто в два этажа, крыши крылись железом, окна были большие. Естественно, и внутренняя обстановка в них отличалась богатством и роскошью. Как правило, некоторые семьи их имели и по несколько. Например, в сел. Али-Юрт большая семья Гойтаева Г. (24 человека, трехпоколенная) имела четыре дома, другая семья в том же селении (18 человек) имела только один дом⁶³. Добротные, красивые дома нового типа, безусловно, могли строить не все, поскольку нужны были средства. Все это свидетельствует о значительном социальном расколе, которое очень ярко проявилось в жилище.

Как показывают наши полевые материалы, у старшего поколения чеченцев и ингушей, можно сказать, до настоящего времени продолжает бытовать обычай оставлять после себя красивый большой дом. По сведениям наших информаторов, большинство вайнахов вкладывали в строительство нового дома почти все средства. Такие дома в большинстве случаев строили семьи, в которых имелись мальчики. По этому поводу А. Г. Ардасенов писал: «Между тем он (чеченец или ингуш. — З. Х.) довел себя до разорения с этими постройками. Сколько она ему стоила труда, времени, денег! Зачем же он их строил? Затем, что строились другие...»⁶⁴. Это высказывание, имеющее отношение к дореволюционной Чечено-Ингушетии, можно отнести в некоторой мере и к современному строительству чеченцев и ингушей.

Таким образом, подводя итог сказанному, следует отметить, что исследование жилища непосредственно связано с рассмотрением многих сторон семьи и семейного быта. Вместе с тем укажем, что современные дома и усадьбы сохраняют в себе отражение некоторых пережитков традиционного общественного устройства.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА, ИСТОЧНИКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Грабовский И. Ф. Экономический и домашний быт жителей участка Ингушевского округа. — Сборник сведений о кавказских горцах, вып. 3, Тифлис, 1870; Иванов М. И. В горах между р. Фортангой и р. Аргуном. — Известия Кавказского русского императорского географического общества, т. 18, № 1, М., 1904; Дубровин Н. С. История войны и владычества русских на Кавказе, т. 1, ч. 1. М., 1871; Телцов В. По истокам Кубани и Терека. — СМОМПК, вып. 14, 1892.

² Ган К. Ф. Экскурсия в Нагорную Чечню и Западный Дагестан летом 1901 г. — ИКОРГО, т. 15. 1902; Зейдлиц Н. К. Поездка в Чечню. — ИКОРГО, т. 2, 1984; Иваненков Н. С. Горные чеченцы. — Терский сборник, вып. 7. Владикавказ, 1910.

³ Робакидзе А. И. Жилаща и поселения горных ингушей. — Кавказский этнографический сборник, т. 2. Тбилиси, 1968; Кобычев В. П. Город, селения и жилища — культура и быт народов Северного Кавказа. М., 1968; его же: Новые и традиционные черты в современном жилище народов Северного Кавказа. — Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978; его же: Поселения и жилища народов Северного Кавказа. М., 1982; Умаров С. Ц. О поселениях и некоторых особенностях социально-экономического развития горной Чечено-Ингушетии. — Археолого-этнографический сборник, т. 3. Грозный, 1969.

⁴ Умаров С. Ц. Указ. раб., с. 180.

⁵ Кобычев В. П. Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв. 1982.

⁶ Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. — В кн. КЭС, т. 2. Тбилиси, 1968, с. 115.

⁷ Токарев С. А. К методике этнографического изучения материальной культуры. — СЭ, 1970, № 4, с. 14—15.

⁸ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М., 1961, с. 103.

⁹ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18502, л. 2 об.

¹⁰ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18507, л. 40.

¹¹ ЦГИАЛ, ф. 1290, оп. 5, д. 244, л. 76.

¹² Хасбулатова З. И. Пережитки большой семьи у чеченцев в конце XIX — начале XX в. — Проблемы истории СССР, вып. IX. М., 1979.

¹³ Харузин Н. И. Заметки о юридическом быте чеченцев и ингушей. — Сборник материалов, издаваемый при Дагестанском этнографическом музее, вып. 3, СПб., с. 123; Дубровин Н. Ф. Указ., раб., с. 414; Далгат Б. Материалы по обычному праву ингушей. — ИИННИК. Грозный, 1930, с. 350.

¹⁴ Цит. по Итопшвили В. Пережитки семейной общины в Горной Ингушетии. — КЭС, т. 2. Тбилиси, 1968, с. 210.

¹⁵ Дубровин Н. Ф. История войны и владычества..., с. 414.

¹⁶ ЦГА ЧИАССР, оп. 1, д. 37, л. 39; д. 39, л. 35, ф. 149, оп. 2, д. 29, л. 1 — 39. ЦГА СОАССР, ф. 20, оп. 1, д. 754, л. 68—74 и др.

¹⁷ Робакидзе А. И. Жилища и поселения горных ингушей. — КЭС, т. 2. Тбилиси, 1968, с. 90.

¹⁸ Сборник населенных мест Терской области, т. 2, Владикавказ, 1891, с. 100; ЦГИАЛ СССР (сведения о населенных пунктах по первой Всероссийской переписи), ф. 1290, оп. 11, д. 2378, л. 503; Хасбулатова З. И. Патронимия в системе сельской общины чеченцев во второй половине XIX — начале XX века. — В кн. Быт сельского населения Дагестана (XIX — нач. XX в.). Махачкала, 1981, с. 97.

¹⁹ Васильева Г. П. Отражение этносоциальных процессов в материальной культуре современной сельской семьи (на примере народов Средней Азии и Казахстана). — СЭ, 1982, № 5, с. 43.

²⁰ Кобычев В. П. Города, селения..., с. 100.

²¹ Даринский А. И. Семья у кавказских горцев. Варшава, 1903, с. 29.

²² Полевые материалы СКЭЭ МГУ. 1975—1978 гг.

²³ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. 1, д. 9, л. 11; д. 10, л. 31.

²⁴ Там же, ф. 190, оп. 2, д. 1, л. 24.

²⁵ Полевые материалы ЭЭ ЧИИИСФ, 1981.

²⁶ Вертепов Г. А. В горах Кавказа, с. 105.

²⁷ Христианович В. П. Горная Ингушетия. Р-на-Д, 1928, с. 73.

²⁸ Кобычев В. П. Города, селения..., с. 90—110.

²⁹ Гаглоева З. Д. «Рвадалта». VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, с. 1.

- ³⁰ Исламмагомедов А. Некоторые вопросы эволюции аварского жилища в XIX—XX вв. — УЗДФИНИАЛ, т. XIV, Махачкала, 1965, с. 263—264.
- ³¹ Чибириков Л. А. Осетинское народное жилище. Цхинвали, 1970, с. 141—142.
- ³² Студенецкая Е. Н. Современное кабардинское жилище. — СЭ, № 4, 1948, с. 1187.
- ³³ Иваненков Н. С. Горные чеченцы. — Терский сборник, Владикавказ, вып. 10, с. 146—147.
- ³⁴ Исламов А. А. Вайнахские культы огня и плодородия, как явления матрилинейного порядка. — В кн. Известия, т. IX, ч. I, вып. I, Грозный, 1972, с. 75.
- ³⁵ Калоев Б. А. Осетины. М., 1960, с. 151.
- ³⁶ Харузин Н. Н. По горам Северного Кавказа (путевые записки). Вестник Европы, кн. 10, т. 5, СПб., 1888, с. 52.
- ³⁷ Исламов А. А. Вайнахские культы..., с. 75.
- ³⁸ Шавхелишвили А. И. Из истории материальной культуры Тушетии, Чечни. — КЭС, вып. IV, Тбилиси, 1972, с. 79.
- ³⁹ В представленной статье мы только коснулись некоторых сторон этой очень интересной темы в силу ограниченности рамок статьи.
- ⁴⁰ Мамакаев М. А. Чеченский тайн в период его разложения. Грозный, 1973, с. 14.
- ⁴¹ Мамбетов Г. Х. Материальная культура сельского населения Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1971, с. 149.
- ⁴² Россиков К. Поездка в юго-западную часть горной Чечни и Западный Дагестан (1885 г.). — Известия Кавказского отдела русского географического общества, т. 9, № 2, СПб., 1887, с. 102.
- ⁴³ Каспарин А. А. Покоренный Кавказ. Очерки. СПб., 1904, с. 570.
- ⁴⁴ ЦГВИА СССР, ф. ВУА, д. 18507, л. 40.
- ⁴⁵ Харузин Н. Н. По горам Северного Кавказа..., с. 570.
- ⁴⁶ Калоев Б. А. Осетины, с. 19.
- ⁴⁷ Агаширинова С. С. Материальная культура лезгин (XIX — нач. XX в.). М., 1978, с. 169—170.
- ⁴⁸ Васильева Г. П. Указ. раб., с. 45.
- ⁴⁹ Вертепов Г. И. Ингуши. Историко-статистический очерк. Владикавказ, 1892, вып. 2, с. 94—95; Россиков К. Указ. раб., с. 106; Харузин Н. Н. Указ. раб., с. 502; Шавхелишвили А. А. Указ. раб., с. 76—77.
- ⁵⁰ Харузин Н. Н. Указ. раб., с. 502.
- ⁵¹ Полевые материалы ЭЭ ЧИНИСФ, 1983, карт. 12.
- ⁵² Там же, карт. 3, 5, 11.
- ⁵³ Семенов Н. Чеченцы. Этнографические заметки.
- ⁵⁴ Кобычев В. П. О традиционном делении жилища народов Северного Кавказа. — В кн. Полевые исследования института этнографии. М., с. 128—133.
- ⁵⁵ Ивайленков Н. С. Горные чеченцы. — Терский сборник, Владикавказ, вып. 7, 1910, с. 130; Самойлов К. Заметки о Чечне, ж. Пантеон, № 9, 1855, с. 57; Бергер А. Чеченка, 1938, с. 30—31; Хасбулатова З. И. Указ. раб.
- ⁵⁶ Полевые материалы ЭЭ ЧИНИСФ, 1983, карт. № 10, 15, 16 и др.
- ⁵⁷ Чибириков Л. А. Указ. раб., с. 123—124.
- ⁵⁸ Аджиинджал И. Жилища абхазов. Сухуми, 1967, с. 30—31.
- ⁵⁹ Байбури А. К. Жилища в обрядах и представлениях восточных славян. Ленинград, 1983, с. 34—35.
- ⁶⁰ Полевые материалы ЭЭ ЧИНИСФ, 1983, карт. 20.
- ⁶¹ Мадаева З. А. Народный календарь чеченцев и ингушей в конце XIX—начале XX в. — СЭ, 1980, № 6, с. 84.
- ⁶² Полевые материалы ЭЭ ЧИНИСФ, 1983, карт. 15.
- ⁶³ ЦГА ЧИАССР, ф. 149, оп. I, л. I, л. I об, 23.
- ⁶⁴ В.—И.—Л. Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Газ. «Новое обозрение», 1896, № 4216.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Виноградов Виталий Борисович — заслуженный деятель науки РСФСР и Чечено-Ингушской АССР, профессор, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории Чечено-Ингушского государственного университета имени Л. Н. Толстого, старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Даутова Резеда Абдулмуслимовна — младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Заседателева Лидия Борисовна — заместитель заведующего кафедрой этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова, доцент, кандидат исторических наук.

Калинкин Виктор Николаевич — директор детской художественной школы № 2 г. Грозного.

Мадаева Зура Абдурашидовна — заведующая сектором археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, кандидат исторических наук.

Мамаев Хамид Магомедович — младший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии.

Мужухоев Макшарип Баудинович — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, кандидат исторических наук.

Мунчаева Татьяна Григорьевна — аспирантка кафедры этнографии МГУ им. М. В. Ломоносова.

Радченко Иван Кириллович — директор Старогладовского музея Л. Н. Толстого, заслуженный работник культуры ЧИАССР.

Хасбулатова Зулай Имановна — старший научный сотрудник сектора археологии и этнографии Чечено-Ингушского института истории, социологии и филологии, кандидат исторических наук.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Л. Б. Заседателява, Т. Г. Мунчаева. Развитие типов поселений и жилищ русского и украинского населения притеречных районов Северного Кавказа (с середины XVI по начало XX в.)	7
В. Б. Виноградов. Поселения и жилища Чечено-Ингушетии в живописи XIX века (этнографический комментарий)	23
Р. А. Даутова. Башенные комплексы урочища «Эги-Чож»	36
В. Н. Калинин. К вопросу о классификации и датировке сохранившихся боевых башен с пирамидальным ступенчатым покрытием в Чечено-Ингушетии	58
З. А. Мадаева. Некоторые проблемы изучения поселений и жилищ народов Северного Кавказа (к выходу книги В. П. Кобычева «Поселения и жилища народов Северного Кавказа в XIX—XX вв.»)	73
Х. М. Мамаев. Из истории изучения средневековых городов Центрального Кавказа	79
М. Б. Мужухоев. К истории позднесредневекового зодчества Центрального Кавказа (по материалам полевых исследований автора в Чечено-Ингушетии и Северной Осетии)	94
<u>И. К. Радченко.</u> Поселения и жилища гребенских казаков (по материалам станции Старогладовской)	106
З. И. Хасбулатова. Жилище и семья у сельского населения Чечено-Ингушетии в XIX—XX вв.	113
Краткие сведения об авторах	127

Цена 1 р. 40 к.

Handwritten signature or initials